ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 45 НОЯБРЬ 1978

ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
61-я
ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 61-й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (2678)

4 НОЯБРЯ 1978

ВСЕГДА ВЕ
ЗНАМЕ

В президиуме торжественного заседания, посвященного 60-летию ВЛКСМ. Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

РНЫ
НИ РЕВОЛЮЦИИ !

Торжественная манифестация комсомольцев и молодежи Москвы и Московской области, посвященная 60-летию ВЛКСМ. Фото А. ГОСТЕВА

Яркой демонстрацией беспредельной преданности комсомольцев, всей советской молодежи делу Ленина, идеалам коммунизма стало торжественное заседание ЦК ВЛКСМ, комсомольского актива Москвы и Московской области, посвященное 60-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Оно состоялось 27 октября в Кремлевском Дворце съездов.

Бурной овацией, стоя встретили участники заседания товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, К. У. Черненко, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, Я. П. Рябова, К. В. Русакова.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. Участники торжественного заседания встают и приветствуют Леонида Ильича Брежнева долго не смолкающими аплодисментами.

В своем выступлении товарищ Брежнев, в частности, сказал:

«Центральный Комитет нашей партии принял решение: в связи с 60-летием ВЛКСМ и отмечая большие заслуги комсомола в коммунистическом строительстве, наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи памятным Красным Знаменем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Это особая награда. Красное Знамя — символ революции, символ самоотверженной борьбы за свободу и счастье людей труда...

Красное Знамя — это награда всем поколениям комсомольцев».

Товарищ Л. И. Брежнев под продолжительную овацию вручил представителям Ленинского комсомола памятное Красное Знамя ЦК КПСС.

Затем на торжественном заседании выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

На торжественном заседании выступили также токарь Московского автомобильного завода имени Ленинского комсомола комсорг участка Николай Махонин; механизатор колхоза имени Карла Маркса, Каховского района, Херсонской области, Татьяна Стрижак; студентка Ташкентского государственного университета Гульбахор Пулатова.

Ленинский комсомол приветствовали воины Советских Вооруженных Сил. От имени советских воинов выступил командир атомной подводной лодки капитан первого ранга Герой Советского Союза В. Т. Козлов.

Преемственность традиций союза молодых ленинцев наглядно продемонстрировало приветствие, с которым обратились к участникам торжественного заседания представители всех комсомольских поколений. От имени ветеранов комсомола выступил член КПСС с 1917 года, делегат III съезда РКСМ, делегат XXV съезда КПСС доцент Ленинградского политехнического института Л. И. Шушпанов.

Затем комсомол приветствовали юные ленинцы — посланцы пионерии всех союзных республик.

Горячими аплодисментами встретили присутствующие в зале выступление Данг Куок Бао — первого секретаря ЦК Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина.

С огромным подъемом, под бурные, продолжительные аплодисменты участники торжественного заседания приняли текст приветственного письма Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, товарищу Л. И. Брежневу.

28 октября комсомольцы и молодежь Москвы и Московской области собрались на Красной площади, чтобы рапортовать Родине, партии о своих делах и свершениях, вновь присягнуть на верность Красному Знамени революции.

На центральной трибуне Мавзолея В. И. Ленина — член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, первый секретарь МК КПСС В. И. Конотоп, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, секретари МГК и МК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМ союзных республик, руководители делегаций зарубежных молодежных организаций, прибывших на юбилейные торжества, видные военачальники.

На Красной площади состоялись митинг и торжественная манифестация комсомольцев и молодежи.

Торжественная манифестация в Москве вылилась в яркую демонстрацию тесной сплоченности комсомольцев, всей советской молодежи вокруг Коммунистической партии Советского Союза.

РАССКАЗЫ ИЗ КОСМОСА

Космонавты В. Коваленок и А. Иванченков во время сеанса связи с Землей.

Телефото ТАСС

Завершилась программа самого длительного полета в истории мировой космонавтики. Владимира Коваленка и Александра Иванченкова провожали на орбиту в начале лета. Без них на Земле отзвенело лето, без них дождями и листопадами прошлась осень.

Однажды, это было еще в самом начале полета, экипаж вел операции по ориентации станции. Командир деловито докладывал обстановку, а потом вдруг сказал: «А у нас за окнами... метель. Черный космос, черное, как бархат, небо, и сверкающие снежинки роятся. Если забыть про невесомость — ну, точно зимняя ночь!» Земля недоуменно помолчала, а потом отозвалась восхищенно: «Ну, Володя, ты поэт!»

Обычно радиодиалог «Земля — орбита» суховат, точен, предельно насыщен информацией и зачастую понятен только специалистам. Но бывало, и нередко, словно вспыхивало что-то в душе, когда по-человечески хотелось поделиться не дробью цифр и наименований, а тем, как они ощущали свой полет, свое бытие, свое дело. И тогда Земля слышала не информацию, а рассказы из космоса, которые воспринимаются теперь как один из итогов проделанной работы.

ВЫХОД ВО ВСЕЛЕННУЮ

Владимир КОВАЛЕНОК:

— Готовились к выходу в космос долго. Каждый элемент операции требовал продуманности. И много раз мы мысленно проигрывали все, что предстоит сделать. Вот приплывем мы в переходный отсек, это наша передовая камера. Я стану так, потом поворачиваюсь, берусь за ручку... Решили подготовиться, чтобы, когда начнется работа, только по мимике, по глазам понимать друг друга.

Земля тоже готовилась. Когда уже все было понятно, мысленно зафиксировано, мы получили циклограмму из центра управления полетом, сверили со своей, оказалось, что совсем нет расхождений. Минута в минуту!

Со скафандром тоже еще и еще раз все проверяли. Ведь это не комбинезон, не костюм, где два кармана, застежка — и все. Это миниатюрный космический корабль, сложный именно благодаря миниатюрности.

И вот начали работать по выходу в космос. Все идет хорошо. Давление проверили, полностью вакуум, и вдруг... замок люка не открывается. Саша так, сяк — не идет, прилип. Тут Саша как поднатужится, люк открылся... и такой поток света ворвался, что светильники наши померкли, то есть стали совсем невидимыми. А свет, как река горная, льется в нашу станцию. Скорее, скорее опустить светофильтры! Из-за плеча Саши смотрю — зарево, горизонт и Земля проплывает. И вспомнил Алексея Леонова, как он делал свой первый шаг во Вселенную. Нам-то легче, путь проложенный. Секунду размышлял-то, не больше, а гляжу, Сашу в его 180-килограммовом скафандре высасывает, как пушинку. Покрепче его привязал, еще улетит. И стукнул по плечу — давай, мол, иди, любоваться нам некогда...

Александр ИВАНЧЕНКОВ:

— Вышел я на срез люка. Володя помогает, жестами все об осторожности напоминает. Снимаю приборы и чувствую, как сильно, жестко печет в космосе солнце. Через скафандр, перчатки ощущаешь, до чего оно здесь негостеприимное. Но тем не менее в скафандре надежная система охлаждения, работаю спокойно. За два часа, что были в вакууме, раз облетели Землю и еще с гаком прошли. Удивительное чувство, когда под тобой молнии, облака, моря, материки...

НИКОГДА НЕ РАСКИСАТЬ

Владимир КОВАЛЕНОК (из письма в ЦУП):

«День да ночь — сутки прочь. Вот так и катаемся мы в этом безбрежном космосе уже более семидесяти суток. И нам по-человечески жалко вас в ЦУПе. Ведь вам надо регулярно ездить на свои смены, ходить в прачечную, развлекать жен, всегда торопиться. И надоели же, верно, мы вам, хлопот доставляем уйму. Нам здесь значительно проще. Все рядом, все под руками, все продумано.

Сейчас наша жилая зона выглядит так, какой была перед стартом, если не считать документации на стенках. Кое-где стало даже просторнее. А ведь уже разместили содержимое двух грузовиков. И третьему место подготовили.

Живем дружно. Провожаем один экипаж, погрустим и готовимся к встрече второго. Работу не делим и заслуг не считаем. Сами себе актеры и режиссеры. Очень многое зависит здесь от собственного настроя. Надо учиться настраиваться вот на такие длительные полеты. Сумеешь убедить себя и товарища, что месяц — это не срок, что он короче дождливой недели, и месяц в космосе станет коротким. Убедить себя, что съесть эту тубу — значит сделать положительный штрих в пользу выполнения программы. Никогда не раскисать, даже если сорвал что-то в эксперименте. Эксперимент можно повторить, а состояние — вряд ли. У нас нет сомнений, что работу доведем до финиша».

НЕВЕСОМОСТЬ РАБОТАЕТ ДЛЯ ЗЕМЛИ

Александр ИВАНЧЕНКОВ:

— Из установки «Кристалл» достали первые ампулы. В одной — красота какая — на белом цилиндре ярко-желтый кристаллик! Сферической формы, много-много сверкающих граней. Кристалл по размеру солидный, в диаметре шесть миллиметров, семь в длину. Прекрасный образец для изучения.

На пластинке полупроводникового кристалла размером чуть больше спички делают электронные схемы, по сложности превосходящие начинку цветного телевизора. На Земле такие кристаллы получать трудно и дорого, а главное, они весьма далеки от совершенства. А здесь невесомость работает для наших целей. Сегодня в космосе только идут эксперименты, но думаем, что скоро придет время промышленной технологии на орбите. Вот вам одна только грань экономики космических полетов.

ЦВЕТОМУЗЫКА НАД ПЛАНЕТОЙ

Александр ИВАНЧЕНКОВ:

— Наблюдаем лунное затмение. Регистрируем его в ультрафиолетовом диапазоне бортовым телескопом. Сначала на Луну наплыл маленький диск Земли, потом он заполнил ее полностью, но Луна все же светилась, только цвет стал иной — мягкий коричневый. Вот когда с Земли наблюдаешь, то видишь Луну как горячий кусок металла, так бегает, бегает пламечко, а здесь ровный, спокойный цвет, даже невооруженным глазом видны темно-бурые пятна лунных морей. Ох, как мы волновались, старались успеть и зарисовать и описать затмение! Ведь это интереснейшее явление впервые наблюдается вне атмосферы.

Работали мы с бортовым телескопом. Довольно массивное сооружение, весит 650 килограммов. В отличие от оптических этот прибор видит невидимое. Его приемник регистрирует излучение в ультрафиолетовом, инфракрасном и субмиллиметровом диапазонах электромагнитных волн. А весь диапазон видимого света как бы выброшен. Цель нашей работы с ним — получить информацию о процессах, происходящих в атмосфере Земли и межзвездном пространстве.

Мой командир управляет станцией, выводит меня на нужный объект, я же подправляю и удерживаю ручкой ось телескопа с минутной точностью на этот источник. Аппаратура тонкая, я бы сказал, капризная, и, хотя мы и тренировались на Земле, пришлось немало повозиться, чтобы настроить телескоп и заставить работать...

Отпраздновали день годового юбилея станции. Утром проснулись, глянули в иллюминатор, а по всему небесному своду идет такая пелена — ученые называют это явление второй эмиссионанный слой. Редкое явление. Мы точно зафиксировали время, было это в 9 часов 14 минут.

Совершенно неожиданно космос преподнес еще один сюрприз — невиданное сверхмощное полярное сияние. Трудно описать словами буйство малиновых красок этого гигантского павлиньего хвоста. Потом пошла перемена цветов, как будто волны под нами прокатывались. «Цветомузыка над планетой!» — кричал Володя.

ДЛИТЕЛЬНЫЕ ПОЛЕТЫ НЕОБХОДИМЫ

Владимир КОВАЛЕНОК:

— Вот уже мы работаем более чем сто суток. Привыкли к невесомости, сжились со станцией, поняли ее ритм. Что самое ценное? Начинаем лучше видеть Землю.

Длительный космический полет наделяет космонавтов прекрасным качеством — обладанием взгляда. Вот наши товарищи, космонавты первой экспедиции Георгий Гречко и Юрий Романенко, впервые применили здесь на практике, как мы называем, гравитационную ориентацию станции: это когда продольная ось все время направлена в центр Земли. Так вот, при гравитационной ориентации мы имеем возможность осматривать Землю вкруговую. Ведь в переходном отсеке шесть иллюминаторов, и когда мы пролетаем над дельтой Волги, то в один из иллюминаторов видны побережье Финского залива, Ленинград, Финляндия, а в противоположный — Памир. Представляете, каков круговой обзор...

Помню, как мы вначале бросались то к карте, то к иллюминатору и теряли очень много времени, а нужный объект уплывал. Ведь отведено-то нам всего лишь 20 секунд. А когда мы летаем долго, несколько месяцев, то за считанные секунды успеваем «схватить» нужный объект.

С каждым днем растет удель-

ный вес полезной информации. Где бы мы ни летели, над сушей, над облачностью, над Мировым океаном, всегда ведем наблюдения, если, конечно, нет важных экспериментов. И складывается общее впечатление о Земле как о каком-то едином организме. Кажется, что нет на ней материков, отдельно живущих друг от друга, они связаны очень многими явлениями.

Мы как-то рассказывали о мощных пылевых бурях в Сахаре. Пыль, сгоняемая с песков пустыни, поднимаясь на большие высоты и смешиваясь с облачностью, ветром переносится... вплоть до Южной и Северной Америки.

Или на заходе солнца мы видим, как с Мадагаскара сплошной завесой дым идет на Африку, а сама Африка в этот момент представляет из себя будто пылающий континент. Она вся в дымах, и они стелются ядовитой синей полосой через весь континент.

Теперь о Мировом океане. Он, по-видимому, формирует погоду. Здесь очень необычная структура облачности. В самом океане чрезвычайно интересны течения. Всю эту информацию нужно осмыслить, передать на Землю. Мы знаем: она необходима и ученым и хозяйственникам.

Недавно заметили в акватории океана, куда должны идти на рыбные промыслы суда, колонию айсбергов. Сотни огромных плавающих льдин! Сразу передали сообщение через ЦУП в службу обеспечения безопасности движения кораблей.

В будущем на многоместных космических станциях смогут работать специалисты различных отраслей. Мы понимаем, что сейчас не можем их всех заменить. Но мы стараемся помочь ученым, специалистам в познавании нашей родной прекрасной Земли.

* * *

Во время своего рекордного полета советские космонавты Владимир Коваленок и Александр Иванченков выполнили огромную программу научно-технических и медико-биологических исследований. Например, полезный всем лук, прожив все стадии развития в космосе, впервые дал семена. А ведь раньше попытки заканчивались неудачно. Первая надежда, что в будущем можно создать в невесомости системы с замкнутым биологическим циклом. И это лишь один штрих биологической программы.

Очень успешно занимались космонавты научными исследованиями по астрофизике, экспериментами по получению сверхчистых материалов и полупроводников в условиях невесомости.

Дважды принимали Владимир Коваленок и Александр Иванченков на станции «Салют-6» экспедиции посещения, полностью выполнили запланированные советско-польскую и СССР—ГДР программы изучения космического пространства в рамках «Интеркосмоса». Надежно продолжал действовать мост «Земля — орбита»: принято три транспортных корабля «Прогресс» с продуктами, водой, оборудованием и топливом для станции.

Советские космонавты Владимир Коваленок и Александр Иванченков трудились не только для нашей страны, но и для всего человечества.

Рассказы записала Р. ГЕОРГИЕВА.

ВЫДАЮЩЕМУСЯ ДЕЯТЕЛЮ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА

31 октября в Москве торжественно открыт памятник Якову Михайловичу Свердлову — замечательному революционеру-ленинцу, выдающемуся деятелю Коммунистической партии и Советского государства. Монумент сооружен по решению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. Памятник установлен на площади, носящей имя Я. М. Свердлова.

На митинг, посвященный знаменательному событию, собрались сотни трудящихся столицы. Присутствуют член Политбюро ЦК КПСС, первый секре-

СТРОКИ ИСТОРИИ

П. ОЛЬШАНСКИЙ,
доктор исторических наук

■

Исполняется 60 лет со дня восстановления польской государственности. Более ста лет Польша как государство не существовала на карте Европы. Реальный путь для восстановления ее национальной независимости открыла историческая победа пролетариата России в октябре 1917 года. «Октябрьская социалистическая революция,— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— дала мощный толчок всему мировому общественному развитию, ускорила ход революционной и освободительной борьбы».

Великий Октябрь занимает в тысячелетней польской истории особое место. Известный польский историк-марксист, Председатель Государственного Совета ПНР Г. Яблоньский так оценивает это событие: «Проблема независимости польского народа после социалистической революции в России была уже исторически решена, так как было выполнено основное условие этой независимости. Ноябрь 1918 года был только логическим завершением развивающегося процесса».

Это с неопровержимой ясностью подтверждают строки исторических документов. Напомним важнейшие из них.

МАРТ 1917 ГОДА. Сразу же после свержения самодержавия в России Петроградский Совет рабочих депутатов по инициативе большевиков принимает обращение к польскому народу, в котором говорится: «...Польша имеет право быть совершенно независимой...»

НОЯБРЬ 1917 ГОДА. На второй день после установления Советской власти принят ленинский Декрет о мире, провозгласивший демократический мир без аннексий и контрибуций. 2 (15) ноября опубликована Декларация прав народов России, в ней провозглашалось право народов, входивших в состав бывшей Российской империи, на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Эти исторические документы были сразу же переведены на польский язык и опубликованы в «Трыбуне» — газете польских социал-демократов, выходившей в Петрограде.

ДЕКАБРЬ 1917 ГОДА. Реализуя Декрет о мире, Советское правительство вступило в мирные переговоры с Германией и Австро-Венгрией и обратилось к державам Антанты, к правительствам и народам всех воюющих стран с предложением о перемирии и мире. Во время начавшихся 9 (22) декабря переговоров в Брест-Литовске советская делегация потребовала вывода оккупационных войск с территорий, захваченных во время войны, и полного восстановления самостоятельности населявших их народов. В полной мере это относилось к польским землям, целиком оккупированным войсками Германии и Австро-Венгрии. Советское правительство предоставило возможность выступить на переговорах в Брест-Литовске представителю самого польского народа — одному из лидеров революционной социал-демократии Польши, Станиславу Бобиньскому. «От имени польского пролетариата мы торжественно заявляем,— сказал С. Бобиньский,— что до сих пор только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа и что, не будь Польша оккупирована, она уже в настоящее время обладала бы той же свободой, которой пользуются прочие народы России».

Используя слабость молодого Советского государства, германские империалисты вынудили Россию подписать тяжелые условия Брестского мира. Польша оставалась под пятой германских оккупантов. Державы Антанты начали вооруженную интервенцию против молодой Республики Советов. Но и в этих тяжелых условиях Советское правительство продолжало последовательно осуществлять по отношению к Польше ленинскую национальную политику. Действовал созданный в первые дни Советской власти Польский комиссариат. Он был образован при Народном комиссариате по делам национальностей, возглавлял его видный деятель польского рабочего движения Ю. Лещиньский. Рядом вопросов, поставленных Польским комиссариатом перед Советским правительством, занимался лично В. И. Ленин.

ЯНВАРЬ 1918 ГОДА. Ленин подписывает Декрет Совнаркома об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу. Картины, скульптуры, библиотеки, архивы — все то, что составляло национальное достояние поляков, Советская власть брала под свою охрану. За полтора месяца — с декабря 1917 года по январь 1918-го — Лениным было подписано четыре декрета, касающихся специально польских дел.

АВГУСТ 1918 ГОДА. Ленин ставит свою подпись на историческом Декрете Совета Народных Комиссаров от 29 августа об отмене всех договоров, заключенных русским царизмом с правительствами Германии и Австро-Венгрии о разделе Польши. Отныне акты империалистических монархий, узаконившие разделы Польши, угнетение и порабощение польского народа, теряли всякую силу. Декрет закладывал юридическое основание для восстановления свободного, независимого польского государства, объединенного в его этнических границах. С обнародованием этого декрета связана новая мощная волна национально-освободительной борьбы польского народа осенью 1918 года.

НОЯБРЬ 1918 ГОДА. 13 ноября ВЦИК принял постановление об аннулировании грабительского Брест-Литовского мирного договора. В постановлении еще раз заявлялось, что польские трудящиеся массы призваны сами решать свою судьбу.

В этот решающий для польского народа момент его прогрессивные силы возглавляли две революционные пролетарские партии — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польская социалистическая партия-левица. В декабре 1918 года они объединились в Коммунистическую рабочую партию Польши, ставшую во главе революционно-демократической борьбы. В ряде городов и промышленных центров стали возникать Советы рабочих депутатов. Однако власть в Польше в момент восстановления ее государственности захватили представители эксплуататорских классов. В стране установилась диктатура буржуазии и помещиков.

Правящие круги Польши проводили антисоветский внешнеполитический курс, выступали в фарватере империалистических держав, а

тарь МГК КПСС В. В. Гришин, первый секретарь МК КПСС В. И. Конотоп, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасов, председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов, ответственные работники ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, руководители ряда министерств.

Всю свою короткую, но яркую жизнь Я. М. Свердлов отдал борьбе за дело рабочего класса, дело нашей партии, сказал в своем выступлении В. В. Гришин.

На митинге выступили также вице-президент Академии наук СССР академик П. Н. Федосеев, член КПСС с 1914 года Н. П. Богданов, работавший под руководством Я. М. Свердлова, слесарь завода «Тизприбор» С. Ф. Трушкин.

Монумент сооружен по проекту скульптора Р. Е. Амбарцумяна и архитектора Б. И. Тхора.

Фото А. Гостева

в середине тридцатых годов пошли на сближение с фашистской Германией, что привело страну к политической изоляции на международной арене и в конце концов к сентябрьской катастрофе 1939 года. Независимое польское государство перестало существовать, над польским народом нависла угроза физического уничтожения германским фашизмом.

В годину самых тяжелых испытаний с братской помощью пришло государство, рожденное Великим Октябрем. В результате побед Советской Армии перед польским народом открылась возможность освобождения Родины. Лучшие сыны и дочери Польши вели активную вооруженную борьбу с фашистскими оккупантами. Ее возглавила созданная в подполье в 1942 году марксистско-ленинская Польская рабочая партия. На советской территории по инициативе польских патриотов и с помощью Советского правительства была сформирована первая польская воинская часть — дивизия имени Костюшко, которая 35 лет назад получила боевое крещение на белорусской земле под Ленино. 21 июля 1944 года в Хелме, только что освобожденном от гитлеровцев, был образован Польский комитет национального освобождения — первое народное правительство Польши. В своем Июльском манифесте он провозгласил образование польского государства, где власть принадлежит трудящимся.

За свободу и независимость польского народа погибло 600 тысяч советских воинов. Советско-польское братство по оружию превратилось в прочный союз, скрепленный подписанным 21 апреля 1945 года Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, который был продлен в апреле 1965 года.

Сегодня социалистическая Польша — страна с высоким международным авторитетом, входящая в число десяти промышленно наиболее развитых стран мира. В дружной семье братских социалистических стран польский народ успешно решает задачу огромного исторического значения — строит на польской земле развитое социалистическое общество.

НЕЙТРОННОЕ БЕЗУМИЕ ИЛИ ПРОСТО ШАНТАЖ?

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Сергей ЛОСЕВ

На этот нелицеприятный вопрос вряд ли захотят ответить те, кто посоветовал президенту США принять опасное для будущего народов и дела всеобщего мира решение о производстве «основных компонентов» нейтронного оружия: новой ядерной боеголовки и ядерного снаряда соответственно для тактической ракеты «Лэнс» и восьмидюймовых гаубиц — им, как известно, отведена роль носителей нейтронной смерти.

Но и без ответа ясно, что подписанный 25 октября Дж. Картером законопроект об ассигнованиях на развитие ядерных вооружений открывает «зеленый свет» производству нейтронных боеголовок. Как уточняет Пентагон, эти «компоненты» в несобранном виде будут храниться на американских складах с таким расчетом, чтобы можно было обеспечить быструю сборку и развертывание нейтронного оружия на «европейском театре военных действий» (?!).

Белый дом и госдепартамент в эти дни усердно «просачивают» в прессу разного рода толкования предпринятого шага, стремясь сбить с толку общественное мнение: одним говорят, что это своего рода «кость», брошенная для ублажения стервятников из военно-промышленного комплекса США, других уверяют, будто принято некое «промежуточное решение», не отменяющее апрельское заявление Картера об отсрочке окончательного решения о производстве нейтронного оружия, третьим внушают, что нажатием пусковой кнопки конвейера, с которого будут сходить так называемые долговременные компоненты, хотели «успокоить» западноевропейских союзников США по НАТО, которые якобы ждут не дождутся, когда же на их территории будет расквартирована нейтронная бомба.

Между тем как раз в Западной Европе, как нигде, сильно негодование по поводу последнего акта американской администрации, свершенного за спиной европейцев и без их согласия. На брюссельской сессии группы ядерного планирования НАТО американский министр обороны Г. Браун поставил своих коллег перед свершившимся фактом, не имея ясного согласия ни от одного европейского правительства на размещение нейтронного оружия на своей территории. Кабинет министров и парламент Голландии в специальных заявлениях выразили глубокую озабоченность в связи с решением о производстве «основных компонентов». Член Национального исполкома лейбористской партии Фрэнк Оллаун в письме на имя английского премьера потребовал, чтобы британское правительство высказалось против опрометчивого шага американской администрации. А организация «Лейбористы — за мир» призвала правительство привести свою политику в соответствие с принятым недавно решением ежегодной конференции лейбористской партии, осудившей нейтронное оружие.

Таких примеров множество. Только что завершившаяся международная Неделя действий за разоружение прошла в Европе под знаком борьбы против нейтронной смерти. Натовские россказни о «невинности» нейтронной бомбы, рассуждения о том, что это оружие массового уничтожения предназначено «только против танков», вводят теперь в заблуждение лишь немногих. Ведь даже в случае взрыва над Европой одной нейтронной бомбы средней мощности очаг поражения из-за наведенной радиации затронет несколько государств: миллионы людей будут жить на отравленной земле, пить отравленную воду, дышать отравленным воздухом.

Некоторые высокопоставленные официальные лица в Вашингтоне и Бонне откровенно расценивают решение о производстве «основных компонентов» как некое «предостережение» Советскому Союзу в том смысле, что Соединенные Штаты действительно приступят к развертыванию нейтронного оружия, если СССР не пойдет на уступки в ходе переговоров об ограничении вооружений. Подобный шантаж не имеет ровным счетом никаких шансов на успех, и его инициаторы не должны питать на этот счет каких-либо иллюзий. Нейтронная бомба как «разменная монета» на переговорах не принесет США ни политических, ни военных дивидендов.

Но если эта бомба будет создана на Западе, то, как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев, «СССР не останется пассивным наблюдателем. Мы будем поставлены перед необходимостью дать ответ на этот вызов в целях обеспечения безопасности советского народа, его союзников и друзей. В конечном итоге все это поднимет на еще более опасный уровень гонку вооружений... Мы этого не хотим и поэтому предлагаем договориться о взаимном отказе от производства нейтронной бомбы, чтобы избавить мир от появления этого нового оружия массового уничтожения людей».

Это советское предложение все еще остается в силе и ждет от США разумного ответа, а не шантажистских трюков, служащих, помимо всего прочего, пропагандистским прикрытием для дальнейшей модернизации и наращивания арсенала тактического ядерного оружия в Европе, где и без того накоплено семь тысяч американских ядерных боеголовок.

Что касается венских переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе и переговоров по ограничению стратегических вооружений, то они, как это и было согласовано, не должны наносить ущерба безопасности ни одной из договаривающихся сторон. Иными словами, попытки вырвать односторонние военные преимущества путем разработки и развертывания новых видов оружия массового уничтожения беспредметны.

Но договоренность о взаимном снижении уровня вооружений без ущерба безопасности любой из сторон может и должна быть достигнута, если исходить из примерного равновесия стратегических сил СССР и США, сил НАТО и государств Варшавского Договора. Со своей стороны, Советский Союз делает все возможное, чтобы успешно и по возможности скорее завершить переговоры об ограничении вооружений.

Сергей СМИРНОВ

НАШ ОКТЯБРЬ

Октябрь не только праздник—
Это будни
И все, что мы решаем и вершим.
Он с каждым днем
масштабней,
многотрудней
При штурме
Всех глубин
И всех вершин.
Октябрь
не только памятная веха,—
Он весь наш путь —
Под ленинской рукой.
Октябрь
Для нас
заглавный светоч века.
В его лучах
Воспрянул род людской.
Октябрь —
все то,
Что в высшем смысле
ново.
Он—власть труда,
Он—мирный блеск брони,
Он — революционная основа
Преображенья мира
в наши дни.
Он всех людей
Сзывает воедино.
Он учит жить
державней и щедрей.
Он создал
Человека-гражданина
Во славу
Всех
Грядущих
Октябрей!

НА НАШЕМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГЕРБЕ ЗОЛОТЫЕ КОЛОСЬЯ ПШЕНИЦЫ. И ЭТО НЕ СЛУЧАЙНО. НАШ ХЛЕБ — ЭТО РЕЗУЛЬТАТ ОБЪЕДИНЕННОГО ТРУДА КРЕСТЬЯНИНА, РАБОЧЕГО И ИНТЕЛЛИГЕНТА.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Союз серпа и молота, как известно, зародился на берегах Невы, в Петрограде. С чего начать наш рассказ о свершениях ленинградцев, утверждающих делами своими, сколь крепок, нерушим этот союз: с конструкторского бюро, где замышляется новая модель «Кировца», или с экспедиции ВИРа — Всесоюзного института растениеводства; с мастерских «Ленгражданпроекта», где на ватмане прочтешь первые строки биографии агрогорода, или с Гипрохима, в лабораториях которого обогащается новинками индустрия удобрений!

В Ленинградском обкоме партии нам посоветовали: «Начните с традиции...»

ПО ЛЕНИНСКОМУ СЛОВУ

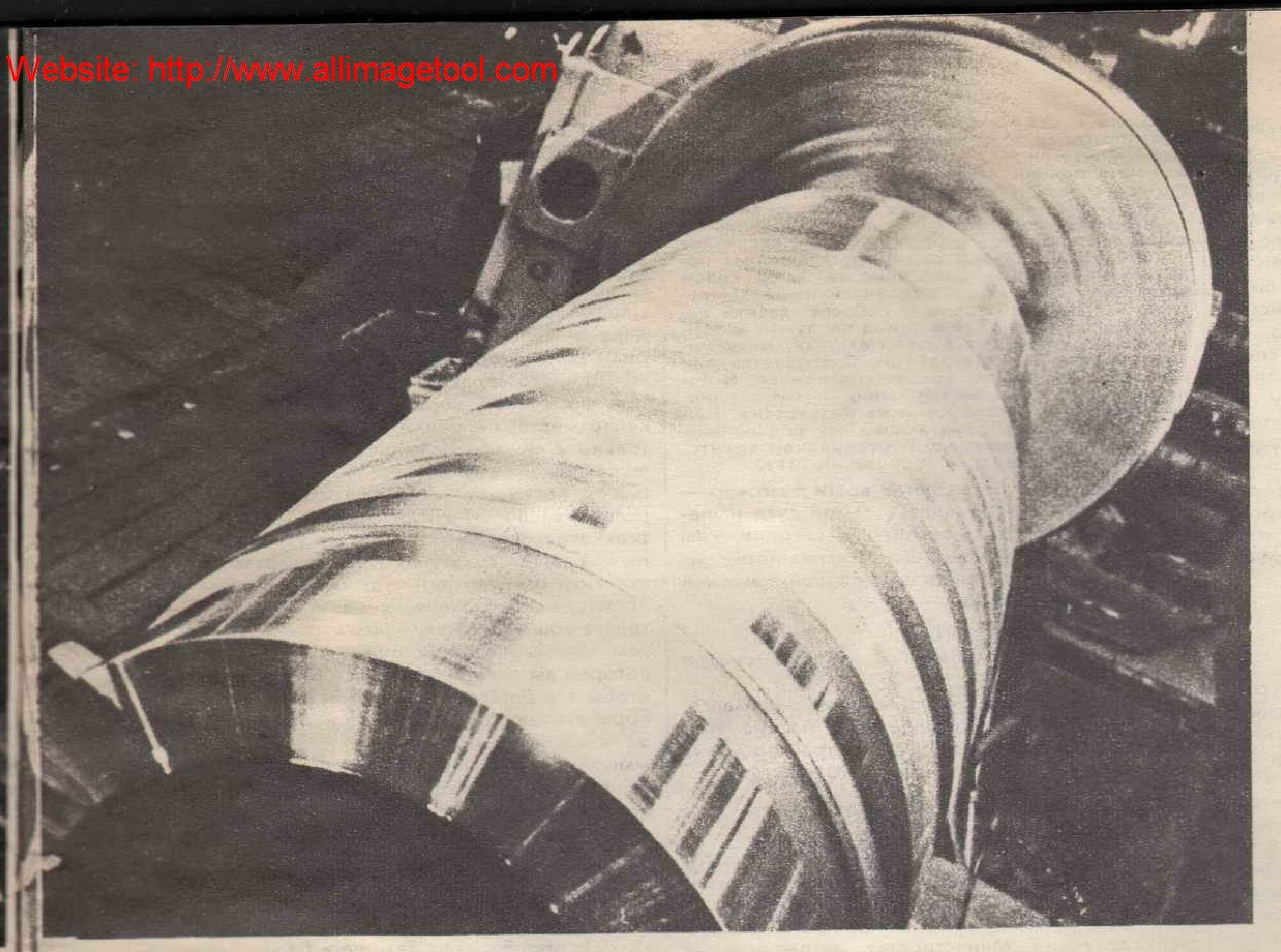
«Пусть каждая партийная организация, каждый профессиональный союз, каждая фабрика, мастерская и т. д. свяжутся специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами, для помощи им, для просвещения их, для победы над кулаками...» Рабочие Петрограда горячо откликнулись на ленинское слово о союзе серпа и молота. Здесь, за Невской заставой, на бывшем Семянниковском заводе, ныне Невском машиностроительном имени В. И. Ленина, на Обуховском, ныне заводе «Большевик», родился почин, о котором Владимир Ильич позже в записке наркому земледелия напишет, чтобы помогли подателям и поддержали их прекрасный почин.

В начале 1918 года к Ленину явилась делегация 1-го Российского общества земледелов-коммунистов, образованного рабочими Обуховского и Семянниковского заводов Петрограда, с просьбой оказать им содействие в организации сельскохозяйственной коммуны в Семипалатинской области. Владимир Ильич высоко оценил этот душевный порыв рабочих и, выразив уверенность в том, что они покажут местному населению пример коллективного труда, тут же дал указание—выделить коммунарам военные палатки, кухни, хлебопекарню, оружие, обеспечить их переезд в Семипалатинск.

...На полях совхозов Лужского района, Ленинградской области, повстречали мы недавно продолжателей тех славных традиций Невской заставы: 60 заводов, фабрик, институтов оказывают шефскую помощь лужанам. Тепло, с благодарностью рассказывал нам об их делах секретарь Лужского горкома партии Валентин Михайлович Гребнев: «Спасибо, помогают. Здорово помогают!» Инженеры завода «Большевик» сконструировали, а рабочие смастерили для лужан картофелекопатели-валкователи. И запасные части к ним. И пункт технического обслуживания оборудовали. По полной программе. А невские машиностроители тем временем по-ударному сооружали линию механизированного приготовления витаминизированной муки. Пошли в дело «свежеиспеченные» агрегаты АВМ: три тонны муки в час. Только-только вступил в строй завод, где стали делать эти самые долгожданные АВМ. А уже в этом году сто таких агрегатов получат животноводы. Отличный им подарок.

Л. ЛЕРОВ,
К. ЧЕРЕВКОВ

СВЕТ СЕ

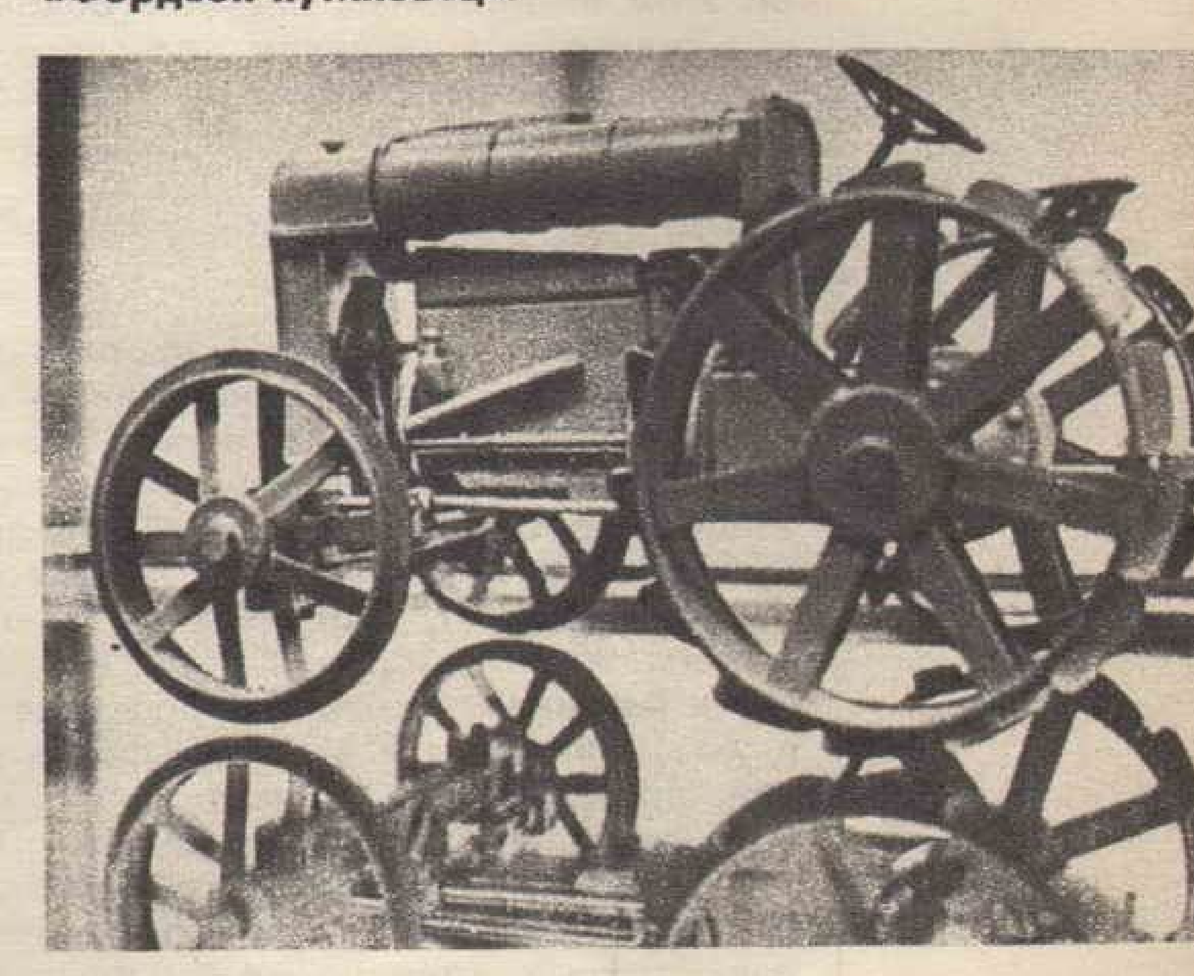

На Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина токарь-универсал В. С. Пятаков досрочно выполняет задания для села.
Фото И. ШАРАПОВА

Так выглядит «К-170 М», трактор завтрашнего дня.
Фото К. Барыкина

«Фордзон-путиловец».

...Большие заботы села! Не сегодня заняли они прочное и постоянное место в поле зрения ленинградцев, ленинградских партийных организаций. А после июльского (1978 года) Пленума ЦК КПСС готовность помочь селу стала еще более планомерной и многообразной. Вдохновляют добрые слова, сказанные на июльском Пленуме ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым о работе Ленинградской и других парторганизаций по развитию шефских связей города и села.

«Шаги саженьи» технического прогресса изменили сам характер шефства. Оно теперь все в большей мере строится на экономической основе. Невские машиностроители показали нам документ—знамение времени: двусторонний договор сотрудничества завода и совхоза. Оговорены объем работ, сроки, взаимные права и обязанности, меры материальной ответственности партнеров, экономического стимулирования.

Заходишь в партком завода. С утра на стол секретаря ложатся сводки из цехов. И тут же только что переданная по телефону сводка с полей подшефного совхоза. Там тоже трудятся заводские, и коммунисты —«на передовой».

В разгар страды мы побывали в Ленинграде в некоторых райкомах партии.

ЧТО ЭФФЕКТИВНЕЕ!

...Октябрьский район Ленинграда — район прославленных судостроителей. В промышленно-транспортном отделе райкома партии наше внимание привлек укрепленный на стене большой лист бумаги, расчерченный многоцветными линиями, испещренный какими-то знаками. Прочли заголовок — сетевой график. К строительству кораблей не имеет никакого отношения. Это график расширения промышленного животноводческого комплекса «Пашский» в Волховском районе. С комментариев к графику и началась наша беседа с первым секретарем Октябрьского райкома партии А. А. Провоpовым.

— Что можно сказать об этой стройке? Орешек достался шефам крепкий. Там, где простиралась топь с первозданно непроходимыми зарослями, где ноги по колено вязли в болоте, там в короткий срок, за несколько месяцев, объединив усилия, не боюсь употребить этого слова, героические усилия шефов и заказчика, Главзапстроя и проектного института, удалось сдать под технологическое освоение здание для откорма четырех тысяч голов крупного рогатого скота. Откорм уже идет вовсю, а стройка продолжается, и придется одолеть немало ухабов, чтобы выполнить наше обязательство — досрочно ввести комплекс в эксплуатацию на полную мощность. Вот и появился у нас в райкоме сетевой график. Работы ведутся широким фронтом, райком партии каждодневно следит за их ходом.

«Пашский» комплекс — один из многих, правда, наиболее значимый, объектов производственного и бытового назначения, в сооружении которых активное участие принимают шефы. Приведу две цифры. В подшефных колхозах за всю девятую пятилетку предприятия и различные организации района выполнили строительно-монтажные работы на три миллиона рублей, а в одном нынешнем году освоили три миллиона двести тысяч. Таков размах. Но дело не только в цифрах. Разительны перемены в сути самих шефских связей. Главное сегодня — обеспечить село средствами механизации, помочь перевести труд в поле и на ферме на индустриальную основу, передать свой опыт промышленной организации производства. Содружество города и деревни становится комплексным, устойчивым. Осуществляется оно теперь на основе долгосрочных, подчеркиваю, долгосрочных договоров с взаимной материальной ответственностью партнеров. Так что сам термин «шефство» в какой-то мере становится условным. Точнее, культурно-техническая помощь, которая планируется теперь с заглядом далеко вперед, входит составной частью в планы экономического и социального развития сельскохозяйственных и промышленных объединений, предприятий.

Если вы полистаете вот эту тоненькую книжицу — «Социалистические обязательства трудящихся Октябрьского района города Ленинграда на 1978 год»,— то найдете там раздел: «Для сельского хозяйства Ленинградской области и Нечерноземной зоны РСФСР». Тут и «выпуск проектно-сметной документации по объектам сельского хозяйства Ленинградской области на сумму 4 миллиона рублей»; и мясоперерабатывающий завод; и строительство торфопредприятий; и геологическая съемка для мелиораторов; и даже такое сугубо сельскохозяйственное дело: «...вырастить и передать хозяйствам Нечерноземной зоны РСФСР 40 тысяч центнеров семян высших репродукций сельскохозяйственных культур». Откуда возьмем? Какое имеем касательство к семенам? В нашем районе находится знаменитый ВИР — Всесоюзный институт растениеводства, с его всемирно прославленными коллекциями, крепкими связями с 750 научными учреждениями и семенными фирмами 98 стран всех континентов. К чести коллектива этого института замечу, что после июльского Пленума ЦК КПСС его работники обязались дать сверх плана для хозяйств Нечерноземной зоны РСФСР, включая, конечно, и нашу область, 2500 центнеров безвирусного картофеля, большое количество семян неполегаемой ржи, новые высокоурожайные сорта трав. Думается, что такая помощь селу куда эффективнее, чем, скажем, отправка группы научных сотрудников этого же института в подшефный совхоз на уборку овощей. Конечно, и без такой помощи деревне пока еще не обойтись. Хотя я с удовлетворением узнаю, что кое-где за счет целеустремленной механизации сельскохозяйственного производства добиваются значительного сокращения числа горожан, помогающих убирать урожай.

— Недавно наш журнал,— заметили мы,— сообщил, что в Оренбургском районе, Оренбургской области, раньше приходилось привлекать на уборку урожая две-три тысячи горожан, а сейчас только шестьсот человек.

— Что же, молодцы! Видимо, и нашим товарищам на селе следует более энергично

ЕРПА И МОЛОТА

продвигаться по тому же пути. Октябрьский район в пору страды, выражаясь языком военных, высаживает достаточно мощные десанты горожан на поля овощные и картофельные. И вот когда наблюдаешь их в деле, то невольно задумываешься: как резко можно было бы сократить «боесостав» таких десантов, если бы приложить больше усилий для механизации трудоемких процессов в сельском хозяйстве. Я еще раз подчеркиваю это потому, что, например, у нас в районе есть для этого силы, которые, на мой взгляд, используются не в полной мере: я имею в виду тридцать крупных научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских организаций, сотрудники которых пока в порядке шефства привлекаются лишь для уборки овощей. Я говорил об этом на недавнем пленуме обкома партии, обращался к работникам сельского хозяйства области: давайте сообща постараемся эффективнее применить эти силы.

КЛЮЧЕВАЯ ПОЗИЦИЯ

Они очень многообразны, формы союза серпа и молота, что так инициативно, энергично крепят ленинградцы. Но есть тут своя ключевая позиция: мощный научно-технический потенциал города Ленинграда. Поставляет он селу тракторы и экскаваторы, электродвигатели и металлопрокат, строительные материалы и минеральные удобрения, узлы и запасные части к машинам. Почти 90 процентов калийных и до 10 процентов всех фосфорных удобрений, производимых в стране, идут отсюда. А методы защиты растений, а стимуляторы повышения продуктивности сельскохозяйственных культур—здесь, в Ленинграде, их разрабатывают. Ну и, конечно же, мощные современные тракторы.

...В заводском музее — огромная, в полстены, фотография. 1 мая 1924 года. Из ворот «Красного путиловца» выходят первые два трактора «фордзон-путиловец».

Первые два! Знают ли молодые люди, которые сегодня работают на большом тракторном конвейере, в каких муках рождались эти первые два?

...Год 1923-й. Краснопутиловцам правительство поручает организовать производство первых тракторов. За образец взят американский «фордзон». Дело архисложное. К тому же объявились нытики, противники, сеющие сомнения, опасения: «Куда нам, лапотникам?..» Красный директор С. И. Афанасьев собрал на большой совет умудренных опытом рабочих и инженеров. Не скрывал: «В нашем распоряжении нет ни чертежей, ни технических данных о качестве металла, из которого изготовляются тракторные части на заводах Форда. Все это и многое другое предстоит делать своими силами. Справимся ли? С чего будем начинать?» Выступали мастера, рабочие. Поднялся кузнец Егор Белов и уверенно объявил: «Вы, Степан Иванович, передайте начальникам покрупнее, пусть не сомневаются. Раз мы, краснопутиловцы, получили от правительства задание, то спать-есть не будем, а своего добьемся...»

...Из дней давно минувших—в день сегодняшний, на просторы заводского двора. Одного из нас этот двор возвращает в тридцатые годы, в пору комсомольской юности. Как тут все переменилось! Кажется, и не узнать теперь того места, где стоял ты, корреспондент комсомольской газеты «Смена», записывая речи ораторов на митинге, гремевшем задиристым кличем: «Даешь встречный!» Это о встречном плане краснопутиловцев, обращаясь к ним, говорил Сергей Миронович Киров: «Не знаю, как технически, а по-коммунистически вы можете и должны дать двенадцать тысяч тракторов!»

Вышло по-коммунистически! Краснопутиловцы сдержали свое слово — на помощь крестьянам, только-только начинавшим строить новую жизнь, ринулись колонны «фордзон-путиловцев» с их шестнадцатью — девятнадцатью лошадиными силами. Тогда они казались богатырями.

— А теперь посмотрите этот снимок.

И высокий, сухопарый, спортивно сложенный человек, улыбаясь, протягивает нам цветной снимок: стоят рядышком, словно лилипут и гулливер, «фордзон-путиловец» и самый мощный в стране трактор из семейства «Кировцев», известных ныне и далеко за рубежами Советской страны.

Главный конструктор, один из творцов «К-701», Николай Сергеевич Попов только родился в ту пору, когда здесь, на заводе, дни и ночи шел штурм — страна ждала первые тысячи «фордзон-путиловцев». Мы пришли к нему с одним вопросом: «Каков «Кировец» сегодня и каков его завтрашний день?» А Попов нам в ответ: «Давайте начнем разговор с знакомства. Нет, нет, не со мной — с «Кировцем». Посмотрите, как его делают и что он сам может делать. В цех? Зачем же... Заходите в соседнюю комнату».

Зашли и всё поняли: впереди, на стене, экран. Нам предстоит кинопутешествие. Если мы скажем, что оно было очень увлекательным, то это не в полной мере выразит впечатление от кинорассказа о большом конвейере, вобравшем в себя почти все, что есть прогрессивного в тракторостроении; от кинорассказа о чудо-машине, которая без особых усилий одолевает водную гладь, холмы, рытвины, раскисшее поле, легко, красиво, энергично тянет за собой «шлейф» — агрегат, укомплектованный из нескольких культиваторов и поболее десяти борон. А если угодно, то машина послужит и тем, кто занят на дорожно-строительных, мелиоративных, землеройных работах. Потребуется, так и воздушный лайнер возьмет на прицеп. И понятно, почему так восторженно звучит с киноэкрана голос трактористки из Казахстана Камшат Доненбаевой, работающей на подаренном ей рабочими Ленинграда персональном тракторе. Камшат благодарит творцов «К-701».

— Теперь нам будет легче вести разговор,— и Попов сразу переходит к самой сути нашего вопроса.— Что такое «К-701» сегодня — вы видели. Как оценивают его механизаторы, вы услышали из уст женщины деловой, умной и очень требовательной.

— Вы знакомы с ней?

— Да. Мы познакомились на XXV съезде КПСС.

Пауза. На мгновение собеседник задумался.

— А вы знаете, что сейчас у нас на конвейере одновременно собирают тракторы двух модификаций — «К-700А» и «К-701»?

— В чем их отличие?

— У «К-700А» мотор послабее, двести двенадцать сил.

— Вы говорили, что село остро нуждается в трехсотсильном тракторе. Почему же не снимете с конвейера машину послабее?

— Вопрос резонный. Но я бы его сразу же переадресовал Министерству автомобильной промышленности. Почему? Не хватает трехсотсильных моторов, а мощности предприятий, поставляющих их, пока еще развиваются медленно. Вот и приходится мириться с тем, что часть машин, выпускаемых заводом, страдает, как у нас в шутку говорят, «сердечной недостаточностью». Проблема острая. Решать ее надо по-государственному, с учетом бурного технического прогресса в тракторостроении. Нужно форсировать производство двигателей повышенной мощности.

И снова пауза. Взгляд в прошлое и будущее.

— Пятнадцать лет назад с заводского конвейера сошли первые «кировцы». Двухсотсильные. Они сразу же были высоко оценены на селе. Сократились сроки полевых работ, снизилась потребность в механизаторах. Центральный Комитет партии, Леонид Ильич Брежнев поставили перед кировцами задачу — перейти на выпуск более мощных машин, трехсотсильных. Мы успешно решили эту задачу. Причем, заметьте, практически без остановки конвейера. Сейчас уже достигнута проектная мощность, но смотреть надо вперед. Мы вовсю готовимся к выходу на рубеж одиннадцатой пятилетки.

— На пленуме Ленинградского обкома партии член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС товарищ Романов говорил, что по инициативе коллективов ленинградского объединения «Кировский завод» и ярославского «Автодизеля», ряда научно-исследовательских институтов страны разработано обязательство, предусматривающее значительное повышение технического ресурса вашего трактора. Как идут дела?

— Да, есть у нас такое обязательство: довести технический ресурс с шести тысяч часов до восьми тысяч. Ярославцы намечают большую реконструкцию двигателя. У нас полным ходом идут работы, которые позволят обеспечить такой ресурс.

В начале будущего года мы должны подготовить для испытания десять новых тракторов. Пять из них — для производства на Павлодарском тракторном заводе с двигателем ярославского объединения «Автодизель» мощностью триста тридцать лошадиных сил — его будет выпускать КамАЗ. Это ответ на решения XXV съезда партии — наладить производство наших мощных тракторов на Павлодарском заводе. Нам приятно было прочесть в одном из номеров вашего журнала репортаж с Павлодарского завода, как энергично готовятся там к этому рубежу, приятно было прочесть переданные через «Огонек» слова благодарности кировцам за помощь.

— Николай Сергеевич, позвольте задать еще один вопрос. Иногда приходилось наблюдать, как в ином колхозе с некоторой осторожностью решались приобретать столь мощный трактор. В чем тут дело?

Наш собеседник нахмурился.

— Вопрос ваш очень острый, жизненный. Когда рождается новая машина, оставляющая позади все привычное, устоявшееся, то нет-нет да и раздается недоумевающий голос: «А к чему она?» Что поделаешь, такова участь конструктора. Но в данной ситуации обстоятельства складывались не столь однозначно. Спрашивали: «К чему она?» И тут же: «Давай, давай!» Непонятно? Сейчас объясню. Вы говорили о некоторой осторожности при покупке «К-701». Это справедливая осторожность рачительных хозяев, соразмеряющих каждую покупку мерой ее рентабельности. Но применительно к «К-701» речь шла не о тракторе, а о «шлейфе» к нему. Как известно, сам трактор не пашет, не лущит землю... Требуется «шлейф» сельхозмашин. И когда спросишь иного рачительного хозяина, чем его не устраивает, как он выражается, «этакая махина с этакой мощностью», он отвечает: «Да их же никогда полностью, на всю железку не используешь, эти триста лошадиных сил. Загрузить нечем». Вот в чем корень зла, вот источник «осторожности», о которой вы говорили! «К-701» был задуман так, чтобы в агрегате с ним могли работать почвообрабатывающие, посевные и другие машины 52 наименований. А в минувшем году промышленность выпускала лишь 29. Да и этих не хватало. Приведу один пример из жизни поволжцев. Узы крепкой дружбы связывают нас с хлеборобами Саратовщины. Вы были в нашем музее и, вероятно, обратили внимание на стенд, где под стеклом хранятся колосья и зерна пшеницы первого урожая, собранного в 1963 году на земле, которую «К-700» обрабатывал. Там же и памятный ключ, переданный кировцам представителями саратовского совхоза. Совхоз этот носит имя В. А. Поляченко, который был заместителем главного конструктора «К-700». Почему я вспомнил про саратовцев? Они-то и поведали нам: «Машина прекрасная, а только использовать ее на всю мощность не удается. В Саратовской области потребность в культиваторах и сеялках удовлетворялась только на 22—25 процентов, в прицепах — на 30—45, а в боронах — на один процент». Вот и получается диспропорция, которая не лучшим образом сказывается на эффективности эксплуатации мощных тракторов.

— А каким вам представляется трактор ближайшего будущего?

— Доклад Леонида Ильича Брежнева на июльском Пленуме ЦК КПСС — целенаправленная программа дальнейшего подъема нашего сельского хозяйства. Для осуществления этой программы ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд важных постановлений, направленных на развитие комплексной механизации и оснащение сельского хозяйства высокопроизводительной техникой. Исходя из этого, объединения — ленинградский «Кировский завод» и ярославский «Автодизель» — в одиннадцатой пятилетке создадут для села трактор «Кировец» мощностью 450—500 лошадиных сил. Тяга его возрастет с пяти до восьми тонн.

В новом «Кировце» будут сосредоточены последние достижения тракторостроения. Повысится производительность труда, снизится трудоемкость технического обслуживания, улучшатся условия труда механизатора. Существенно повысится срок службы машины, коэффициент использования тракторного парка. И, что очень важно, предусматривается создание высокопроизводительного шлейфа прицепных и навесных орудий.

...Наш собеседник говорит обо всех этих проблемах горячо, заинтересованно, с государственной позиции, с которой видишь не только свой завод, свое КБ. Слушаешь его, и перед тобой раскрываются грани характера, закалка, полученная инженером в коллективе путиловцев-кировцев, где прожил он уже 23 года. Слушаешь, с какой уверенностью говорит конструктор: «Да, сложности перехода на новую машину большие, но мы одолеем, справимся»,— и встает перед тобой памятная картина совещания в кабинете красного директора Афанасьева в году 1923-м. И слышится такой же уверенный, как у Попова, голос кузнеца Егора Белова: «Раз мы, краснопутиловцы, получили задание правительства, то спать-есть не будем, а своего добьемся».

Добьются, обязательно добьются. Закваска у них такая.

В Вологодском музее на юбилейной выставке ● Знамя первых лет Советской власти ● Уголок экспозиции, посвященный знатным вологжанам.

Фото М. САВИНА

Герой Советского Союза
ЮЖАКОВ В.М.

земля родная

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА

В ЛЮБИТЬ СВОЙ КРАЙ

Н. МЕЛЬНИКОВ

В Вологодском кремле к тридцати музейным залам прибавилось три новых. В них развернулась выставка «Вологодская область — стране».

Мы сидим в кабинете заместителя директора областного краеведческого музея по научной части Геннадия Ивановича Соколова и вот уже второй час говорим о его родном городе.

— Вы спрашиваете чем примечательна Вологда? Не только вологодским маслом и известной песней, той самой, где парня ждет в доме с палисадом девушка и судьба... — Геннадий Иванович улыбается и уже серьезно продолжает:— Вы посмотрите нашу выставку — чего только у нас нет. В семьдесят стран вывозим свою продукцию. По общему объему 80 процентов — промышленное производство. И это в прошлом отсталая, ссыльная Вологда!

— Насколько знаю, и к вам, в музей, немало едут, чтобы учиться, — напоминаю Геннадию Ивановичу. — Ведь три года продолжался Всероссийский смотр отделов советского общества в музеях республики. И вы заняли одно из первых мест.

— Было бы противоестественно и непростительно, если бы в Вологде оказался слабый музей, — просто говорит Геннадий Иванович. — И город наш исторический, и музейные работники очень высокой культуры. Я здесь прямо после фронта, всех хорошо узнал. «Переходите в институт, — такой у вас богатый материал, хватит не на одну диссертацию» — эти слова каждому из нас говорили не раз. «У нас, — отвечаем,— своя наука, и тоже высокая, мы верны музейному делу».

Как я убедился, сотрудники музея не замкнуты только на свои конкретные дела.

Приведу такой, казалось бы, незначительный пример. По генеральному плану все деревянные дома в городе намечались к сносу. Рушилось своеобразие, самобытность старой Вологды, но ведь есть немало домов, памятников прошлого, которые и сейчас пленяют красотой, украшают город.

По настоянию вологжан план пересмотрели. Список домов, которые необходимо оставить, подготовил А. А. Рыбаков, кандидат искусствоведения, вместе со своими коллегами. Четыре дома уже реставрировали. В облисполкоме нет отбоя от людей, желающих в них жить.

УРОКИ МУЖЕСТВА И ПАТРИОТИЗМА

На карте области, пожалуй, не найдешь ни одного местечка, где бы не побывали сотрудники Вологодского музея. Они ведут раскопки курганов, изучение городищ, стоянок древних людей. Археологическими экспедициями руководит старший научный сотрудник Николай Васильевич Гуслистов. Находки размещены в трех больших залах.

А вот экспозиция отдела истории советского общества, самого большого и богатого в музее, создана заново.

— Нам очень помогают, — говорит заведующая отделом Лидия Федоровна Атланова, — добровольные музейщики. Многие сотни, а то и тысячи людей. Преподаватели, студенты, учителя, служащие, пенсионеры... Мы обратились к ним с призывом: «Помогите нам и сами еще больше полюбите свой край». Просили собирать подробные материалы о вологжанах — героях Великой Отечественной войны, знаменитых земляках. Записывать их рассказы, искать ценные документы, памятники нашего времени... Так у нас появилось множество бескорыстных помощников, единомышленников.

Самое ценное, что сделали наши добровольцы, — открыли многих героев войны и труда. В музее мы рассказываем теперь о ста пятидесяти Героях Советского Союза, о них собран обширный материал. Выпущены три издания книги «Герои-вологжане». Многие их рассказы и воспоминания о них записаны на магнитофонные пленки. Удивительные это пленки—слышишь волнующую перекличку времен, поколений. Урок мужества...

У нас часто проходят пионерские сборы, а учителя ведут в музее уроки по истории нашего времени. Есть что изучать школьникам. Все наглядно: документы первых лет Советской власти, времен коллективизации, войны, послевоенной жизни.

«ЭТО — МОЙ ГОРОД»

Ирина Александровна Пятницкая родилась и училась в Свердловске, жила в Киеве. Однажды она приехала в Вологду. Приехала сюда в отпуск, вместе с мужем, на его родину. Походила по тихим улицам Вологды, заглянула в музей раз-другой и вдруг сказала мужу: «Это мой город! Я бы здесь хотела остаться...» «Не пожалеешь?» — спросил муж. «Ты знаешь, я не привыкла легко смотреть на жизнь».

Вскоре супруги с тремя детьми, оставив благоустроенную квартиру в Киеве, переселились в Вологду, в маленький дом родителей мужа. С тех пор более пятнадцати лет Ирина Александровна считает себя вологжанкой.

— И как, не пожалели?

— Ну, что вы, — удивляется Ирина Александровна моему вопросу.— Здесь так интересно жить.

Видно и со стороны: ей действительно интересно. Все, что она делает в музее, рождено любовью к своей специальности, к городу, к людям. А любовь предполагает знание, понимание. Потому созданный Пятницкой отдел древнерусской живописи и прикладного искусства необычен, ко многим ее экспозициям, выставкам можно отнести одно слово — впервые. Впервые вологжане увидели столь большое собрание неповторимых памятников старины — скульптуры, икон, впервые показана выставка мелкой пластики, выставка вологодского кружева. Поток посетителей не иссякает. На выставки люди ходят, как в театр на любимого актера.

Теперь и я знаю вологодские кружева — это удивительное создание человека, большое искусство, а история их пишется здесь, в Вологде. Кружевницы тоже видят в Пятницкой одаренного знатока своего дела. Они часто зовут ее к себе для совета: «Иринушка, посмотри, что мы задумали. Хорошо ли это будет?» У них свои, по-особенному близкие отношения. Ирина Александровна Пятницкая—известный человек в Вологде, заслуженный работник культуры РСФСР. Ее все любят.

Видел я и такой снимок: Ирина Александровна в старинном наряде, за ней — компания девушек и парней, тоже в расписных русских костюмах. Выяснилось: фотография с праздника, названного Днем музейного работника. На нем новички принимали клятву быть верными своей науке. Текст клятвы написала Ирина Александровна.

Я читал эти одухотворенные, рожденные любовью к истории своей Родины строки и думал, что все доброе, хорошее всегда находит отзвук.

Как красивы старинные русские костюмы ● Вологодские кружева ● Чернь по серебру — изделия великоустюжских мастеров ● Скульптура XVI века ● Деревянная посуда ● Научные сотрудники музея Ольга Козодерова и Алла Анишина разбирают новые экспонаты ● В залах музея.

Ал. РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

КАК ЭТО БЫЛО В СТА

В иные вечера, когда телевизор не привлекает, а прогулки по набережной Москвы-реки с кем бы то ни было из соседей и друзей кажутся бессодержательной тратой времени, Иван Поликарпович вытаскивает откуда-то из нижних ящиков книжного шкафа побуревшие от времени папки со слежавшимися, ломкими бумагами, письмами, вырезками из газет. И начинает, по его словам, ворошить прошлое.

Семилетний Ким, ученик первого класса, знает, что в такие минуты дед добреет. К нему можно подойти, прижаться, спросить о чем-то, и он не рассердится, не заворчит, сухой холодной ладонью погладит по головке, а то и чмокнет в щечку и будет разговаривать, как со взрослыми, то весело, то грустно, то шепотом, а то и во весь голос и рассказывать разные любопытные истории, которые, как казалось внуку, только одному деду известны.

Деду недавно исполнилось шестьдесят пять. Ким спросил, помнит ли он революцию. Дед сказал, что хорошо помнит. И засмеялся. «А ты, дедуля, участвовал в революции?»— спросил Ким. «Ну, как же,— посуровел дед,— конечно, участвовал... Только когда и как — вот в чем вопрос». Ким удивленно взглянул на деда, а тот пригладил внуку вихор на самой макушке и, словно не веря собственным словам,— сказал, что в октябре семнадцатого года ему было на два года меньше, чем сейчас Киму, он был еще «совсем маленьким».

— Значит, это было в старину?— то ли спросил, то ли понимающе сказал внук.

— Да, пожалуй, что так,— согласился дед.

...Дед частенько и раньше начинал свои рассказы с упоминания о дорогой его сердцу детской дружбе с Илюшкой Пенкиным, человеком для внука совершенно чужим и непонятным. А нынче, вернувшись из загадочного Политехнического музея, куда дед собирался целую неделю, он сразу же заговорил об этом самом Илюшке.

— Нашелся-таки, нашелся, дружок мой...— приговаривал дед, усаживаясь возле книжного шкафа.

«Нас сдружила улица»,— рассказывал он минутой позже, ласково привлекая к себе внука. Где же еще, по его словам, могли подружиться он, Ванюшка Скворцов, сын кухарки и прачки Анфисы Скворчихи, усталой и больной женщины, в первый же год войны с немцами потерявшей мужа, и безнадзорный мальчишка Илюшка Пенкин — незаконный сын вдовца, городского головы Анисима Куприяновича Пенкина, владельца окрест лежащих лесов и небольшого заводика, именовавшегося «Огневая сушка плодов и овощей».

В одноэтажный уездный городок на Оке революция, по словам деда, докатилась не сразу, хотя слухи о вооруженном восстании в Питере пришли сюда вместе со столичными газетами. Недели две в городской думе шли споры и разговоры, потом деповские рабочие создали революционный комитет, который отлучил думских от всяких дел, а городского голову Анисима Куприяновича Пенкина посадил в острог.

После всех этих непонятных происшествий, заставивших горожан наглухо закрывать на ночь ворота во двор и двери в дом, на улицах появились большие красные флаги, начались шумные митинги и веселые шествия, напоминавшие крестный ход в пасхальную ночь. Во время таких шествий Ванюшка и Илья залезали на высокий дощатый забор, опоясывавший особнячок городского головы, и, сидя рядышком, в обнимку, наблюдали за ликовавшей улицей. Зрелище было захватывающим. Люди шли мимо, кричали и пели, несли яркие флаги на длинных деревянных шестах и размахивали руками. И им, малолеткам, тоже хотелось что-то кричать и размахивать ручонками.

В начале февраля 1918 года состоялся первый уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — он провозгласил Советскую власть в городе и уезде. Тогда же начал работу и исполком уездного Совета. В состав Совета вошли не только большевики, чье влияние росло с каждым днем, но и меньшевики и эсеры, на словах вроде бы и поддерживавшие деятельность народных комиссаров, а на деле самыми постыдными способами тормозившие осуществление любых революционных преобразований.

В 1919 году, когда после короткого боя город заняли деникинцы,— неожиданно исчезла, бросив семилетнего сына, прачка Анфиса. Осенью белые, громя и поджигая, оставили город,— и тогда же бесследно исчез и городской голова Анисим Куприянович Пенкин, оставив сына на попечение косого бобыля Серафима Щербакова, сторожа Никольской начальной школы, приютившего Ванюшку после исчезновения Анфисы.

Никольскую начальную школу для неимущих детей, куда Серафим определил Ивана и Илью, вскоре переименовали в единую трудовую школу имени Ушинского, и брошенные родителями одногодки оказались за одной партой.

Через три года умер добрый старик, школьный сторож Серафим Щербаков; безнадзорных ребят местный Совет определил в интернат при школе I и II ступени имени Чернышевского. Эту школу они и окончили в 1929 году. К тому времени определилась их тяга к литературе и истории. В том же году, осенью, они выдержали приемные экзамены на филологическом факультете Московского университета, вступили в комсомол.

Но уже в конце ноября Илью с треском выставили из университета и исключили из комсомола, докопавшись до его социального происхождения. Он, однако, не пал духом, как-то очень уж спокойно согласился с принятым в отношении его решением и по совету одного из факультетских преподавателей, усмотревшего в его отношении к наукам отличные задатки, уехал в Нижний Новгород.

— Поработаешь пока репортером в тамошней краевой газете, в ее редакции когда-то Горький работал, а там, глядишь, и погода прояснится...

После связанных с исключением Ильи шумных факультетских и комсомольских собраний Иван помрачнел: уж не проглядел ли он это темное пятно в биографии друга, ведь хоть и незаконный сын, а по родству-то буржуйчик... В душе костерил себя за такие мысли, на собраниях отмалчивался, но проводить Илью с Курского вокзала вызвался сам.

— Устраивайся, Илья!.. Я непременно приеду тебя проведать..

И, действительно, ему однажды удалось съездить в Нижний, повидать Илью. Но только однажды. Года три или четыре потом переписывался с Ильей. И хотя, судя по переписке, его рана зажила быстро и было много общего в их мыслях и настроениях, время и расстояние сыграли свою роль. После окончания университета и отъезда по распределению в Казахстан Иван навсегда, как ему тогда казалось, потерял друга.

— И все-таки мы встретились,— весело сказал дед,— встретились через сорок лет с гаком...

— А что, дедуля, Илюшу твоего так насовсем и выгнали из университета?..

— Да, вроде бы насовсем... Только ты не принимай это близко к сердцу,— заметив недетскую озабоченность внука, сказал Иван Поликарпович.— Я ж говорю тебе, что это было давно, очень давно. Сам же определил, что все это случилось в старину...

— И как же вы встретились, дедушка, как?— просил продолжать рассказ Ким.

— Подожди, голубчик, не торопись, до того было еще вот что...

Иван Поликарпович правой рукой легонько обнимал прижимавшегося к нему внука, а левой расправлял на столе необычно большую, шершавую, пожелтевшую от времени газету.

— Видишь, Ким, какая большая газета — первомайская за тридцатый год... «Нижегородская коммуна»...

— Такие большие газеты были в старину, дедушка?

— Да, такие... И вот статейка в этом номере... за подписью «И. Пенкин» — вот, читай...

Усохшие, ломкие, пропитанные выцветшей краской полосы газеты казались деду легкими, почти невесомыми. «Как он сказал: «Такие газеты были в старину?» Действительно, в руках у меня газета почти полувековой давности, это ли не старина? Почему же мне этот ее номер кажется совсем свежим, содержащим множество новостей и вызывающим столько воспоминаний?»

Он приехал в Нижний Новгород в конце апреля с удостоверением корреспондента-стажера газеты «Труд». Поселился в гостинице на Гребешке и, пока раздумывал, как оповестить Илью о своем приезде и как обставить эту встречу, узнал от местных журналистов, что тот уже вторую неделю живет в деревне Монастырке, рядом с которой закладывали автомобильный завод. В Канавине, у вокзала, нанял извозчика («Извозчики были на лошадках, дедуля?— спросил внук.— А почему теперь нет лошадок, все автобусы да такси?») и отправился в эту самую, знаменитую деревню Монастырку, которая в то время в Нижнем, казалось, была у всех на устах.

...Шел тридцатый год, второй нелегкий год первой пятилетки. Время словно удвоило, утроило, учетверило свой бег. Стремительно перемещались люди и машины, на пустом месте возникали здания, цехи, заводы, через пустыри и топи прокладывались асфальтовые дороги, каких до того не было даже в крупных городах.

Нижегородский автомобильный гигант закладывали в самом начале мая. Солнце заливало золотом и лазурью полноводную, мутную Оку, ее пологие зеленые берега. К новой свежевыкрашенной, отливавшей масляной белизной пристани, неподалеку от безвестной Монастырки, одна за другой причаливали восьмивесельные лодки, ялики, моторки. Множество людей, одетых по-праздничному, чаще во всем белом, поднимались вверх по бревенчатой эстакаде и, минуя кучи хвороста, горы строительного леса и кирпича, шли к просеке, где стояла высокая тесовая трибуна, украшенная красными флажками и огромным транспарантом: «Построим автогигант за 15 месяцев!» К часу дня вся просека заполнилась людьми. С трибуны дали знак — песни, гармошки, самодеятельные духовые оркестры затихли. Начался митинг.

Андрей Жданов, секретарь краевого комитета партии, выступал последним. Невысокий, черноволосый, он снял кепку, обвел взглядом собравшихся, словно спрашивал: понимаете ли вы, братцы, в каком событии участвуете? И когда начал речь, многие подивились, как звонко он говорит, как далеко летит с трибуны каждое произносимое им слово.

— Сегодня,— говорил он,— волею нашего рабочего класса мы закладываем автомобильный завод на сто сорок тысяч автомашин в год...

Металлический пакет с актом закладки был замурован в основание фундамента. На высокой мачте взвился красный флаг. Оркестр заиграл «Интернационал», его подхватили все

вокруг. И совсем неподалеку земля вздрогнула от взрыва. Высоко в воздух взлетели сырые комья заболоченной целины, кусты и сучья: начались работы на месте первого котлована.

...Иван Поликарпович, все так же прижимая к себе внука, на минуту закрыл глаза и сразу же увидел себя словно со стороны — сначала пятилетним мальчуганом, сидящим на заборе в обнимку с дружком над ликующей улицей, потом в толпе на Курском вокзале, провожающим в Нижний исключенного из университета друга, и дальше — среди тысяч людей, возле тесовой трибуны у деревни Монастырки, с которой произносил свою звонкую речь Андрей Жданов.

Иван уезжал из Нижнего вечером следующего дня. В боковом кармане пальто у него лежал подарок Ильи — тот самый номер газеты со статьей друга о закладке автозавода, который в эти минуты он рассматривал вместе с внуком.

И тут словно издалека дошли до него требовательные слова внука:

— Ну, а дальше, дедушка, что было дальше?..

А дальше была недавняя, совершенно неожиданная встреча через четыре долгих десятилетия, нет, без малого через полвека.

Как-то совершенно случайно Иван Поликарпович оказался неподалеку от старого Политехнического музея, в залах которого он присутствовал когда-то («в старину», как сказал бы внук) на жарких диспутах наркома Луначарского и митрополита Введенского, не раз слушал Маяковского, Вересаева, Серафимовича, Пильняка, комсомольских поэтов Безыменского, Жарова, Уткина и где, уже в послевоенные годы, будучи профессором Литературного института имени А. М. Горького, не раз выступал сам с лекциями на историко-литературные темы.

На одном из броских стендов у знакомого подъезда, ведущего в большой лекционный зал, его взгляд приковала свежая афиша Всесоюзного общества «Знание». Текст афиши был немногословным: крупным шрифтом было выделено лишь название лекции — «Советское автомобилестроение» и имя лектора — доктор технических наук, профессор Илья Анисимович Пенкин.

...В Большом лекционном зале было шумно. Расположенные амфитеатром легкие кресла на металлических ножках и узкие деревянные столики непрерывно поскрипывали, словно переговаривались между собой. Три люстры и несколько вертикальных ламп дневного света — по четыре с каждой стороны зала и такие же плафоны над балконом, опоясывающим зал, делали его похожим на вузовскую аудиторию. А окна кинобудки с расположенными между ними часами, в свою очередь, делали этот зал похожим на кинотеатр. Сцена с радиофицированной трибуной, в полированные стенки которой смотрелись, словно в зеркало, сидящие в первых рядах слушатели, пустовала. Трибуна казалась очень легкой, и у слушателей возникала мысль о том, что докладчик, чего доброго, может столкнуть ее со сцены в зал. Справа от трибуны стоял маленький столик для стенографистки, слева — солидный стол для ведущего лекцию или для президиума. Ивану Поликарповичу, занявшему место во втором ряду, зал показался очень светлым, но он подумал, что зал был бы еще светлее, если бы не желтая краска, которой покрыты его стены, и не подпирающие их высокие темно-коричневые панели.

Из-за тяжелой бархатной портьеры на сцену вышли два человека: один в темно-синем, другой, помоложе, в светло-сером костюме. Иван Поликарпович не сразу узнал в полном, совершенно седом человеке в темно-синем двубортном костюме того Илюшу, которого он ожидал увидеть. Его смутила прежде всего эта необычайная седина, белизна его волос. И только самоуверенное выражение лица да знакомые искорки в глазах заставили его прошептать: «А ведь это действительно он, Илюшка!»

Председательствующий предоставил слово профессору Илье Анисимовичу Пенкину, охарактеризовав его при этом как одного из тех бесчисленных энтузиастов, которые в начале тридцатых годов участвовали в строительстве первенца советского автомобилестроения — Нижегородского, а позднее Горьковского автомобильного завода...

Быстрый, подвижный седой человек подошел к микрофону, открыл небольшую картонную папку, затем, порывшись в боковом кармане, извлек оттуда очки в темной оправе и начал лекцию неожиданно звонким вопросом:

— Знаете ли вы, друзья мои, что за весь 1929 год — первый год первой пятилетки — в нашей стране была создана всего лишь одна тысяча семьсот двенадцать автомобилей. Но идет время, набирает мощности наша автомобильная промышленность, и в 1977 году она уже дала стране два миллиона восемьдесят восемь тысяч самых разнообразных автомобилей...

Несомненно, на трибуне стоял опытный оратор, сумевший легко и быстро овладеть вниманием аудитории. Он говорил, не заглядывая в лежавшую перед ним рукопись, и речь его была не сухой, не зализанной, но живой и образной. И то, о чем он рассказывал, звучало необычно, как повесть, воскрешавшая забытые страницы, покорявшая воображение слушателей. Все время, пока он говорил, сосредоточенная тишина стояла в зале, и, казалось, не было здесь ни одной пары глаз, которые не были бы устремлены на седого человека, стоявшего на трибуне. И только Иван Поликарпович плохо понимал то, о чем говорил оратор. За те пятьдесят минут, что продолжалась лекция, перед ним, словно на телевизионном экране, вновь и вновь проходили один за другим житейские эпизоды полувековой давности: мать, кухарка и прачка в доме городского головы Анисима Куприяновича Пенкина, ушедшая вместе с красноармейской частью, отступившей под натиском деникинцев, и погибшая в бою под Орлом; сам Анисим Куприянович, купец и заводчик, самый богатый человек в их уездном городке, возникший из небытия с приходом немцев в декабре 1941 года, пойманный партизанами и расстрелянный по приговору партизанского суда в лесу под Чернью; школьный сторож Серафим Щербаков, который приютил их и вырастил и которого они звали «отец Серафим»; школа, ребячьи увлечения и мечты; поезд, увозивший их в Москву; студенческие и комсомольские собрания, обсуждавшие «дело» Ильи; голубое небо над Окой возле деревни Монастырки...

Ответив на вопросы и поблагодарив аудиторию за внимание, седой человек, только что стоявший на трибуне, снял очки, спустился по лесенке в зал и протянул руки к Ивану Поликарповичу.

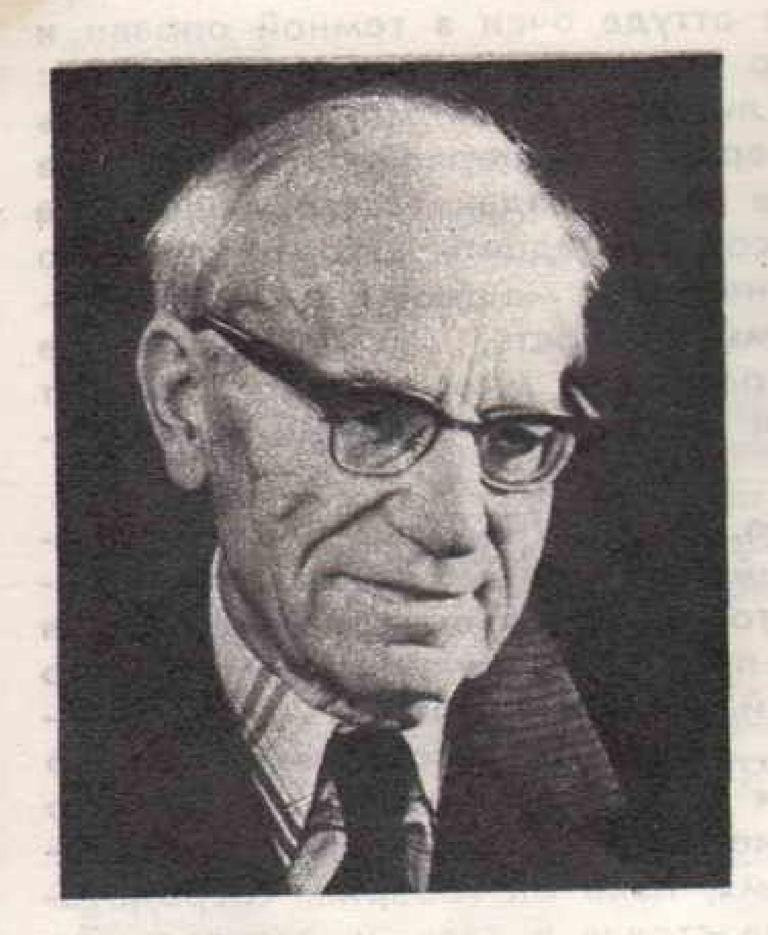
— Ванюшка, ты ли это?.. Смотрю в зал и думаю — то ли ты, то ли уж очень похожий на тебя человек... Глазам своим не верю...

Потом они еще долго сидели в небольшой комнатушке за сценой большого лекционного зала, что-то говорили и говорили друг другу, а что именно, позднее не могли вспомнить и, словно стремясь искупить свою вину за столь долгую разлуку, как-то очень по-детски время от времени пожимали друг другу руки и по-стариковски похлопывали друг друга по плечам. Выяснилось, однако, что Илья, работая в газете, окончил заочно институт инженеров автомобильного транспорта, журналистику забросил, хотя и не потерял вкус к литературе, до войны и в военные годы работал на Горьковском автомобильном заводе последовательно мастером, начальником цеха, заместителем главного конструктора, там же подготовил и защитил кандидатскую и докторскую диссертации... Ну, а в пятидесятые годы ему предложили переехать в Москву. Он без малого двадцать лет возглавлял здесь инженерный институт на автомобильном заводе и лишь год назад из-за давней болезни сердца вышел на пенсию. По заключению Ивана Поликарповича, это был, как и он сам, беспокойный пенсионер. И лекции в обществе «Знание» по истории советского автомобилестроения — это было для него отнюдь не хобби, а давняя внутренняя потребность передать людям то, что он хорошо знал, чему долгие годы отдавал и знания свои и силы...

— Ну, а дальше? Что было дальше? — не унимался внук.

— Все, голубок мой, все,— с грустинкой сказал дед и легонько оттолкнул прильнувшего к нему внука.— Вот вернутся с работы твои папа и мама, и мы им скажем, что сегодня вечером у нас будут гости... Посидим, чайку попьем, дед Илья тогда тебе и доскажет, как все это было... в старину.

ТАРИНУ

Петрусь БРОВКА

...И НЕГАСИМЕЙ С КАЖДЫМ ДНЕМ

●

В бору сосновом
Из-под кручи
Чуть слышный выбегает ключик;
Он с горстку здесь, но в луг
за чащей
Уходит ручейком журчащим —
И сосны гулко машут вслед...

Когда-то там,
В родной сторонке,
Мне намекнул тот ключик звонкий:
«Пусть мал, зато длинна
дорога!»—
И я с отцовского порога
Пошел в просторный белый свет.

НЕБО

Как не любить простор небесный!
Гляжу — и словно сам плыву...
Под ним я рос. Мне пелись песни
Про звезды, месяц, синеву.

Гроза, бывало, разразится —
И трепещу и верю я,
Что мчит куда-то колесница,
А в ней — пророк, святой Илья.

Слепящий блеск подков гремучих
Перелетал из края в край,
И солнце словно гасло в тучах.
А где-то ж там, за ними,— рай!

Тот самый сад в небесной сини,
Где, черного не зная дня,
Должна бы бабка и поныне,
Как обещала, ждать меня.

Ах, та лазурь с грядой курчавой
Меня манила все сильней
Загадочной и величавой
Необозримостью своей...

И хоть давно, как сновиденье,
Исчезла суеверий мгла,
Осталось к небу тяготенье,
А быль все сказки превзошла.

Все глубже небо, все
безбрежней —
Оно, как в юности, зовет;
И песней жаворонка вешней
Вновь зачарован небосвод;

С восторгом тем же, постоянным,
Любуюсь вновь голубизной,
Которую раскрыл землянам
Наш первый космонавт земной.

И где тому восторгу мера,
Коль небом полнится душа?
Есть Млечный Путь, и есть Венера,
И Марс, и звездных два ковша.

И в думах — взлеты рядом
с хлебом:
Не зря ж мы крылья обрели.
Всю жизнь я восхищаюсь небом...
Но что мне небо без земли!

КАК МЫ АРТИСТАМИ БЫЛИ

Игрались пьесы с первой читки,
А ведь какой бывал успех!
Репертуар — одни агитки.
Задача — чтоб дошло до всех.

Мы для сельчан играли с жаром,
Хоть спорили до слез о том,
Кому быть в пьесе комиссаром,
Кому — буржуем и попом...

Набит битком театрик утлый:
Как говорится, полный сбор.
Вот лихо занавес лоскутный
Под гомон распахнул суфлер.

И в будке спрятался дощатой,
Чтоб нам подсказывать слова.
Мы — громко, каждый —
как глашатай,
А он опять — едва-едва...

От действа зритель распалялся.
Молчало в зале меньшинство.
На сцену пан с хлыстом являлся —
И зал гремел: — Лупи его!..

На «бис» мы были все готовы
Играть хоть до поры ночной.
И речь вели о пьесах новых,
Когда с подмостков шли домой.

ЛЕН

Лен, ленок наш ласковый,
Ровненько да зелено
Всходами весна твоя
По полю простелена.

Расцветаешь, слушая
Песни соловьиные.
Как глаза, цветы твои
Синие-пресиние.

Ты в лучи вплетаешься
Стебельками тонкими
И звенишь в волнах своих
Бубенцами звонкими.

Были узки полосы —
Сделались бескрайними.
То-то дружбу крепкую
Водишь ты с комбайнами!

В цех войдешь уверенно
Ты льняными ножками.
Весело раскатишься
Белыми дорожками —

И пойдут, пойдут по ним
Редкие и частые
Васильки, созвездия,
Радуги цветастые.

Люди залюбуются,
Радости прибавится...
Вновь и вновь краса твоя
В песнях будет славиться!

В ТОМ СНЕ...

Был тяжким сон.
И вот проснулся —
И рад ему, не утаю:
В том сне я в молодость вернулся;
В том сне любимую свою
Просил я, ревностью сжигаем
И жженьем этим умудрен,
Чтоб для меня
Была лишь маем,
Для всех других — лишь
декабрем.

●

Я в парке, где в былое время
Случалось мне бывать не раз.
Мои ровесники деревья,
Не густо ж тут осталось вас!

Я прибегал сюда весною,
Был молод, полон был огня...
Скажи мне, клен, листвой резною
Скажи: ты помнишь ли меня?

Недостижимы эти дали —
Года свиданий, встреч, потерь...
Скажи мне, дуб,— ведь вместе
ждали,
Скажи мне, где она теперь?

Я вновь как будто в ожиданье.
Безлюден парк... Печаль и тишь...
Что ж, тополь, будет ли свиданье?
Скажи, ответь! Чего молчишь?

КАРПАТЫ

Карпаты, Карпаты,
Садочки да хаты,
Девчата — как зори.
А в синем просторе
Жемчужные кручи —
Под звезды, за тучи,
А трубы-трембиты
Из солнца отлиты,
Их звуки по склонам —
То зовом, то звоном.

Карпаты, Карпаты,
Громов перекаты,
Да ели, да буки,
Да хлопцы, чьи руки
В труде сноровисты,—
Тут есть трактористы,
И есть плотогоны,
И мчится под склоны,
Ревя и вскипая,
Вода голубая.

Карпаты, Карпаты,
Вы щедры, богаты
На яркие краски,
На песни, на пляски...
Когда здесь бываю,
То вам подпеваю,
Веселый, влюбленный
В размах ваш зеленый,
В рассветы, в закаты,
Карпаты, Карпаты!

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Признаться, ночь люблю
не очень,—
Храню для дня любовь свою.
И сон мой не длиннее ночи:
Чуть солнце в окна — я встаю.

Мне день с запева интересен!
Видать, характер уж такой.
Здороваюсь я с темным лесом,
С прозрачной Свислочью-рекой.

Лучи бросают позолоту
И на дома и на людей...
Пройдусь, а после — за работу.
Не ею ли и красен день?

Где б ни был — в городе,
в деревне,
Я слышу, как разгон берет,
Как нарастает гул напевный,
В котором отзвуки работ.

Здесь встречу друга-сталевара,
Там — комбайнера-земляка.
И рад, когда их взволновала
Моя какая-то строка...

Мы землю пашем, книги пишем,
Куем, штурмуем, строим, жнем —
И звезды наши ярче, выше
И негасимей с каждым днем.

Перевел с белорусского
Валентин КОРЧАГИН.

Торговый центр деревни Гожа.

В ГОЖУ, ЗА ПОКУПКАМИ...

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ,

специальные корреспонденты «Огонька»

Деревня Гожа, река Гожанка. А сам торговый центр пригож настолько, что ни один водитель не может проехать мимо — завернет на магазинную стоянку, притормозит.

— Чем порадуете путника?

Софья Семеновна Привалова, директор светлостенного, с окнами по всему фасаду (на магазин вроде и непохожего) дома, ответа ждать не заставит:

— По покупателю и товар...

Пошутить в Гоже любят и умеют, но и дело за шутку не прячут, оно тут главное. Работают серьезно, с деревенской обстоятельностью. Солидно работают.

Года три тому назад был в торговой Гоже оборот за месяц — около тридцати пяти тысяч рублей. А сейчас перекладывает косточки на счетах Софья Семеновна, и выходит у нее, что без ста тысяч новый торговый центр месяца не закрывает. Не чистые сто, с хвостиком, а в нем, в хвостике, тоже тысячи.

Как открылся торговый центр в гродненском селе Гожа, с того дня и растет здешний товарооборот. И сейчас вот покупателей полон магазин. Городской толчеи, правда, нет, до нее тут не доводят. Здешний народ суеты не приемлет. Однако по деревенским нормам покупателей много. Нетерпения не высказывают. Но и в настойчивости покупателю не откажешь. Подавай туфли из белого шевро — и все тут.

— Да ты лаковые примерь,— советует продавщица.

— Был лак в моде, да вышел весь...

Так, запросто товар тут не продашь. Село, как мы приметили, покупает вещи с двух товарных полюсов: самое модное, чуть ли не из завтрашнего дня (а они, такие, например, туфли, в сельском магазине есть!) и что-либо вроде бы и не новейшей модели, но добротное.

— Сносу не будет! Нашей, гродненской фабрики...

Это не продавец говорит, покупатель. Значит, знает. Иначе помалкивал бы. Ведь в селе как: вся Гожа — чуть более восьмисот человек. Порекомендуешь что сгоряча, не зная дела, недолго и пустомелей прослыть. Здесь если что и скажут, то со знанием, чтоб завтра на улице на тебя не показали: это, дескать, я по его совету купил.

Да и продавцы не торопятся с рекомендациями: все же на виду. Каждый день встречаются с покупателями, по имени-отчеству друг друга знают...

Счет ныне нужен во всем, и даже расчетливость не помешает, потому что по наитию, как бог на душу положит, решать вопросы сельского торгового дела нельзя. Село богатеет, и это очень быстро сказывается на торговле. Покупатель пошел солидный, за рублем не стоящий, крупный, словом, покупатель. Полистали мы книгу заказов хозмага. Ого! Холодильники — так «Минск» или «ЗИЛ»; возьмут и «Саратов» с «Бирюсой». А «заваляшие марки», несолидные, те лучше и не предлагай. Селянин толк в добротности понимает. Для него товар — чтоб и с иголочки и надежный. В селе к ремонтному мастеру не набегаешься. Вот и приноровился сельский покупатель брать то, что служит не один год.

Мы беседуем около магазина с председателем колхоза «Искра» Константином Алексеевичем Кардашем и все пытаемся узнать у него: а нужен ли такой вот, как в Гоже, центр для деревни? Ну сами судите. Два просторных светлых этажа, да еще прохладный полуподвал — тут пивной бар («Пожалуйте, пивка холодненького,— потчуют гостя.— С моченым горошком, с копчушками...»). На первом этаже, если смотреть слева, крайняя дверь — в книжный магазин. Светлый, все тут хорошо... («Только вот книг по нынешнему времени маловато»). Чуть поодаль, стена в стену,— хозяйственный отдел. Отличный это магазин, как на него ни посмотри. Правда, мы не особо привередничали, но показалось, что есть тут все потребное деревне: от холодильников и мебельного гарнитура до гвоздей с широкими шляпками. «Для крыши хорошо. И толь держат и железо»,— пояснял нам один из лучших работников колхоза, Антон Никодимович Герасимович.

— Антон Никодимыч, журналисты спрашивают, выгоден ли такой магазин деревне? — Председатель, похоже, уже знает, что может ответить Герасимович. А может, просто подзадоривает его или продолжает какой-то давний разговор, той еще поры, когда не было такого центра в Гоже.— Может, и впрямь ни к чему? Недешевое же удовольствие такой построить?

— Это как считать! — Антон Никодимович не спешит.— Как считать... Помнишь, председатель, как наши гожанские ту же мебель и холодильники раньше покупали? Помнишь? То-то и оно-то... На день — в Гродно. Если выбрали — хорошо, не нашли — еще день клади. А потом к тебе — за машиной. На себе-то не потащишь шкаф или телевизор. Вот так, глядишь, два-три дня, и тю-тю... А я вот месяц назад холодильник брал, так и не заметил, как. Пришел в магазин, записал в книжечку: нужен холодильник. А через два дня он уже в хате

Покупатели.

К кружке пива предложат и моченый горох, и копченую рыбу, и сухарики...

стоял. А я-то эти дни не по магазинам шастал, а работал.

Из таких факторов складывается магазинная экономика. Ее от колхозных дел просто-напросто не отделить. Кто-то же в шутку сказал: не торговая фирма, а торговая ферма. Дескать, торговый центр — наш, колхозный.

— Значит, удобно?

— Не то слово,— это говорит колхозный ветеран Игнатий Игнатьевич Таранюк.— Когда сапоги не жмут, тогда удобно. А наш торговый центр — заботлив. Поглядите сами. Такой выбор товаров, и прямо под боком, в десяти минутах ходьбы. В промтоварном-то были? Значит, знаете, что сейчас деревня носит? А ведь вся эта удобная одежда, элегантность всякая, не сама в дом пришла. Из магазина. Да и в продовольственном есть что выбрать. А уж о столовой и речи нет. Сытно, вкусно. Драники такие готовят, что пальчики оближешь.

Впрочем, плохо готовить драники тут нельзя. Если эти картофельные блины не испечь лучше, чем дома, кто же в столовую пойдет? А тем более в деревенский ресторан? Ведь не за музыкой сюда приходят, не только вечер в беседе провести. Без картофельных блинков не обойтись.

Шеф-повар ресторана Мария Юльяновна Судженко это знает и редко кому перепоручит готовить драники. Чаще сама их делает.

— Картошечку сырую — на терку, яйцо сырое, соль по вкусу. И печи-ешь...

Простой рецепт. А вот не у всякого драники получаются такими, как у Судженко.

Словом, как ни посмотри, всем хорош торговый центр села Гожа. Но, пожалуй, не стоило бы о нем говорить, будь он исключением в Гродненской области. Суть в том, что здешние кооператоры взялись за дело основательно, и теперь не определишь сразу, в каком районе дела обстоят лучше, в каком — чуть похуже. Не плохо, такого тут нет, а поплоше.

С первым заместителем председателя облпотребсоюза Евгением Ивановичем Ломеко мы побывали в разных селах и деревнях. И успели увидеть и прекрасный универмаг в Скиделе, и отличные магазины «Товары для дома»; их тут много, а строится еще больше. Заходили и в ловко вписавшиеся между домов магазинчики товаров повседневного спроса — с прежними и сравнить-то нельзя.

А центр в Гоже отличается разве тем, что построен по индивидуальному проекту, это было, само собой, подороже. Но на это пошли, ведь белорусскому селу теперь нужен не просто магазин, а красивый магазин. В такой за покупкой зайти особенно приятно, и работать в нем — хорошо.

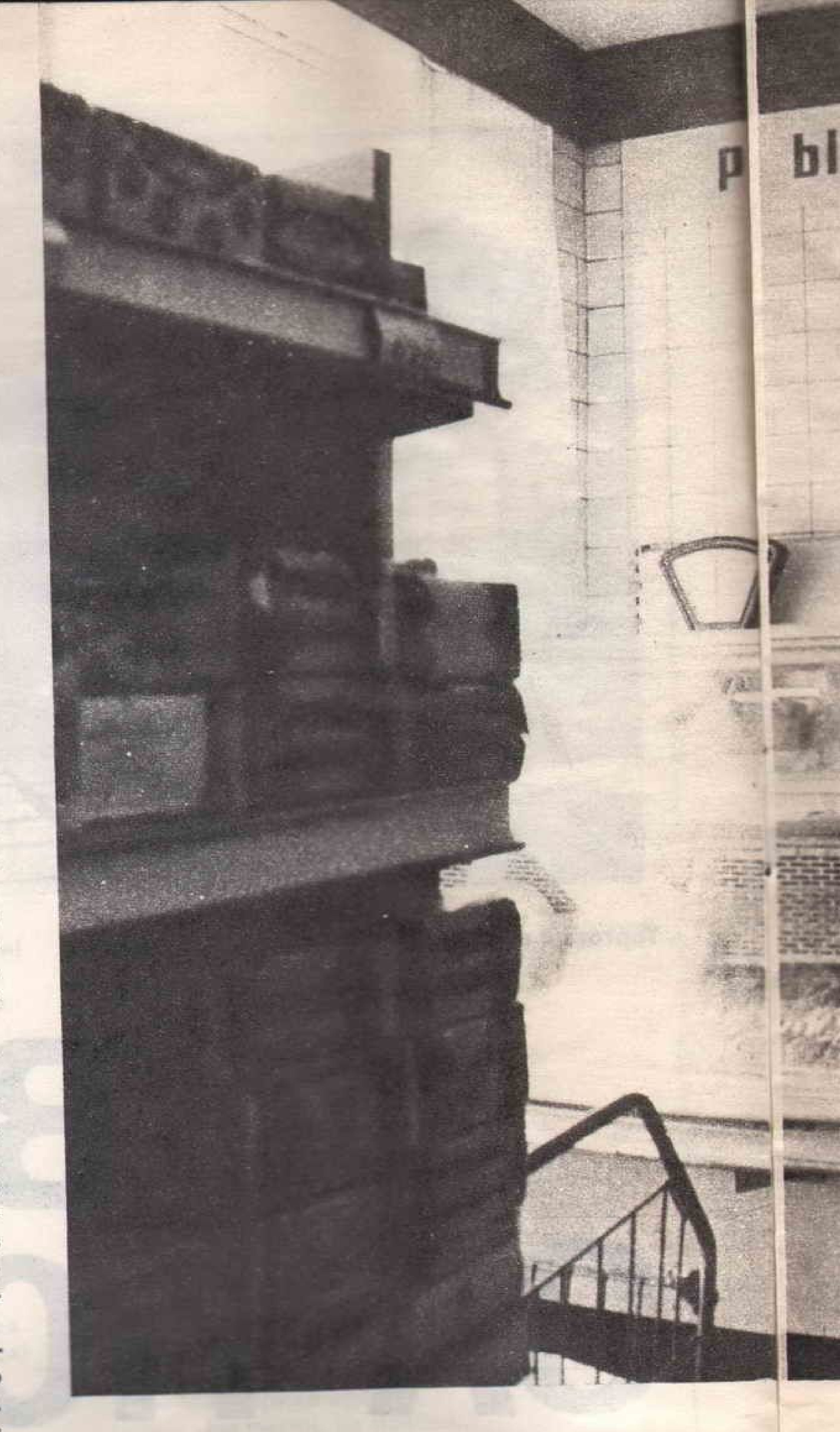
Мы беседовали с заместителем председателя Белкоопсоюза Василием Александровичем Булахом, и он отметил рабочую обычность такого подхода — щедрого, широкого, но и делового, идущего от запросов покупателя. Помощь партийных организаций республики, инициатива самих кооперативов, понимание их проблем, понимание, которое не сразу пришло к директорам совхозов и председателям колхозов,— так и набирала (и продолжает набирать) темпы сельская торговля Белоруссии.

— Сейчас без особых скидок можно сказать, что в Гродно достигнут уровень, на который сегодня можно равняться,—это нам говорит уже в Москве заместитель председателя правления Центросоюза Дмитрий Илларионович Гудков.— Но отметить только это значит сказать не все. Важнее другое: белорусские кооператоры не перестают искать новое, более современное, более отвечающее задачам, которые ныне решает село. Июльский Пленум ЦК КПСС определил рубежи, в достижении которых могут и должны помогать работники потребительской кооперации. В решении социальных проблем за сельской торговлей не последнее слово.

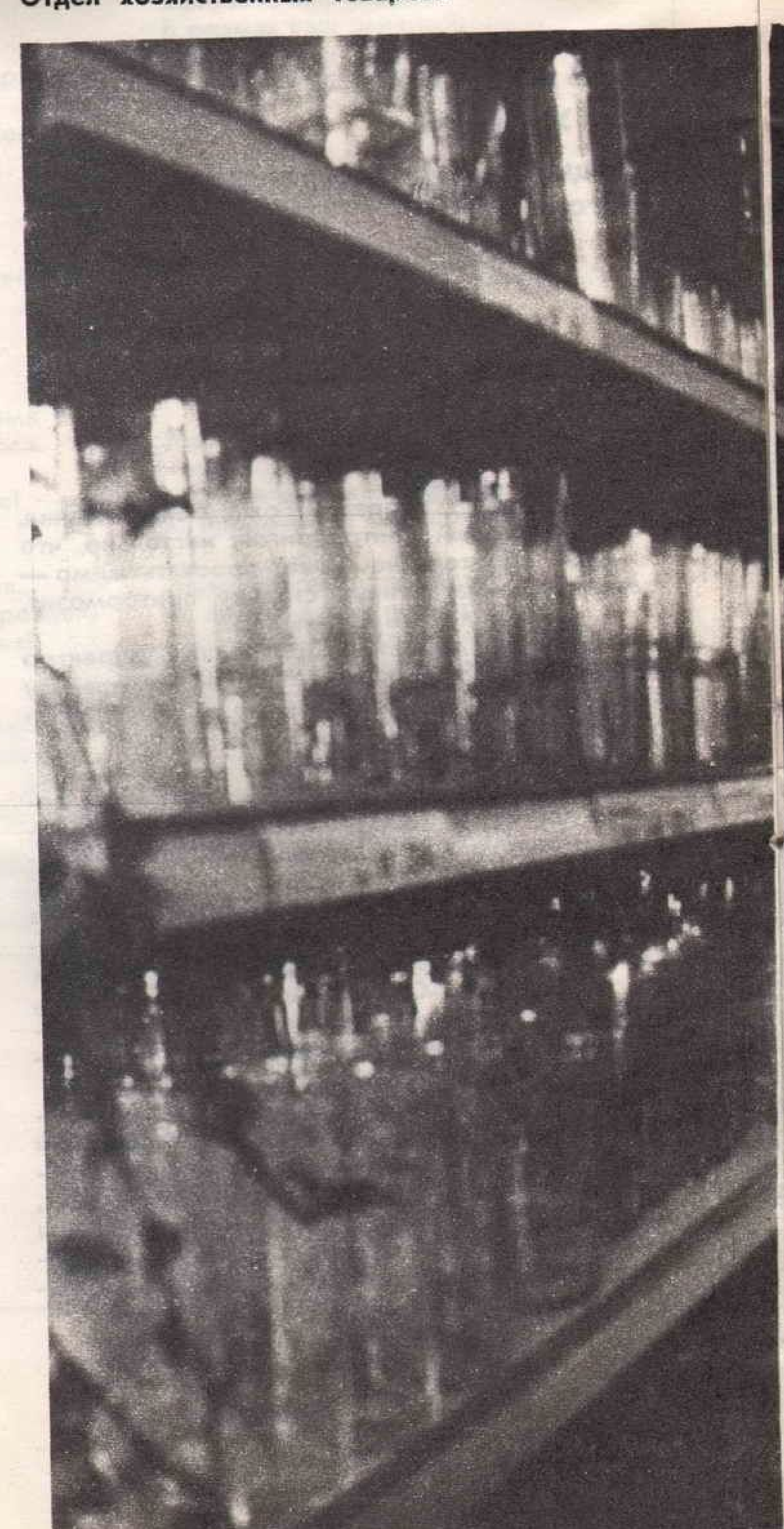
Примеры, подобные тем, что вы видели в Белоруссии, легко найти в Узбекистане, в ряде областей Российской Федерации и Украины, в других республиках, краях, областях...

* * *

Если будете в Гродненской области, загляните в Гожу, в хорошее, обычное село...

Отдел хозяйственных товаров..

Мария Негру работает в продовольственном магазине.

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

На этой фотографии запечатлен автобронеотряд, в составе которого служил мой отец, Н. П. Мироедов (пятый справа в нижнем ряду).

Как рассказывал мне отец, он участвовал в штурме Зимнего дворца и охране Смольного. Фотография была сделана в 1919 году перед отправкой на Западный фронт, в городе Рогачеве. Слева виден захваченный у белоказаков броневик с эмблемой мамонтовцев. Таких машин в отряде было две, и они не перекрашивались, а использовались для разведрейдов по тылам противника. Позже этот отряд участвовал в боях против басмачей. Вместе с отцом находилась и моя мать.

Михаил Васильевич Фрунзе, командовавший в то время Туркестанским фронтом, придавал большое значение мобильности огневой мощи бронеотряда и несколько раз благодарил его участников за проведенные операции.

Хотелось бы, чтобы отозвались сослуживцы моего отца или их близкие, которые расскажут дальнейшую историю этого отряда.

Б. МИРОЕДОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны

с. Усть-Кокса,
Горно-Алтайская авт. обл.

ПЕРВЫЙ БАШКИРСКИЙ ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД

Помню, это было в конце апреля 1923 года. Среди уфимских ребят все чаще повторялось новое слово — «пионер». Говорили, что кое-кто из нашей школы побывал в Доме пионеров. Говорили, что там очень интересно.

Однажды и мы, несколько ребят-одноклассников, направились к дому № 96 по улице Пушкина. В этом большом двухэтажном здании в то время размещался Уфимский горком комсомола и Дом пионеров.

Здесь мы узнали, что уже создан первый отряд уфимских пионеров и второе татаро-башкирское звено. Вожатым 1-го отряда был Георгий Акимов, а вожатым татаро-башкирского звена, носившего название «Хлеборобы», был типографский рабочий, комсомолец Нуретдин Ахмадеев.

У каждого отряда было свое знамя и у каждого звена — свой флаг, на котором было написано название, нарисованы эмблемы. На демонстрации, в походы и на экскурсии мы обязательно выходили со знаменами и флагами.

Каждый отряд и звено выпускали свою стенную газету. Названия были самые разные: «Хлеборобы», «Кузнецы», «Каменщики».

Мы всегда ходили в красных галстуках. И при встречах обязательно приветствовали друг друга пионерским салютом.

Наше второе звено все росло и росло. Через год нас выделили в самостоятельный отряд и присвоили имя башкирского революционера Нуриманова. Вожатым отряда стал Нуретдин Ахмадеев. Были и Аглям Валитов, Роза Даниева, Сания Юсупова, Фариха Мустафина-Гумерова и другие.

Тот день, когда впервые повязали нам пионерские галстуки,—один из самых памятных, незабываемых в моей жизни.

Наше звено в строю, чеканя шаг, под барабанный бой вышло на сцену бывшего уфимского клуба «КИМ». Мы хором дали торжественное обещание юного пионера. После этого комсомольцы повязали каждому из нас красные галстуки, которые стали для нас дороже всего на свете.

Пионерские галстуки в то время не продавались в магазинах. Когда они изнашивались, то нам их готовили по специальному заказу и заменяли в такой же торжественной обстановке.

Если пионера временно лишали права носить галстук за ту или иную провинность, это было самой суровой мерой наказания. Решение выносилось общим собранием пионеров или товарищеским судом.

В то время наша страна преодолевала тяжелые последствия гражданской войны, голода и разрухи. Поэтому мы, пионеры двадцатых годов, принимали самое активное участие в коммунистических субботниках и воскресниках по благоустройству города, по ремонту дорог. Заготавливали лесоматериалы для строительства: на реке Белой разбирали плоты, а сырые, тяжелые бревна вытаскивали из воды на берег и складывали в штабеля. Эти работы приходилось нам выполнять и поздней осенью, в дождь и холод. Разутые, плохо одетые, полуголодные юноши и девушки самоотверженно трудились на любом участке.

Нам, первым пионерам, на своей шкуре пришлось испытать козни классовых врагов, которые очень старались опозорить, оклеветать нас. Сынки баев, нэпманов делали всякие гадости, на что только были способны: то, подкараулив в темном переулке, изобьют до полусмерти, то, облив керосином, подожгут наши красные галстуки, то напустят свору собак.

Однажды наш художник пионер Якуп Рахимов оформлял стенгазету и задержался в отряде. Возвращаясь поздно домой, он услышал окрик:

— Эй, безбожник, сними свою красную тряпку и топчи ее, не то голову разобью.

Рахимов, конечно, не подал вида, что слышит. Шагает дальше. Внезапно его ударили камнем по голове, по щеке, у него побежала струя крови. А тут из переулка появились трое хулиганов, облили его галстук и рубашку керосином, бросили на него зажженную паклю. Одежда на нем загорелась. Рахимов с силой толкнул одного из хулиганов и побежал. Но от бега пламя только усилилось. Тогда Рахимов лег на траву и начал кататься. Хулиганы принялись его бить. К счастью, со стороны реки Белой шли двое взрослых, они выручили пионера из беды.

Вражеские элементы пытались нас запугать, заставить отойти от пионерской организации. Но наше стремление к новому, к коллективу было сильнее.

Следуя примеру комсомольцев, мы пели много песен. Мы пели их всюду — на вечерах, в перемену, на собраниях и сборах, в лагере, в походе.

Мы старались всегда и во всем быть примером для других ребят и очень гордились тем, что мы юные ленинцы.

Резяп ХАЙРУЛЛИН,
бывший пионер

Уфа

Совет отряда. В центре вожатая отряда Фариха Гумерова.

Ия МЕСХИ

НАРОДНЫЙ КОМИССАР

Ереван словно пылает своим розово-красным туфом. А тут, на улице Чаренца, в доме, густо прикрытом взлохмаченными деревьями, тишина и прохлада. В большой полутемной комнате нижнего этажа горит настольная лампа, водруженная на кипы книг. Сноп света падает на человека, склонившегося над столом.

Что я знаю о нем? Что идет уже восьмой десяток, как он состоит в партии коммунистов. Зовут его Арташес Баласиевич Каринян (Габриелян), старший научный сотрудник Института истории Академии наук Армянской ССР. Действительный член этой академии и Герой Социалистического Труда. И он единственный ныне здравствующий народный комиссар легендарной Бакинской коммуны, единственный человек, который может сказать: «25 апреля 1918 года, в Баку, на заседании Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов я был избран большинством голосов на пост народного комиссара юстиции». Виданное ли дело услышать сегодня такую фразу из первых уст?!

Я долго смотрю на него сквозь мутноватое стекло веранды, смотрю, как он перелистывает страницы, отчеркивает что-то, откидывается на спинку кресла, снова бросается к книге.

— Откуда пожаловали? Чем могу быть?..

Хочется с места в карьер «ринуться в бой», поближе к тем огневым комиссарским дням, но разговор вошел в непланируемое русло. И вот я мысленно проделываю долгий путь на фургоне, ведомом молоканами из Нагорного Карабаха в Баку. А в фургоне — крестьянский паренек Баласи Габриелян, прослышавший о появлении бакинской нефти и одержимый желанием понюхать ее запах и счастья в жизни попытать. И вот Баку конца прошлого века, первые нефтепромыслы, иностранные специалисты. Баласи нанимается тартальщиком: тяжелая, беспросветная работенка на долгие годы. Но тут вдруг мастер-швед усматривает какую-то изюминку в Баласи и начинает его обучать. Баласи становится мастером. Обзаводится семьей. Первенец — Арташес.

— Ваш покорный слуга...— И тут же следует легкий поклон.

И дальше с этаким ораторским блеском ведет он рассказ о своем детстве в самом что ни на есть мазутном районе Баку — в Балаханах, о бакинской гимназии, об участии в нелегальном кружке гимназистов и в журнале «Набат».

Арташес Баласиевич немного приподнимается в кресле и декламирует эпиграф «Набата»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...

Но главное происходит в Петербурге в студенческие годы: знакомство со Степаном Шаумяном, с Прокопием (Алешей) Джапаридзе и многими другими верными ленинцами, под неотразимым идейным влиянием которых сын бакинского бурового мастера вступает в партию, становится большевиком, и в том же 1907 году, вместе со своими единомышленниками едет в финский городок Териоки увидеть и услышать Ленина.

...На стене часы с кукушкой отсчитывают каждые тридцать минут. Кукование это постоянно напоминает о времени. А что значит время для человека, которому уже за девяносто? Он дорожит им? Безусловно. Но нужно же и отпустить душу погулять по годам. И он отпускает. Разговор выходит из рамок строго биографического сюжета. Вот он поет сильным голосом, от первой до последней строфы: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И спрашивает:

— Хорошо! Верно?..

Вдруг Арташес Баласиевич вспоминает Короленко, его очерк «Огоньки»: «Но все-таки... все-таки впереди — огни!..»

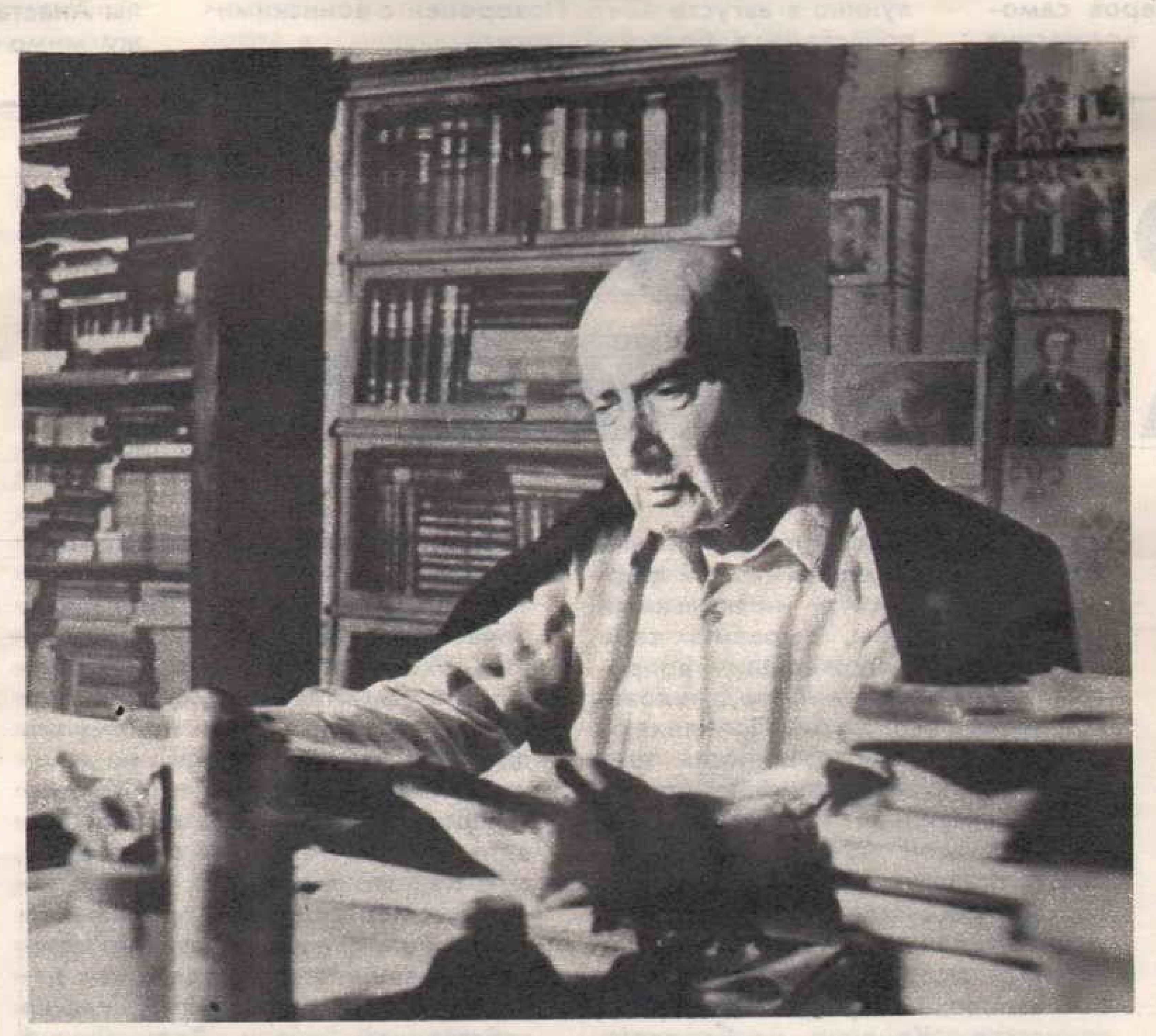
Это уже вспоминается возвращение на пароходе из Америки, куда он ездил в 1921—1922 годах в армянские колонии, с пропагандистской миссией от Закавказского краевого комитета партии.

...Поздно. Я собираюсь уходить. А о Бакинской коммуне он так ничего и не сказал!

— Да это же все написано, написано!..— отмахивается досадливо.

Да, написано много, и им самим (около пятисот очерков, статей!) и о нем (около шестидесяти работ!).

И тут он взял клочок бумаги и быстро стал чертить на нем расположение дома, в котором помещалось руководство Бакинской коммуны. Как раз то, чего очень не хватало, какие-то зримые подробности не столь важные, по существу, сколь по своей житейской достоверности. В самом деле, имеет ли значение, где в дни Коммуны располагался кабинет Степана Георгиевича Шаумяна? Наверно, не имеет. Но интересно знать, что Шаумян сидел на верхнем этаже трехэтажного здания, а Габриелян со своей юстицией располагался этажом ниже, занимая целое крыло. Второе же крыло было отдано комиссариату просвещения, возглавляемому Надеждой Николаевной Колесниковой, чей муж, Яков Зевин, был расстрелян в числе двадцати шести бакинских комиссаров. Это здание было связано с другим, где ранее располагался Баксовет. А невдалеке, на площади Свободы,— штаб армии с Григорием Коргановым, комиссаром по военно-морским делам.

Академик Арташес Баласиевич Каринян. Фото М. Шахбазяна

— Вот как писал-то. Будто о реке, но нам было понятно: не унывайте, глядите вперед!

Потом неожиданно сыплет цитатами из кодекса Юстиниана, целыми кусками, по-латыни. И снова о литературе, к которой тяготел всю жизнь — и будучи комиссаром, и председателем ЦИК Армении, и на любых других ответственных постах, оставаясь неизменно революционером, большевистским публицистом.

— Помните? — спрашивает.— «Чайка, серая чайка рыдает над Северным морем».

Непосредственная близость к руководителю бакинских большевиков позволяла комиссару Габриеляну часто советоваться с Шаумяном и согласовывать свои действия. А какие они были, эти действия?

— Самые простые,— отвечает Арташес Баласиевич. — Я пришел в старую магистратуру, собрал чиновников и предложил им работать с нами, большевиками. Не все, но часть честных юристов откликнулась и перешла в наш стан. А потом мы начали посещать бакинские тюрьмы (я сам сидел в них в 1913 году), беседовать с заключенными и в каждом отдельном случае решать судьбы людей. Начали реорганизацию старых судов. Ввели судопроизводство не только на русском, но и на азербайджанском и на армянском языках. Одним из первых декретов Коммуны, где моя подпись стояла вслед за подписью Шаумяна, был декрет о борьбе с бандитизмом, мешочничеством и взяточничеством...

Комиссар вспоминает Мешади Азизбекова, с которым работал в тесном контакте. Мусаватисты ненавидели Мешади, называли его «дяли Мешади», что значит «сумасшедший, чокнутый». Считали, видите ли, его интернационалистические эмоции приметой человека... ненормального!

— И вот представьте себе,— перекидывается он в «докоммунные» месяцы, когда редактировал «Известия» Баксовета.— Как-то является ко мне член исполкома Баксовета, лидер мусаватистов Расул-заде и требует, чтоб я напечатал его статью против ранее опубликованной в газете статьи Шаумяна. О чем писал Шаумян? О том, что мусаватистами и грузинскими меньшевиками было совершено зверское, разбойничье нападение на воинские эшелоны солдат, ехавших с фронта. Я наотрез отказался выполнить требование Расула-заде. Он пошел жаловаться Алеше Джапаридзе — не прошло. Пошел к Мешади — тоже не прошло! Расул не унимался, потребовал «обуздать редактора» на заседании исполкома Совета. Его не поддержали. Поставил вопрос на обсуждение Баксовета. И тут все, как говорится, стало яснее ясного. Ненавидящие друг друга националисты дружно объединились в своих нападках на большевиков, что вызвало лишь иронические реплики и отрицательный резонанс в среде беспартийных рабочих и у представителей левых течений. Провалился Расул-заде со своей попыткой оправдать зверства мусаватистов!

...Тут к Арташесу Баласиевичу пришел гость, частый и любимый в этом доме, академик-секретарь отделения истории и экономики АН Армянской ССР Геворк Багратович Гарибджанян, и оба они принялись горячо обсуждать гранки статьи о Чернышевском и армянских прогрессивных деятелях.

Я сидела, глядя издали на беседующих ученых, и думала о том, какое счастье быть в столь преклонные годы нужным, необходимым, какое счастье говорить не только: «Я был...», «Я написал», но и «Я пишу», «Я напишу»...

Герой, отец героя

Таким был Сергей Петрович Иванченков.

«Коммунисты, вперед!» — неистово крикнул взводный Сергей Иванченков, бросаясь на вражеские укрепления на подступах к Ржеву.

«Все подчинено главной цели: выполнить программу»,— сказал его сын коммунист Александр Иванченков на космодроме перед запуском «Союза-29».

* * *

Утром 26 августа 1942 года от фашистов были очищены деревни Ржевского района Галахово, Тимофеево и Полунино. Десять дней в небе и на земле стоял непрерывный грохот.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит, и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Тысячи советских солдат и офицеров самоотверженно бросались на прорыв вражеских укреплений. Среди тех, кто шел через галаховское поле смерти, чьи пулеметчики поклялись перед боем взять деревню любой ценой, был командир взвода мотострелкового пулеметного батальона танковой бригады старший лейтенант Сергей Иванченков...

На братской могиле в центре деревни Полунино на гранитной плите слова: «Здесь похоронены погибшие летом в 1942 году солдаты, сержанты и офицеры 38-й стрелковой дивизии, 11-й стрелковой бригады, 21-й танковой бригады, 1-й бронетанковой дивизии, 1-й отдельной саперной дивизии. Всего более 10 тысяч человек».

В сельсовете вам выдадут книгу. В ней они названы поименно. Все 10 тысяч... Иванченков Сергей Петрович погиб в боях за деревню Полунино в августе 42-го. Похоронен с воинскими почестями в братской могиле...

— Было это лет десять назад, — рассказывает нам учительница местной начальной школы Анастасия Михайловна Калошина. — Прохожу мимо братской могилы, смотрю — прислоняется к ограде...

Опираясь на правду

Как интереснее рассказать о писателе-современнике? Как помочь миллионам людей, которые зачитываются его книгами, лучше узнать автора, понять «творческую лабораторию», приблизиться к истокам образов, вызывающих любовь и сочувствие или ненависть и гнев? Мы привыкли к публикации отдельных критических статей о писателях, к очеркам их жизни и творчества, к различным интервью и беседам. Своеобразный опыт «развернутого представления» писателя предпринял весной этого года журнал «Наш современник», опубликовавший интересную подборку материалов о творческой и общественной деятельности Владимира Чивилихина. Начинание оказалось удачным и перспективным. И вот новая публикация журнала — перед нами материалы, посвященные лауреату Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР Юрию Васильевичу Бондареву[1].

Здесь прежде всего обращают на себя внимание «Мгновения» — философские миниатюры, которые Ю. Бондарев публикует как страницы из записной книжки. Автор известных, широко популярных романов стремится в них лаконично, в предельно сжатой форме, иногда всего несколькими строчками прозы, выразить свое отношение к сложнейшим вопросам, возникающим перед человеком и человечеством. Привлекают лапидарность и отточенность этих коротких произведений и, несомненно, истинная острота мысли, в каждой из них заключенной. Оставаясь наедине с самим собой, рассуждает в них писатель о вечных проблемах — о жизни и смерти, об ответственности человека перед людьми, об искусстве... Конечно, не Бондарев первым коснулся этих вопросов, но в том-то и ценность «Мгновений», что они открывают перед нами и откроют перед последующими поколениями образ мысли н а ш е г о современника, человека второй половины неспокойного XX века. За его плечами опыт, пришедший в тяжелейшей борьбе и невиданных испытаниях человеческой силы, стойкости и выносливости, открывший еще что-то новое, глубинное и в самом человеке и в мире, который его окружает.

«Кто точно ответит, каким законам, каким силам Вселенной подчинена стихия и эволюция, периоды жизни и час смерти, рычаги превращения жизни в смерть и смерти в жизнь?

Едва ли мы сможем объяснить, почему человеку дан срок не девятьсот лет, а семьдесят (по библии), почему так молниеносна, быстротечна молодость и почему так длительна старость. Мы не сможем найти ответа и на то, что подчас добро и зло невозможно отъединить, как причину от следствия. Как это ни горько, однако не стоит и переоценивать понимание человеком своего места на земле — большинству людей не дано познать смысл бытия, смысл собственной жизни. Ведь нужно прожить весь данный тебе срок, чтобы иметь основания сказать, правильно ли ты жил. Как иначе осмыслить это? Умозрительным построением возможностей и назидательных предопределений?

Но человек не хочет согласиться с тем, что он только мизерная крупица пылинки-земли, невидимая с космических высот, и, не познав себя, дерзостно уверен, что может постичь тайны, законы мироздания и, конечно, подчинить их повседневной пользе.

Знает ли человек, что он обречен?.. Беспокойная эта мысль лишь тенью мелькает в его сознании, он отстраняет ее, он защищается, успокаивается надеждой — ведь роковое, неизбежное, не случится завтра, есть еще время, есть еще десять лет, пять лет, два года, год, несколько месяцев...»

Какие верные и какие глубокие, хотя и горькие слова! В устах современного писателя, высказанные сегодня, они поражают отсутствием гордыни и точным, аналитическим взглядом на бытие. Мы привели этот отрывок отнюдь не для того, чтобы уличить Бондарева в пессимизме, напротив: заключенная здесь идея многое объясняет в философии романов писателя, особенно последнего — «Берег», с его интеллектуальной напряженностью и духовной насыщенностью.

В беседе с Ю. В. Бондаревым, которая публикуется в журнале, сам писатель так сказал о «Мгновениях»: «Этот выбранный мною жанр позволяет, как мне кажется, наиболее лично, искренне выразить то, что требует краткого, а не романного выражения. Иногда я прихожу к убеждению, что в будущем мировая литература все чаще и чаще будет обращаться к жанру маленького романа». Следует внимательно вчитаться в беседу с Ю. Бондаревым — в ней много примечательных мыслей и суждений; это интервью — еще одна тропинка к постижению личности писателя. «Хотелось бы определить литературу,— говорит он,— как деятельность самопознания, самоутверждения и самоназказания. Самоназказание обретает силу в том случае, когда человек отходит от наивысшей нравственной категории, которая называется совесть». Очень важная и характерная для Бондарева мысль. Он много размышляет и пишет о нравственности в литературе, а

[1] «Наш современник» № 8, 1978.

нившись к березе, стоит молодой человек. Знаете, ведь сюда тысячи людей со всех концов страны приезжают: родственники, знакомые тех, что пали тут в сорок втором.

Что такое людское горе, я хорошо понимаю и с расспросами приставать не люблю. Стала рядом с ним, и оба молчим. И передается мне его потрясение. Его какая-то совсем детская невыплаканность, обойденность отцовской лаской и отцовским словом. Наверное, сын одного из героев, думаю.

Сама-то я вместе с измученными от голода и горя ребятишками собирала останки погибших и бережно переносила их в эту могилу... Тридцать два года начинаю здесь первый сентябрьский урок: «Священной памяти».

— Отец тут у меня, — сказал как выдохнул молодой человек,— и видеть его не свелось.

И не удержался, заплакал.

Я узнала, что зовут приехавшего Сашей, фамилия Иванченков, живет в подмосковном городе Ивантеевке.

На следующий год Саша приехал вместе со своей тетей, Клавдией Петровной Плужниковой. И они сразу пришли ко мне в школу. Помню, мы долго сидели втроем, пили чай. Потом Александр взял фотоаппарат, извинился и сказал, что хочет побродить один по деревне, по старому школьному саду, посидеть у могилы.

Клавдия Петровна, заменившая ему мать, которая умерла почти сразу же после войны, рассказала мне о Сашиных успехах, о том, как закончил он школу с золотой медалью, как увлеченно занимался в Московском авиационном институте, как с самых детских лет расспрашивал об отце, могилу которого они нашли только в прошлом году.

С тех пор они приезжали несколько раз. Последний раз Александр приехал один. Помню, холодно было, дождливо, как в том августе 42-го. А он приехал раздетым, по-летнему. Я ему дала пальто моего мужа, отогрелся он у нас, одним словом, встретили как родного.

Из сообщений в печати я знала, что Александр еще в 1975 году готовился для проведения совместного полета советского космического корабля «Союз» и американского космического корабля «Аполлон», потом проходил подготовку для работы на орбитальных станциях, дважды исполнял роль дублера, и в частности в паре с нынешним командиром корабля «Союз» Владимиром Коваленком. Знала... и ждала...

* * *

Необыкновенно радостным было для Анастасии Михайловны и ее учеников утро 16 июня, когда диктор объявил о запуске космического корабля «Союз-29», пилотируемого экипажем в составе командира корабля летчика-космонавта СССР полковника Коваленка Владимира Васильевича и бортинженера Иванченкова Александра Сергеевича.

Были каникулы, но все ребята прибежали в этот день в школу. И как-то само собой у всех возникло желание побыстрее пойти к братской могиле, возложить цветы, поклониться в это необыкновенное утро воину—герою Сергею Петровичу Иванченкову и всем десяти тысячам, ценою жизни которых сегодня поднялся в космос его сын Александр.

«Гордимся, что у героя отца и сын стал героем. Горячо поздравляем. Ждем на ржевской земле» — такую телеграмму отправила Анастасия Михайловна Калошина космонавту Александру Иванченкову.

3 марта 1978 года в связи с 35-летием со дня освобождения город Ржев был награжден орденом Отечественной войны I степени. Орден на знамени Ржева — это посмертная награда отцу космонавта Сергею Петровичу Иванченкову и всем, кто навсегда остался лежать у стен нашего древнего города. В августе, когда городу вручали этот орден, в президиум торжественного собрания поступила телеграмма с борта космического корабля «Союз-29», в которой Александр Иванченков и Владимир Коваленок поздравили ржевцев с высокой наградой.

Анастасия Михайловна Калошина у братской могилы.

А в канун Дня учителя теплую поздравительную телеграмму учительнице Анастасии Михайловне Калошиной прислал из космоса Александр Иванченков.

И. ЛАДЫГИН, С. СМИРНОВ

Фото В. Голубева

Ржев.

в своих произведениях именно этой категорией поверяет героев. Вспомним хотя бы лейтенанта Кузнецова из «Горячего снега» и лейтенанта Княжко из «Берега». Но нравственность, считает писатель, не свод сухих назиданий, не кодекс сплошных догматических запретов. «Много лет назад я понял: в том случае, если писатель не уходит в края розовых снов и лазурных далей, а опирается на реальность, то он наиболее нравствен. Опираясь на правду, писатель обязан видеть в человеке не только солнце, но и ночь. И в этом тоже — нравственность».

Написанная в форме непринужденного, но очень серьезного разговора, беседа с Бондаревым, которая озаглавлена его словами «Бываю счастлив, когда работаю...»; объясняет целый ряд аспектов его творчества, в том числе и тот, который некоторые критики, анализирующие роман «Берег», назвали «мистическое настроение». Сам писатель формулирует его несколько иначе и, скажем прямо, серьезнее: «По-моему, определение «мистическое настроение» нельзя назвать точным. Тем не менее хочу сказать, что, кроме сознания, есть еще и область подсознания, есть рефлексы и чувства, не вполне объяснимые алгеброй и геометрией, логикой общей для всех математической формулы, и, если бы было иначе, человек предстал бы слишком примитивной машиной.. Не нужно думать, что мы знаем о себе все... Литература и есть исследование человеческого сознания и человеческого подсознания, приоткрывание дверей в глубину психики, жизненных страстей».

Как видим, отчетливое стремление к анализу человеческого «я», к раскрытию образа героя изнутри возникает в произведениях Бондарева не интуитивно, а имеет, если можно сказать, проработанную теоретическую основу, восходящую непосредственно ко всему опыту мировой литературы.

В беседе писатель касается и других общих сторон творчества, в том числе и редко затрагиваемых. Например, вот как отвечает Бондарев на вопрос, могут ли слава и честолюбивые устремления быть стимулом творчества. Писатель считает, могут, но уточняет, что творчество серьезного художника — это не движение к успеху, не этап карьеры, а судьба. «И только тот из художников, кто шел к своей цели не в узде расчета, а трудной дорогой судьбы, тот достигал Олимповых высот, наивысшей точки истинного успеха и славы. И в то же время художник не испытывает полного удовлетворения, ибо постоянно стремится к предельному выражению правды, к совершенству формы — и нет конца каторжному труду. Зачем Льву Толстому надо было переписывать каждую свою вещь по нескольку раз? Зачем Эдуард Мане 80 сеансов заставлял позировать свою модель для картины «Кружка пива»?... Что заставляло их работать? Честолюбие, тщеславие, стремление к успеху или жизнь-судьба? Успех не вечен, он проходит. Истинное произведение искусства нетленно».

Редакция «Нашего современника» хорошо сделала, поместив подборку писем, адресованных Бондареву. Ведь не секрет, что часто в немногих словах личного послания писателю сказано о результате его работы, по сути, больше, чем в некоторых объемных статьях и рецензиях. «Прочел твой «Горячий снег»,— пишет писатель, тоже фронтовик, В. Астафьев.—Нахожусь еще под ошеломившим меня впечатлением... Тяжкий для сердца ты проделал труд, с ужасом думаю и представляю, сколько ты перестрадал, воссоздавая в памяти это страшное смертоубийство, которое у нас начали романтизировать, украшать словесными цветниками, притупляя отвращение к войне, ужас перед смертью, вселяя в души людей преступную забывчивость и благодушие...» Проницательная мысль, затрагивающая самые основы психологии творчества.

Многие отозвались на последний роман Бондарева. Пожалуй, наиболее ярко сформулировал его значение Василь Быков: «Прочитал «Берег» и весь день хожу под впечатлением чего-то очень значительного, свершившегося в моей жизни. Роман потрясающ по своей глубине и человечности... Мне трудно сейчас определить главное его достоинство, в нем много различных измерений, но несомненно, что главная его мысль — по-толстовски человечна, благородна и нова. Она вобрала в себя, очевидно, весь наш современный опыт, опыт нас, пятидесятилетних, меченных прошлой войной, что-то в нас погубившей, но и просветившей в чем-то. И потом это дыхание — широкое, не стесненное границами, условностями, эта невозможность простого человеческого счастья в атмосфере вражды и разъединенности — и такая естественная жажда этого счастья. Я очень люблю «Горячий снег», «Батальоны...», «Последние залпы», «Тишину», но этот роман — пока вершина...»

Трудно да и незачем подробно комментировать эти и другие опубликованные журналом письма, заметим лишь, что во многих из них отмечаются философичность и актуальность прозы Бондарева, постоянное следование писателя русской классической традиции.

Более подробный, профессиональный, но менее эмоциональный разбор произведений Бондарева найдет читатель в опубликованных в журнале статьях критиков Е. Горбуновой «Неспокойная тишина...» и Владимира Коробова «Наедине с книгами Юрия Бондарева». В статье Горбуновой необходимо отметить публикацию многочисленных откликов, которые получило творчество Бондарева за рубежом. К сожалению, мы мало знаем, как оценивают зарубежные критики произведения современных советских писателей. Даже специальные литературные издания нечасто печатают эти отзывы. Тем ценнее высказывания, подобранные Горбуновой. Из них мы узнаем, например, что французский литературный журнал «Les livres lecture» назвал роман «Тишина» шедевром, "глубоко насыщенным психологической правдой и человеческим теплом». А итальянский критик Дино Бернардини считает, что «умение избежать искушения пустой риторики следует признать одной из важных заслуг писателя».

Широкий критический разговор о прозе Бондарева как бы цементирует на страницах журнала «Наш современник» россыпь содержательных материалов (включая и редкие для «толстого журнала» фотографии) о жизни и творчестве одного из интереснейших современных русских советских писателей.

В. ЕНИШЕРЛОВ

ПОД НЕБОМ МАЛАЙЗИИ

Фазу **АЛИЕВА**

Дорога из столицы Малайзии Куала-Лумпура в город Куантан штата Пахангл ежала через джунгли. Она тянулась пламенной строчкой романтичной песни. Только что прошел тропический дождь, и потому тяжело и благоговейно кланялись земле цветы, яркие краски которых ослепительно обжигали глаза.

Нет! Мимо этого проехать нельзя. Я попросила остановить машину. В каждом кустике и лепестке я чувствовала спрятанную мою строчку. Она манила к себе. Опустившись совсем низко и кружась надо мною, дважды пролетала птица с хохолком, окрашенным, словно зарею. Она окликнула меня на своем птичьем языке. О чем она спрашивала? Может быть, ей интересно узнать, почему я, женщина гор, рожденная в далеком дагестанском ауле Гиничутль, я, поэт Страны Советов, очутилась вдруг здесь, в джунглях? Может, она спрашивала меня, какими ее собратьями, каким птичьим миром богата моя Родина? Не успела я полюбоваться ею, как другая, словно вспыхнувшее пламя, яркая птица, чуть коснувшись меня своим огненным крылом, начала кружиться надо мною. От нежного прикосновения ее мягких перьев на душе стало тепло. А может, она предупреждает меня, что возле моей ноги проползает змея? С детства не переношу змей, я замерла, словно окаменела. Высоко подняв свою изумрудную голову, длинный, тонкий зеленый парчовый шнурок настороженно смотрит на меня. А я не свожу с него глаз.

То опуская, то поднимая голову, змея играет своим гибким телом, кокетливо ломается, загадочно шипит. Может быть, и я для нее такая же новость, как она для меня?

Скорее от боязни сделать шаг, чем от смелости, я не отступаю, пока змея, обвивая собою ствол бамбукового дерева, не слилась с зеленой листвой.

Здесь, в тропических джунглях, спрятано столько песен! Собрать бы их, как ягодки, в подол платья или горсточками — в сердечные хурджины, но я спешу.

Уже сгущались сумерки, когда мы, наконец, приехали в Куантан. В школе, где должен был проходить шестой национальный праздник поэзии, уже играл оркестр.

Праздник открылся песней. Ни одного слова я не понимала и переводчице своей сделала знак, чтобы мне не переводили, но каждое слово песни, растворяющееся в мелодии, то гремевшей, как неожиданный гром, то утихающей на предельно печальной волне, поднимало меня на своих крыльях.

Юноша пел проникновенно, отдавая себя без остатка песне, и я поняла, что эта песня о родине, о ее величии, что эта песня мужественных людей, зовущая к свободе и независимости.

Печальный напев заменил веселый, темпераментный национальный танец. Вдруг, в одно мгновение, я даже не успела почувствовать, как стерлась грань между сценой и залом, все слилось в единое целое, все хлопали, сердце раскрылось нараспашку, как в далеком горном ауле в дни веселья и свадеб, легкими стали ноги мои, руки в сторону и тяжесть годов рассыпалась в пылинки. Веселая родная лезгинка, не раз ты меня выручала. Не раз в юность возвращала, печаль вдребезги разбивая, меня легкой и веселой делала, усталость снимая, меня обновляла, и не раз твоим понятным всему миру языком с людьми общалась. Все забыто, и я кружусь. Настороженности моей как не бывало. Я поняла, что малайцы — народ общительный, музыкальный и поэтичный, народ искренний и открытый. Восторженно была встречена весть о том, что впервые на их национальном празднике поэзии присутствует представитель Советского Союза, а это высоко поднимает значение праздника.

Со мною две студентки Института стран Азии и Африки при МГУ. Они проходят здесь практику и сопровождают меня. Две совсем молодые девушки — Елена и Татьяна. Глядя на них, я удивлялась, сколько в них достоинства. Вспоминаются слова Владимира Маяковского: «У советских собственная гордость...» Как такая гордость украшает человека, особенно за пределами Родины, когда она в твоей крови и ей подчинено все остальное.

Величественно шумит море, тихо играет тропический горячий ветер. У микрофона стою я, освещенная прожекторами, но прежде чем я успеваю что-то сказать, передо мною появляется юноша и говорит:

— Вы приехали к нам из далекого Советского Союза, мы хотели спросить, верите ли вы в бога и какая у вас религия?

— Я коммунист! — отвечаю я и, недолго думая, читаю стихотворение на родном аварском языке.

Священна моя любовь, Отчизна, к тебе,
Верность твоей судьбе.
Готова и я за эту землю, за ее каждую пядь
Жизнь отдать.
Клянусь, что любовь моя чистого неба
ясней,
Ущелий бездонней.
Прикажи — и оставлю мгновенный след
крови моей
На священной твоей ладони.

Чтение стихов окончательно сблизило нас всех. Начался самый искренний, открытый разговор.

На меня ворохом посыпались вопросы.

— Много ли у вас в стране поэтесс? Имеют ли они равные права в литературе с мужчинами? Кто возглавляет Союз писателей?

Не знаю, почему в этот момент я вспомнила одно из заседаний съезда писателей СССР в Кремлевском дворце, председателя правления Союза писателей Чечено-Ингушетии, известную поэтессу Раису Ахматову. Она, такая красивая, такая одухотворенная, тогда вошла в мое сердце.

— Почему у вас слезы? — Этот вопрос прервал мои воспоминания.

— Я сейчас мысленно была в Кремлевском дворце! — ответила я и рассказала о Раисе и других поэтессах нашей страны.

— Из каких социальных слоев в Советском Союзе может выйти поэт?

— Поэтом может быть любой человек, если он обладает талантом. Примером этому может быть моя судьба. Я родилась и выросла в далеком горном ауле. Бабушка моя не умела подписывать даже свое имя, мать была безграмотной. Работая в районной больнице санитаркой, она воспитала нас, четверых, все мы получили высшее образование. А тиражи моих книг давно превысили численность населения моей республики. Мои произведения переведены на многие языки мира, это не только моя судьба. Если вы спросите любую поэтессу Советского Союза, будь это Людмила Татьяничева или Римма Казакова, Халимат Байрамукова или Людмила Щипахина, вы услышите почти подобную судьбу.

...Утро другого дня началось с экскурсии в Султанат, все окружающее нас было как музей редчайших экспонатов природы. Откуда только берутся такие краски, яркие сочетания? Все краски мира будто сошлись здесь на свидание. Здесь мало таких цветов, которые растут на собственных тонких стебельках, а больше тех, что прикреплены пышными букетиками на крупных деревьях,— кругом море цветов...

Вдруг наши автобусы остановились, я поинтересовалась: почему? Оказывается, должны платить за дорогу. Это для меня было удивительно, непонятно.

Сколько, моя родная страна, исколесила я твоих дорог, но никогда не раздумывала над тем, что должна платить за дороги. Моя дорога и в воздухе, и на воде, и на суше! Понятие того, что мне все принадлежит в моей стране, как и каждому, возвышает меня над всеми, где бы я ни была за твоими пределами.

Все крупное состоит из мелочей, я сравниваю все мелочи и раздумываю над всем увиденным. И в этих сравнениях умножается моя любовь и преданность Родине, и в этих сравнениях трепещет мое сердце, рождаются

новые строчки и слова благодарности моему мужественному народу.

Последний день праздника был тоже посвящен чтению стихов. Выступавшие читали и пели свои произведения. Тогда же я услышала песни поэта Дж. М. Азиза. Читая его стихи, многие плакали. Позже я узнала, что этот поэт прикован к постели болезнью, у него семеро детей и он получает мизерное пособие в размере 50 малайских долларов в месяц. Все участники праздника отдавали ему пожертвование, конечно, я тоже...

Какими бы насыщенными ни были дни праздника поэзии в Куантане, по-настоящему плотной программа оказалась по возвращении в Куала-Лумпур. Очень запоминающейся была встреча в Совете языка и литературы, тут же присутствовали представители местного женского журнала.

Разговор состоялся очень искренний. Вопросы мне задавали самые разнообразные.

— Мы знаем, что вы не только поэтесса, но и крупный общественный и государственный деятель, главный редактор журнала «Женщина Дагестана». Как вы считаете, полностью ли у вас в стране решена проблема освобождения женщин?

— Ни для кого не секрет: в Советском Союзе этот вопрос давно решен!

— А как в вашей республике?

— На примере нашей республики это видно особенно ярко и отчетливо, нет такой области науки и культуры, государственной власти и хозяйства, где бы не трудилась наша женщина. Если до революции в Дагестане для женщины считалось грехом умение написать свое имя, то сегодня наши женщины — народные артистки СССР и профессора, министры и директора школ. Нет такой отрасли, где бы не работала женщина. Мне, в свою очередь, хотелось бы узнать, как у вас обстоит дело в этом направлении?

— У нас, конечно, далеко не решен этот вопрос, мы стремимся к уравниванию образования мужчин и женщин, и еще для нас очень актуальным остается вопрос о равной оплате труда мужчины и женщины.

— Нам это понять очень трудно! Как же может быть разной оплата, когда мужчина и женщина выполняют один и тот же труд?

— А какую проблему ваш журнал считает самой актуальной, за что вы боретесь?

— Проблемой номер один мы считаем облегчение быта женщин, чтобы техника и служба быта больше помогали людям в домашнем хозяйстве, чтобы у женщин осталось больше свободного времени для отдыха, чтения.

— Должна ли поэзия быть доступной народу?

— Я считаю, что все заключается в волшебной силе таланта поэта. Я бы лично не хотела, чтобы моя поэзия была непонятной народу. Мы, советские поэты, чутко прислушиваемся к голосу народа.

— А не находите ли вы, что так называемая доступность для народа претит высоким чувствам поэта?

— У поэта чувства созвучны чувствам народа.

— Как это понять?

— Например, я выступала в университете перед студенческой аудиторией, это было буквально на днях. Меня просили прочитать новые стихи. Прочитала лирические, еще не опубликованные. А после встречи девушки и юноши гурьбой окружили меня и попросили, чтобы отдала им переписать эти стихи. Значит, они в моих лирических стихах увидели своего лирического героя.

— Вы считаете, что искусство не ради искусства, а для народа.

— Только для народа, я и себя не отделяю от народа.

— Хотелось бы знать, какие отличительные черты имеют культура и искусство Дагестана?

— Наша дагестанская культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию, очень самобытна. В каком бы уголке земного шара я ни увидела изделия прославленных кубачинских, гоцатлинских, унцукульских мастеров, или ковры, сотканные ахтынскими и табасаранскими женщинами, или бурки рахатлинских женщин, их не спутаю ни с какими другими. С закрытыми глазами скажу, что это сделано руками дагестанцев. Где бы я ни находилась, среди тысячи мелодий я различу задушевные мелодии дагестанских песен, и ни с какими танцами я не спутаю мою родную лезгинку.

— У вас в Советском Союзе много пишут патриотических, антивоенных стихов. Как это понять?

— Да, вы правы. Вы знаете, как дорого советскому народу обошлась война. И политика Коммунистической партии и Советского правительства, лично Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева направлена на укрепление мира между народами, нам не нужна война, мы хотим трудиться, учиться, растить своих детей, чтобы и они и новые поколения были счастливы, и потому поднимаем свой гневный голос против войны и ее поджигателей. Мы за мир и дружбу!

— А если будет война?

— Что же, я уверена, наши дети пройдут по славным тропам своих отцов. Я знаю, что ни мои сыновья, ни сыновья других советских людей не подведут Родину!

В последний раз, окидывая взглядом страну джунглей и ярких цветов, страну красивых, стройных мужчин и лучезарных женщин, страну горячего солнца и жарких песен, я с благодарностью думала о всех людях, с кем мне здесь пришлось встретиться, беседовать, тех, кто своими вопросами вызвал меня на разговор. Отвечая на них, я еще раз убедилась, что моя страна — Союз Советских Социалистических Республик—самая демократическая, самая свободная во всем мире, а эта свобода делает меня сильной и мужественной, достойной представительницей своей великой Родины. Я чувствую, что я стала еще сильнее, ведь понятно: новая страна — новые друзья. У нас в Дагестане говорят, что мерилом силы человека являются его друзья, а их у меня стало больше. Я чувствую, что муза моя потревожена, вдохновение зреет в сердце строчками. Пока они в загадке, в таинственном шепоте, но я знаю, когда снова почувствую под ногами родную землю, таинственность рассеется, как туман, вдохновение окрылится, я стану твоей частицей, Родина. Это — главное! Спасибо тебе за то, что по всем трудным дорогам я шагаю легко. Я, Родина, твоя частица, твоя дочь, твой солдат...

НА ЭКРАНЕ — ПОСЛЕДНИЙ БЕЗРАБОТНЫЙ

Перед вами два кадра из кинофильма. Вот его история.

...За вагонным окном мелькали подмосковные леса, рощи непривычно белоствольных красавиц берез. Колумбиец Хуан Клавихо ехал тогда в Москву на учебу в Государственный институт кинематографии, куда он поступил, преодолев большой конкурс претендентов, и многое в России на первых порах казалось удивительным.

Теперь Клавихо уже окончил институт. Для дипломной работы — короткометражного цветного фильма — он выбрал знаменательную тему: «Последний безработный Москвы». О судьбе Михаила Шкунова — а он-то и был последним безработным — Х. Клавихо узнал из кубинского журнала «Богемия», в котором был перепечатан очерк, впервые опубликованный мною еще в 1936 году в газете «Легкая индустрия». Хуан Клавихо и кинооператор Аго Юлиусович Рус разыскали М. Шкунова и сделали о нем и его семье кинорепортаж. Меня же Клавихо попросил дополнить этот кинорепортаж воспоминаниями о тех временах, когда у нас еще не позабыли, что такое безработица...

В 1936 году шло всенародное обсуждение советской Конституции. Мне, тогда молодому журналисту, захотелось написать о том, как у нас осуществлено священное право человека на труд. Безработных в Советском Союзе уже не было. А еще несколько лет перед тем на работу направляли так называемые биржи труда. Их уже ликвидировали. Но ведь была какая-то, закрытая последней, и был кто-то, кого послали на работу последним?

Пришлось перерыть пыльные груды архивов. Поиски взволновали и захватили самих хранителей документов. Они подтвердили: последней была закрыта Центральная биржа в Рахмановском переулке, а последним послан на работу слесарь Михаил Георгиевич Шкунов. Сохранился и его адрес. Так возник очерк о человеке, в судьбе которого отразилась одна из ярчайших страниц строительства нового общества в нашей стране...

Теперь отвлечемся от рассказа о Шкунове, чтобы рассказать о создателе фильма. Судьба Хуана Клавихо весьма примечательна.

— По отцу я индеец коренного населения Центральной Америки — племени чибча, а мать моя испанка,—рассказывает Клавихо.— В Боготе, столице Колумбии, отец обзавелся фотоателье, и, помогая ему, я пристрастился к фотографии. Окончив среднюю школу, поступил в вечерний университет. Но перспектива стать в лучшем случае мелким канцелярским служащим меня мало радовала. Хотелось использовать возможности фотографии для работы творческой, волнующей сердца людей. И мне повезло: я попал в число студентов Государственного института кинематографии в Москве.

Тему о последнем безработном я выбрал не случайно. Ведь безработица во многих странах еще удел миллионов людей. А это так страшно, когда нечего делать, нечего есть, впереди — ничего. И вот страна, где безработицы нет давным-давно.

Созданный молодым режиссером фильм строго документален. В нем запечатлены давно ушедшие мгновения и картины нынешних дней. Кадры старой кинохроники воскрешают на экране толпы безработных. Вот здание Центральной биржи труда. Фотографии биржи выразительно перечеркнуты крестом — крестом, поставленным на безработице. Теперь в этом здании Министерство здравоохранения СССР.

Фильм знакомит со Шкуновым, с его семьей. Они живут в новой квартире нового дома. О себе Михаил Георгиевич рассказывает коротко, немногословно:

— С тех пор, как получил тогда работу, больше уже недостатка в ней не испытывал. Поднял на ноги немалую семью. В Великую Отечественную был, конечно, на фронте. Пулеметчиком. Под Сталинградом тяжело ранило. Лечился два года, и все же врачи выходили. Прихрамываю только немного. Теперь на пенсии, но дел хватает. Ведь стал уже прадедушкой...

Рассказ ветерана на экране ненавязчиво перемежается кадрами с изображениями разных уголков Москвы и объявлениями на стендах, на дверях предприятий: «Требуются на работу...», «Предлагается работа...», «Нужны работники»...

И еще кадр: оживленные юноши и девушки. Это выпускники учебных заведений в комиссии по распределению. Все они получают путевки на различные предприятия. Молодых специалистов уже ждут во всех концах страны.

П. РОГОЗИНСКИЙ

Народный артист РСФСР В. Минин. Фото М. Савина

МЕЧТА О МУЗЫКЕ

Е. ЛУЦКАЯ

Здесь учатся 1146 студентов. Здесь совершенствуются 173 аспиранта. Здесь работает почти 300 педагогов. В итоге — больше тысячи шестисот человек. Тысяча шестьсот характеров — у каждого свои привычки, свои симпатии и вкусы. Тысяча шестьсот судеб. И за всех в ответе и обо всех в заботе — один человек. Он занимает должность ректора, весьма сложную и трудоемкую. Да еще сам преподает: воспитывает будущих хормейстеров.

Руководит Владимир Николаевич Минин учебным заведением со своими «преданьями», традициями, правилами — музыкально-педагогическим институтом имени Гнесиных. Преемственность духовных накоплений, завещанных (еще в 1895 году) основательницами школы и училища, глубокий, всепроникающий демократизм, действенное участие всех студенческих и преподавательских поколений в жизни общей, общественной, будь то уборка урожая или спортивные соревнования... Сегодняшний институт достоин имени Гнесиных. И заслуга ректора тут немалая. Интересно то, как сам Владимир Николаевич понимает специфику своего вуза:

— Вы спрашиваете, в чем гнесинская традиция? Думаю, в вечном обновлении. Именно в постоянном обновлении я вижу смысл нашей коллективной работы. Вот почему у нас вводятся новые курсы, создаются новые отделения. Так, совсем недавно у нас появилась экспериментальная группа, где готовят исполнителей русских народных песен...

Мы стремимся всячески расширять сферу влияния на музыкальные училища России. А помимо внутриреспубликанских контактов, наш институт имеет множество контактов международных. Десятки студентов из всех социалистических стран, из молодых, развивающихся государств, из стран Латинской Америки; систематические поездки наших преподавателей в Чехословакию для обмена опытом, наладившиеся связи с музыкальными учебными заведениями ГДР... Как видите, диапазон наш географически тоже все время расширяется и обновляется...

Новое. Обновление. В богатом лексиконе Минина эти два слова слышатся чаще других. И это не просто слова. Сама деятельность Минина — ректора, педагога, создателя и руководителя знаменитого камерного хора Росконцерта — озарена поиском нового, поиском путей к обновлению. И потому вроде бы не вышедший еще из «детского возраста» камерный хор уже имеет свою, насыщенную событиями историю. Дабы соблюсти должную хронологическую точность, укажем дату его рождения: 23 апреля 1972 года студенты и преподаватели института выступили со своим первым концертом. Собирались на репетиции после многотрудного рабочего дня, после уроков, лекций, семинаров. А после рабочей пятидневки они садились в ночной поезд с тем, чтобы в субботу и воскресенье дать (разумеется, бесплатные) концерты в городах Московской области. Горение одной идеей — вот что принесло хору такое стремительное признание, такой возрастающий успех.

Мининцы — и сам Владимир Николаевич и его преданные, надежные и даровитые помощники дирижер Владимир Семенюк и хормейстер Владимир Урман — фанатики в самом лучшем смысле этого слова. Люди, не мыслящие свою жизнь вне музыки и музыку вне своей жизни.

Успех на Родине. Успех за пределами Советского Союза, фестивали старинной музыки в Польше, Чехословакии, выступления перед избалованными слушателями Вены, триумфальная поездка по городам Соединенных Штатов Америки и Канады, где до приезда мининского хора в течение ста лет не слышали настоящего русского хорового пения...

Если быть точными не только в хронологии, следует признать, что у мининского хора давняя предыстория. Она, наверное, началась в тот первомайский день, когда мама вела за руку пятилетнего сына в колонне демонстрантов. У каждого из нас свои детские воспоминания. Воспоминания Минина — сплошь музыкальные. И первое среди них — майский Ленинград, ликующий, поющий народ и песня, волной вздымающая на своем гребне ребенка. А еще — военное училище напротив квартиры Мининых и ежеутренняя прогулка курсантов с бодрыми русскими и советскими строевыми, походными, маршевыми песнями. А чуть позднее — счастливое сознание причастности к музыке у семилетнего воспитанника детской хоровой школы при Ленинградской академической капелле. Володя Минин среди своих сверстников — в старинном зале капеллы на Мойке рядом со взрослыми артистами. Повелительный жест Александра Васильевича Свешникова, вечного — от школы до консерватории — учителя нашего героя, и вот уже возник знакомый и всякий раз волнующий напев «Дубинушки». С той далекой детской поры и по сей день Минина всегда пленяет возможность, по его собственному выражению, «создавать звуком картину». С той поры и по сей день хор для него живой, волшебный в своих экспрессивных возможностях организм. Так было и в годы постижения «хормейстерских премудростей» в Московской консерватории, и недавно, во время виртуозной работы Минина и его хора над оперой Р. Щедрина «Мертвые души» в Большом театре.

Так было и в Молдавии, где молодой мастер с невероятной решительностью, редкой в столь «незрелом возрасте», вывел зачахшую было «Дойну» в число лучших коллективов не только республики, но и всей страны. Так было и в Новосибирске, где по сей день ощутимы добрые плоды работы Минина во главе дирижерско-хорового факультета консерватории.

Новосибирск вообще место, особо дорогое сердцу Владимира Николаевича. Не случайно он хранит воспоминания о тамошних гастролях хора. Прежние ученики Минина приехали туда из разных городов Урала, Сибири, Поволжья, чтобы услышать своего учителя и его соратников. Хочется процитировать один отзыв на выступления хора: «В мире славится русский балет, но если проводить аналогию, мы назвали бы ваше искусство «хоровым балетом». Самое же главное даже не в этих аналогиях, а в том, что искусство мининского хора располагает к глубоким размышлениям, рождает в человеке сокровенные душевные порывы и мечты, заставляет задуматься о жизни — ее смысле и человеческом назначении.

«Значит, мы достигли поставленной цели, потому что музыка должна не развлекать людей, затрагивая лишь эмоции, лежащие на поверхности,— моторность, склонность к приятному времяпрепровождению (для удовлетворения таких потребностей хватит бытовой и эстрадной музыки), но раскрывать самые глубинные переживания, самые непостижимые сложности нравственного мира человека». Так думает Минин. Так думают его последователи и ученики. Кстати, успехами учеников он гордится куда больше, чем собственными достижениями. Послушали бы вы, с какой радостью он рассказывает, что недавно на международном конкурсе имени Бартока в Дебрецене его питомец, бывший гнесинец Борис Певзнер, получил высшую награду за выступления своего камерного хора и лично — за дирижерское мастерство. Слышали бы вы, с какой гордостью и надеждой он рассказывает о созданном в Воронеже доцентом Института искусств Олегом Шепелем камерном хоре, о своем аспиранте Валерии Конакове — руководителе шахтерского ансамбля «Кузбасс»...

Минин говорит о своих учениках, а я думаю о том, как велико воздействие созданного им Камерного хора. Недаром «по образу и подобию» этого коллектива возникают камерные хоры в самых удаленных друг от друга городах России.

— Вы вообще задумывались о природе возникновения этого жанра? В последние десять лет камерные хоровые коллективы возникают очень интенсивно. Чем же это вызвано? Мне кажется, что сейчас человек все больше, все пристальней всматривается в свой нравственный, внутренний мир, все больше жаждет побыть наедине с музыкой, которая несет ему именно глубину раскрытия внутреннего мира. После 1950-х годов вообще начался сдвиг в сторону создания камерных коллективов в разных сферах искусства. Камерный хор стремится преподнести своему слушателю не просто «озвучивание партитуры», но художественное осмысление музыки. Камерный хор хочет говорить со своей аудиторией на современном музыкальном языке, сохраняя притом фольклорную, народную основу. Это чрезвычайно сложная, но зато и неизменно захватывающая задача...

Сейчас к фестивалю «Русская зима» Камерный хор готовит свою московскую премьеру. Впервые в столице прозвучат «Былина о Борисе и Глебе» Ю. Буцко, музыка Э. Денисова к инсценировке «Преступления и наказания», кантата В. Рубина «Сказание о бабе Катерине и сыне ее Георгии».

Быть может, в рождении столь различных хоровых опусов серьезную роль сыграл сам факт существования мининского коллектива — факт, стимулирующий и внушающий самые смелые надежды. Камерный хор исполнит еще «Свадебку» Стравинского, а также подготовит программу, где произведения Равеля, Дебюсси, Бернстайна будут соседствовать с творениями Рахманинова и Танеева, почти не исполняемыми за последние шестьдесят лет.

Богатства современной музыки, шедевры классики, полное сердечной привязанности и исследовательской пытливости изучение истоков родной музыки. Недаром мининскому хору мы обязаны трепетно-живым звучанием отечественной музыки прошедших столетий — от XIII до XVIII века. Вынесенные из тиши ученых кабинетов, отреставрированные и расшифрованные замечательными энтузиастами-специалистами, зазвучали в дни дебютов Камерного хора русские «Степенна», «Похвала хозяину», «Радуйся, роско земле». Когда теперь слышишь два слова «мининский хор» (а именно так в слушательском обиходе называют Камерный хор Росконцерта под руководством народного артиста РСФСР Владимира Минина), в памяти возникают то величественная киевская София, то высокие своды московского Знаменского собора — столичной резиденции хора... И вечное чудо рождения музыки из человеческих голосов, устремленных ввысь, зовущих за собой, просветляющих мысль и радующих сердце. О такой музыке, что делает человека чище, лучше, возвышенней, всегда мечтает Минин. А что может быть прекрасней мечты? И что может сравниться с мечтой осуществленной...

РЕПЕТИРУЮТ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

И. КРЯКОВА

Надев на себя мешки с намалеванными на них безобразными рожами Фантомасов, ребятишки в вечерние часы пугали возвращающихся домой доярок... Это увидел взрослый, очень добрый человек, Виктор Леонидович Чуб, сельский культработник по призванию. Он не стал бранить детей, а взял их с собой на ночную рыбалку, где исподволь завел разговор об искусстве. Потом съездил с ними в театр Ростова-на-Дону и, познакомив с атмосферой кулис, утвердил желание ребят самим попробовать себя на сцене: мастерить декорации, играть спектакли... Вот так пришло новое пополнение в студию при народном театре районного Дома культуры.

Побываем же и мы в селе Пешки, Азовского района. Посмотрим, что же это такое — культурная работа на селе?...

Взрослые тут считают, что это прежде всего чувство ответственности за молодежь, за подрастающее поколение новых хлеборобов. И молодые отвечают делом на заботу о них. Еще три года назад комсомольцы колхоза решили организовать собственную молодежную бригаду, сделать ее образцовой и добиться высоких урожаев на том участке земли, который «славился», как якобы нехлебородный. И что же: бригада Николая Денисенко собрала в нынешнем году урожай, самый высокий среди молодежных бригад области,— 45 центнеров зерна с гектара. На фестивале молодежи в Гаване бригада рапортовала, что обязательства перевыполнила.

Многому учит опыт бригады Денисенко, где производство и культура идут рука об руку. В красном уголке ее полевого стана обстановка не то что домашняя, но и не казенная. Телевизор, радиоприемник, настольные игры теперь никого не удивят, их можно увидеть на многих полевых станах. Но не всюду найдешь, например, разукрашенную цветами витрину «Поздравляем с днем рождения!». Такие праздники отмечаются весело, с хорошей выдумкой.

Существует здесь так называемый «Ларек доверия». Кажется, ларек как ларек. Но он не замкнут, и каждый может взять здесь нужную ему вещь, а потом положить в ящик плату. Увидишь такое далеко не везде. Для этого нужно, чтобы взаимоотношения членов бригады были как в большой дружной семье. И так оно и есть. Люди в бригаде сплочены, объединены теплом, дружбой, основанной на доверии. Культура быта здесь — это в первую очередь культура человеческих отношений.

Потому-то хлеборобы и работают безотказно. Работают много и на совесть, но и отдыхают хорошо; и досуг их организован по-настоящему интересно.

— Заключили мы договор о содружестве с коллективом Ростовского театра имени М. Горького,— рассказывает секретарь парторганизации колхоза Виктор Иванович Стрельцов. — Первое время както еще приглядывались друг к другу; не знали, что это мероприятие нам даст. И не очень понимали: зачем оно нужно «другой стороне» — театру... Зато потом так сдружились, что сейчас и не мыслим себе жизни вне взаимоотношений с театральным коллективом! Раньше нам казалось, что артисты, которых мы в основном видели только в кинофильмах или по телевизору,— это какие-то особые, легко живущие люди. Сейчас мы понимаем, какой большой труд стоит за каждой удачно сыгранной ролью! Так ведь им тоже полезно знать больше о нашем труде. Общение дает и знания и душевный отдых. Теперь наш народный университет культуры никогда не пустует. С интересом слушаются лекции первого года обучения: «Театр и искусство», «Современное театральное искусство Дона», «Образ Ленина в театре и кино»... На втором году слушатели знакомятся с работой актера, режиссера, художника, композитора при создании спектакля...

Местный народный театр имеет богатые традиции. Зародился он давно, еще в двадцатые — тридцатые годы. Сохранить и развить эти традиции — такую задачу ставит перед собой Виктор Леонидович Чуб. По душе он — культработник села, по образованию же — геолог. Перемена профессии в его жизни не случайность, а веление сердца. Решительно оставил он ростовскую квартиру, переехал в село. Сейчас В. Л. Чуб — директор Дома культуры.

Разговаривать с этим человеком, влюбленным в свое дело, поучительно и интересно.

— Мы ведь репетируем «Слово о полку Игореве», хоть как-то даже страшно сообщать об этом,— говорит Виктор Леонидович. — Исполнять «Слово» будут чтецы в строгих черных костюмах. К «Слову» будет сопровождение: музыка Бородина. Работаем увлеченно, ведь без живой связи с прошлым нет и будущего!.. Ростовская область богата курганами; приучаю ребят думать, что курганы скрывают живую историю народа, которую надо знать и любить. Только тогда сформируется мировоззрение, появится любовь к родному краю и чувство патриотизма. Жизнь отцов служит примером, помогает нам во всем! Недаром существует у нас посвящение в хлеборобы. Молодым повязывают ленту с надписью «В добрый час, молодой хлебороб!», поздравляют со вступлением в семью тружеников колхозного Приазовья.

Вечерами в Доме культуры людно, оживленно. Настраивают инструменты лауреаты областного смотра самодеятельности — музыкальный ансамбль «Новое время». Ребята из детской студии при народном театре занимаются сценическим движением. Распевается многочисленный народный хор, руководимый ветераном культпросветработы Федором Ивановичем Потаповым...

Вот так возникают и укрепляются на селе традиции, увлеченность искусством, новая обрядность. Все это рождает культуру подлинную, подтягивает отстающих, выправляет жизненные дороги заблудившихся.

— Трудно так уж сразу определить, насколько благотворно влияет окружающая среда на человека. И все же она постепенно оказывает свое действие: меняет облик тех, кого считали «отпетыми»... Не будем называть их фамилии,— говорит Чуб.—Зачем?.. Они сами знают, что их поведение в прошлом было в тягость для села. А теперь зато делают все, чтобы загладить свои прошлые промахи...

— Молодежь из нашего колхоза не стремится уйти в город,— говорит секретарь комсомола Татьяна Пешкова. — В Доме культуры всегда полно людей. А на клубных мероприятиях народу даже больше, чем на кинофильмах! Все очень заинтересованы университетом культуры, а в театре мы бываем чаще, чем иные горожане! Своими людьми мы стали и в Ростовском доме актера. Недавно состоялись интересные встречи: молодежь села общалась с театральной молодежью, а ветераны колхоза — с ветеранами сцены. Много интересного и поучительного рассказали друг другу...

У нас вообще много интересного, — весело добавила Таня. И извинилась: ей пора было идти на репетицию...

Азов.

Сцена из спектакля молодежного театра «Два мастера». В роли Аленушки — Л. Веревкина.

ДОМ С ОКОШКОМ НА ОКЕАН

Генрих ГУРКОВ

Фото автора

Вокруг пушки с пакетбота «Св. Петр», рядом с памятником бессмертным командорам Витусу Берингу и Алексею Чирикову, резвились ребятишки из детсада. Косматый бродячий пес, нетороплививый и мудрый, лежал рядом с колесом «Волги», и в глазах его, по-волчьи раскосых и рыжих, дремала вечность...

«...Сообщаем позиции танкерного флота,— проворковал из автомобильного радиоприемника нежный голосок дикторши.— Танкер «Находка» идет с островов Фиджи с грузом патоки в Амстердам... Танкер «Уренгой» разгружается в Петропавловске... Танкер «Березово» держит курс на порты Индии...»

Когда радиостанция «Тихий океан» передает сводки о позициях судов, на Камчатке никто не выключает радио.

«Танкер «Уренгой» разгружается в Петропавловске...» Ну кто лет десять тому назад знал название затерянного в белой бесконечности тундры маленького северотюменского поселка Уренгой? И кто его сегодня не знает?

Я послал из Петропавловска-Камчатского открытку в Новый Уренгой, в общежитие № 13. Светлый дом из бруса стоит на главной и безымянной пока улице будущей столицы газовиков Тюмени. Населяют общежитие девчонки и ребята из Всесоюзного комсомольского ударного отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. В канун 1 мая 1978 года двенадцать самолетов, совершив тысячекилометровый прыжок из Тюмени на Север, приземлялись на белом поле посреди тундры, именуемом аэропортом Ягельное. Улетал я в середине мая. Было раннее утро. Пурга бушевала. Ребята, надев новенькие еще телогрейки и натянув ушанки, шагали на работу. Открывать новую страницу собственной биографии и биографии страны.

Звездные часы сибирских геологов воспеты в поэмах, описаны в школьных учебниках, проанализированы в диссертациях. Ну, а что известно о геологах Камчатки? Полуостров долгое время считался в отношении полезных ископаемых бесперспективным. Считался. Уже не считается. Весьма убедительно опровергнуты пессимистические прогнозы авторитетов вчерашнего дня. Интересные и многозначительные сообщения приходят из партий, которые прочесывают камчатские горные хребты. Так что, быть может, придется новым супертанкерам стать тезками безвестных сегодня камчатских поселков, где кудесничают геологи.

...— Вам полет, а мне прокурор.— Категорическое это суждение услышал я от начальника скромного аэропорта Мильково, в центре Камчатки, в долине, откуда стартуют в сторону гор вертолеты.

А речь шла вот о чем...

«Ми-8» должен был доставить в партию аммонит. Мы уговаривали нас прихватить. Не потому, что считаем особенно уютным путешествие на двух тоннах взрывчатки. Просто шансы попасть в горы к геологам начали уже казаться призрачными. Прогноз на ближайшие дни был беспросветным, а у журналистских командировок, как известно, свои сроки. И как же часто они оказываются жестокими: мир-то интересен...

В еще более трудном, чем мы, положении находился наш двухдневный знакомый по ожиданию в Милькове — энергичный парень со щегольской огненной бородкой. Юрий Федоров, горный мастер, человек, я бы сказал, с деловитой влюбленностью относящийся к своему делу, к Дальнему Востоку, к жизни. В данный момент он вел переговоры с вертолетчиками о заброске в партию четырех лошадей.

— Ну, что вам стоит? Они ведь смирные...

Так или иначе, аргументы Федорова пилотов не убедили. Юра вернулся ни с чем, но, как и обычно, неунывающий:

— Ничего, погоним так. На ковбойский манер.

— А вы хорошо ездите?

Посмотрел удивленно.

— Если она хоть раз прыгнет, я на земле...

...Мы все-таки побывали у геологов. Как раз в той партии, куда в это самое время сквозь непроходимые камчатские джунгли гнал четырех якобы смирных лошадей неустрашимый ковбой Юрий Федоров...

«...Передаем сводку о позициях судов рыболовного флота... БМРТ «Ленинец» ведет лов в районе Северо-Курильской гряды...»

Если вообще Камчатка напоминает своими очертаниями рыбу (глубоко осмысленное сходство для главного «рыбного цеха» страны!), то рыбью пасть при некотором воображении можно было бы разглядеть в Авачинской губе. В той самой, где, как утверждают, может бросить якоря весь торговый и военный флот мира. Отсюда идет отсчет миль, меридианов, человеческих судеб.

Десятая часть общесоюзного улова проходит через невода камчатских рыбаков. А десятая часть камчатского улова — это многотрудные будни крупнейшего в Союзе рыболовецкого колхоза имени Ленина. Расположен колхоз на берегу Авачинской губы, в поселке с нежным названием Сероглазка.

У колхозного флота нет флагманского судна, но, я думаю, в неофициальном, хотя и весьма убедительном зачете на эту роль претендует БМРТ «Ленинец». Ни разу не подходил он к пирсу Сероглазки с результатами, за которые пришлось бы краснеть. В 1977 году — лучший улов среди всех БМРТ Советского Союза.

О «Ленинце» я слышал от многих в Петропавловске. Подробнее и точнее всех, пожалуй, рассказал Сергей Разумец, матрос-добытчик, секретарь комсомольской организации судна и член делегации советской молодежи на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване.

Я слушал его — о вахтах, когда восемь часов подряд берут Большую Рыбу; о рейсах, продолжающихся почти полгода; о ребятах, лучше которых нет на свете.

Сибирский характер, дальневосточный характер — существует ли такой? Надо ли искать некую специфику? Не окажется ли она искусственной?

И все же...

Большая часть населения Камчатки молодежь. И это обстоятельство приводит в восторг демографа, экономиста, социолога. Но разве не отражается оно в тысячах и тысячах деталей повседневной жизни, в формулах общения, в интенсивности мышления и напористости действия?

И еще одно... Природа не враг, которого нужно одолеть, а друг, с которым жить. Аксиома. Но она может быть очень суровой в этих краях, природа. А кто же станет спорить: когда сложно, когда трудно, человек нужнее и ближе человеку...

В горах Камчатки и среди болот тюменского Севера, на легендарном БАМе и в порту Восточном — главных будущих тихоокеанских воротах страны, в чукотской леденящей тундре и на открытых всем ветрам нефтяных промыслах Сахалина я неизменно, с радующим постоянством встречал ребят, в характере которых при всевозможных непохожестях нельзя было проглядеть нечто чрезвычайно важное, общее. И так ли уж существенно, каким словом это общее назвать?

Сто раз тебе моё спасибо,
Судьба,
что изо всех дорог
Мне подсказала верный выбор
Дороги этой на Восток...

Так написал Твардовский.

Сколько людей, выбравших для себя эту дорогу, могли бы назвать строчки Александра Трифоновича эпиграфом жизни...

Оранжевый шарик солнца скользит по серебряному конусу вулкана, и отсюда, от подъезда гостиницы «Авача», похоже, что сейчас окунется он в океан на стропах башенного крана, взметнувшего стрелу над центром Петропавловска-Камчатского. Их все больше здесь, этих строительных кранов... Сопки, океан, стройки... Символика и реальность города, окошки которого выходят на океан.

Говорят, что дом моряка — море. Неправда. Дом моряка — земля. Дом моряка — дом. Где наизусть знают расписание передач «Тихого океана»...

Силуэты и краски Дальнего Востока — нежные и своенравные ● Геологи Камчатки.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

КРЕПОСТЬ НА ДОРОГЕ

Когда мы еще в Москве узнали, что во время чемпионата мира в Страсбурге будем жить в отеле «Де Франс», на улице Детских забав, то подумали, что на улице с таким названием должны были бы жить не наши журналисты, а наши гимнастки. Ведь двум новобранцам нашей сборной, Светлане Агаповой и Тане Аржанниковой, по четырнадцать лет, а их трем старшим подругам — Елене Мухиной, Наталье Шапошниковой и Маше Филатовой на три года больше. (Как не подходит им это слово — «старшие»!) Только капитан сборной Нелли Ким по-настоящему опытная и успела завоевать на Олимпийских играх в Монреале две золотые медали. Но кто не знает, как далеко ушли в гимнастическом мастерстве нынешние девчушки не только от давних чемпионок страны, таких, как Лариса Латынина, Наташа Кучинская, но и от недавней победительницы крупнейших соревнований Людмилы Турищевой. Именно об этом мы и услышали от тренера Нади Шапошниковой, ранее тренировавшего двукратную чемпионку мира Турищеву, Растороцкого.

— Какие там детские забавы! — сказал он.— То, что сейчас делает Шапошникова, во много раз труднее того, что могла выполнить такая великолепная гимнастка, как Людмила Турищева, в самом расцвете своих сил. Этот сдвиг произошел за какие-нибудь два-три года.

В сегодняшней гимнастике малейшие паузы невозможны. Надо все время стремиться вперед, иначе отстанешь. А стремиться — это трудиться. Вот этим мы и занимаемся.

А мы, слушая Растороцкого, подумали о том, что только четыре года назад Корбут показала невозможный ни для кого элемент, а вот теперь Елена Мухина усложнила эту петлю в два раза. Это лишь один пример в развитии сегодняшней гимнастики. Но за ним скрываются невероятное трудолюбие, вера в свои силы, огромная уравновешенность — черты, которые особенно видны в таких гимнастках, как Елена Мухина.

Два вопроса, имеющие непосредственное отношение к теме, затронутой В. С. Растороцким, волновали всех в Страсбурге: смогут ли японцы, неудержимая мужская команда гимнастов, всем членам которой под тридцать лет, удержать первенство? И что случилось с Надей Комэнечи, завоевавшей в Монреале абсолютное первенство и после этого надолго исчезнувшей с гимнастической арены?

Сейчас ответы на эти вопросы уже получены, и они еще раз подтверждают, что в большом спорте не может быть однозначных точек зрения. Да, самая старая мужская команда мирового чемпионата, японская, в пятый раз не отдала командного первенства. А Надя Комэнечи превратилась за два года после Монреаля из худенького подростка в цветущую девушку, во многом утратившую свое удивительное мастерство.

И все же гимнастика удивительно молодеет. И на Олимпийских играх в Москве, вполне вероятно, мы не увидим знаменитого Цукахару и чемпиона мира Касамацу, а вместо них на помост выйдут еще никому не известные их наследники, молодые гимнасты Японии, которых мы еще не знаем.

Что касается Нади Комэнечи, то она сейчас имеет очень сильную соперницу в лице Эмилии Эберле.

Да, это неизбежно. Но как приятно было видеть, что старые чемпионы еще не сдаются. Даже когда они уходят с помоста, то не уходят из гимнастики. Сколько раз мы могли в этом убедиться в Страсбурге!

Например, когда беседовали с президентом Всемирной федерации гимнастики Юрием Титовым, неоднократным победителем крупных международных соревнований, чемпионом мира 1962 года. (Со своими интересными мыслями о гимнастике завтрашнего дня Титов познакомил читателей «Огонька» в № 34 нашего журнала.)

Или еще примечательная деталь. Половину участников нашей олимпийской команды 1956 года мы встретили в Страсбурге. О Юрии Титове мы говорили. Борис Шахлин, абсолютный чемпион Олимпиады, стал членом судейской коллегии, арбитром. Альберт Азарян работает сейчас в Голландии и привез в Страсбург молодых своих учеников, голландских гимнастов. (А в составе сборной СССР выступает его двадцатилетний сын Э. Азарян.)

...Гимнастика — удивительный вид спорта. В нем гармонируют эстетическое и атлетическое начала. И особенно в гимнастике мужской. Композиционные поиски каждой комбинации требуют акробатической ловкости, безукоризненного владения своим телом, умения проявить себя на всех шести снарядах. И если «старая» гимнастика силы спортсмена проверяла в статике, то теперь она проявляется в динамике, в движении. Класс современного гимнаста Титов определяет по такой формуле: количество упражнений в единицу времени и пространстве. А это значит, к примеру, что вместо одного сальто в единицу времени гимнаст должен выполнить три.

Конечно, атлетическое начало, столь яркое в мужской гимнастике, ставит предел ее омоложения. Мальчикам здесь делать нечего. Но и тридцатилетним приходится нелегко, ведь скорость, темп — это удел молодежи. Тем бо́льший сюрприз преподнесли нам японцы, воскресив команду, которую многие после Монреаля поторопились сбросить со счетов.

Да, нелегко пришлось нашим молодым гимнастам в борьбе с испытанными японскими спортсменами, и как хочется верить, что эта обкатка, которую они получили, пригодится им для борьбы на олимпийском помосте в Москве.

Как же оценить выступление молодой команды СССР? Ведь она проиграла в обязательной программе около трех баллов. Это не могло не затруднить их дальнейших усилий в борьбе за командную победу. Конечно, мы понимали, что отыграть три балла — это нелегко. Но все же с надеждой вспоминали японскую пословицу, гласящую, что и обезьяна падает с дерева. И действительно, «обезьяна» чуть не упала. В произвольной программе японцы выступили очень неуверенно. Никогда еще нам не приходилось видеть откровенно дрогнувших японских кудесников. Начав свое выступление с вольных упражнений, где они всегда были очень сильными, японские гимнасты не смогли подняться выше оценок 9,6. Они очень неудачно выступили на коне. (На том самом коне, что был причиной срыва нашей команды во время обязательной программы.) А на брусьях Цукахара просто упал на соскоке и получил только 9,25 балла.

От снаряда к снаряду наши молодые гимнасты приближались к лидеру. И все-таки для победы им не хватило около балла.

— Нашим ребятам,— сказал Борис Шахлин,— недоставало для командной победы седьмого снаряда.

Это, конечно, была шутка, потому что мужское многоборье разыгрывается на шести, а не на семи снарядах.

Но нельзя не сказать и о другом. Японцы допустили в произвольных выступлениях 14 различных ошибок. Почему же не нашло это своего справедливого отображения в оценках судейской бригады? Ответ на этот вопрос дать сейчас трудно, но мы уверены, что ответ будет дан, потому что этот чемпионат мира еще раз показал, что судейство сейчас отстает в оценках гимнастического мастерства, что у судей очень часто прорываются непростительно субъективные оценки.

Так или иначе, командную победу японцы сохранили за собой, а мы получили традиционное серебро. Но предстоял выход сильнейших на помост, чтобы установить абсолютного чемпиона мира. И им стал советский спортсмен, чемпион монреальской Олимпиады Николай Андрианов.

...Личное и командное начала нерасторжимо сочетаются в гимнастической стратегии. Все шесть членов команды работают друг на друга, но одновременно ведут острейшую борьбу не только между соперниками, но и между собой. Дело в том, что по последнему решению Международной федерации лишь трое гимнастов могут продолжить спор за личное первенство. Лишь трое! И если мужская команда имела общепризнанного лидера — Николая Андрианова, то в женской положение было по крайней мере двойственным.

Капитаном команды была Нелли Ким, но при формировании сборной кое-кто считал, что она не сможет повести за собой представительниц нового поколения, и видел лидера в Марии Филатовой, недавно завоевавшей Кубок мира. И действительно, после обязательной программы Маши Филатовой и Натальи Шапошниковой результат Нелли Ким — четвертый в нашей команде, вслед за Мухиной. Но в азарте борьбы М. Филатова допустила две серьезные ошибки, выполняя упражнения на бревне, а потом — и в вольных упражнениях. Это сразу отбросило ее назад, и она оказалась за пределами тройки. Срыв этот никак не сказался на нашей командной победе. Мы обошли румынок на четыре балла, и переполненный зал овациями встретил появление наших девушек на высшей ступени пьедестала почета. При этом лидером стала Елена Мухина, которая обогнала саму Комэнечи на 0,3 балла. Рядом с ней шли Наталья Шапошнико-

На пирсе Восточного порта ● Голубые дали Приморья ● Познакомьтесь: камчатские медвежата ● Стартует великая и незаменимая «малая авиация»... ● Юрий Федоров — «ковбой». Дальневосточник по прописке и по убеждению ● Там, за поворотом, океан. На тысячи и тысячи миль...

Николай Андрианов — абсолютный чемпион мира.

Советские гимнастки — победительницы в командном первенстве.

В зале — советские болельщики.

ва, румынка Эмилия Эберле и Нелли Ким.

Конечно, мы понимали всю сложность задачи, стоящей перед нашими девушками. Комэнечи была далека от своей монреальской формы, но все же она получила 9,9 балла на бревне и довольно высоко была оценена в прыжке. Это говорило о том, что симпатии к ней, проявленные многими членами судейской коллегии, могут исказить истинную картину борьбы за личное первенство.

И здесь в этой нервной обстановке огромное значение имело появление на помосте нашей Нелли Ким. Опытная, я бы сказал, мудрая спортсменка, она сдерживала рискованные порывы своих подруг, вела их за собой и сама показала исключительно высокие результаты.

Что такое умение владеть своими нервами, прекрасно продемонстрировал нам Николай Андрианов, который в борьбе за личное первенство не дал ни малейших шансов своим соперникам. Теперь рядом с ним по этому пути шла и Нелли Ким.

Удивительное самообладание продемонстрировала Елена Мухина на первом же своем снаряде. Она получила, выступая на параллельных брусьях, 9,9 балла, а Комэнечи сорвалась со снаряда. Вольные упражнения Мухина выполнила просто великолепно, получив самую высокую оценку чемпионата — 9,95 балла. Показав несокрушимое спокойствие и высокую результативность, Елена Мухина стала чемпионкой мира, а Нелли Ким заняла второе место.

На третью ступень пьедестала почета поднялась Наталья Шапошникова, которая оставила за собой на четвертом месте румынку Эберле. Так случилось, что наши девушки впервые в истории мировой гимнастики завоевали все три медали.

После того, как определились чемпионы в командном и личном зачете, были разыгра-

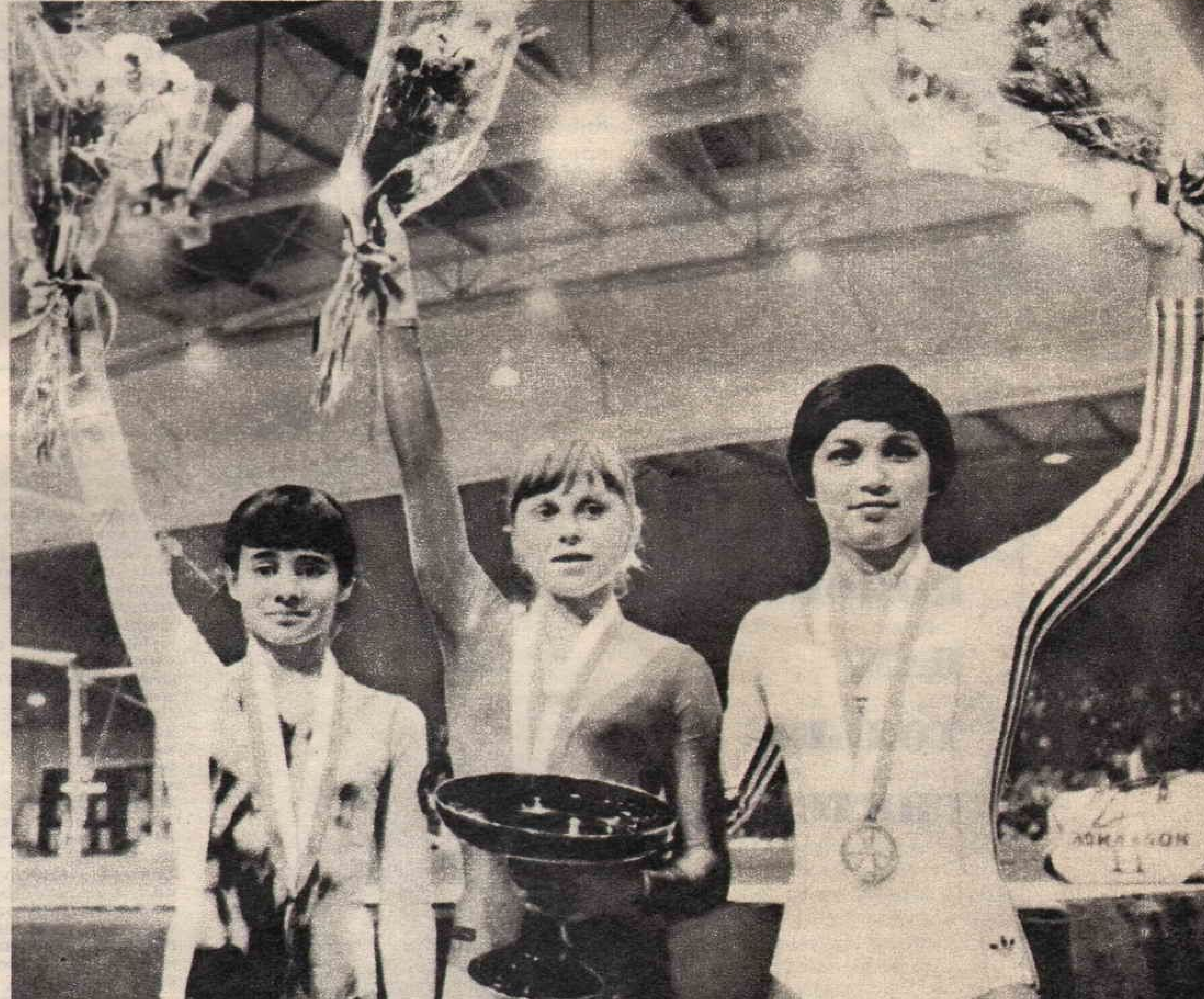

Александр Дитятин завоевал «бронзу» в личном зачете.

Телефото С. ГУРАРИЯ

Наши девушки заняли весь пьедестал почета в личном первенстве: Наталья Шапошникова, Елена Мухина, Нелли Ким.

ны медали на отдельных снарядах. И здесь выдающиеся гимнасты нашей команды еще раз проявили свое мастерство. Они унесли с помоста четыре золотые медали, а кроме того, медали серебряного и бронзового достоинства. Прекрасно проявили себя чемпионы мира Николай Андрианов и Елена Мухина. Не раз вызывали овации в зале Нелли Ким и Александр Дитятин. Следует отметить успех Александра Дитятина, молодого ленинградского гимнаста, который сумел в борьбе с корифеями мировой гимнастики завоевать бронзовую медаль в личном первенстве. Но Николай Андрианов, которого мы не так уж часто видим на помосте после Монреаля, еще раз доказал, что он поистине сильнейший гимнаст мира.

* * *

Вот и завершился чемпионат мира, который продолжался без передышки целую неделю. В борьбе не было никаких пауз, ни одного спада. Переполненный зал следил за выступлениями сильнейших мира, а я, собираясь домой, вспомнил, что недавно, перед отъездом в Страсбург, прочел в газете «Советский спорт» статью Ларисы Латыниной, в которой она знакомила с полной программой олимпийских соревнований в Москве. В каком же стремительном темпе живут сейчас спортсмены! Не успев еще перевести дыхание от Страсбурга, они уже заняты подготовкой новой программы для встреч с новыми соперниками через полтора года в Москве.

«Страсбург». Если перевести это слово на русский язык, оно звучит так: крепость на дороге. Эту крепость надо было взять по пути на московскую олимпиаду, и наши гимнасты с успехом выполнили эту задачу.

Страсбург, по телефону.

Встреча в колхозе «Кубань», где проходило выездное заседание секретариата правления Союза художников РСФСР. На снимке (справа налево): первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов, бригадиры колхоза, Герои Социалистического Труда М. И. Клепиков и М. И. Третьяков, председатель правления Союза художников РСФСР С. П. Ткачев, народные художники СССР А. П. Кибальников и В. Е. Цигаль.

С интересом знакомятся зрители с новыми поступлениями в художественную галерею колхоза «Кубань».

Фото М. Савина

ИСКУССТВО — СЕЛУ

«Художники России — труженикам села» — под таким названием в колхозе «Кубань», Краснодарского края, состоялось выездное заседание секретариата правления Союза художников РСФСР. Видные мастера советской живописи, графики, скульптуры вместе со зрителями обсуждали проблемы дальнейшего развития изобразительного искусства, формы и методы шефской работы, говорили о том, каким должно быть современное село. Заседание открыл председатель правления Союза художников РСФСР С. П. Ткачев. С яркой интересной речью к собравшимся обратился первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов. Затем с развернутым докладом выступил первый секретарь правления Союза художников РСФСР Е. И. Зверьков. В прениях приняли участие действительный член Академии художеств СССР А. П. Кибальников, первый секретарь правления Союза художников СССР Т. Т. Салахов, народный художник РСФСР В. К. Нечитайло, ответственные сотрудники Министерства культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры, многие известные художники, архитекторы.

Герой Социалистического Труда бригадир комплексной бригады колхоза «Кубань», член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР М. И. Клепиков и Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени С. М. Кирова И. Н. Переверзев отмечали плодотворную связь деятелей искусства и тружеников сельского хозяйства, говорили о необходимости создания в деревне высокой духовной культуры, которая помогает жить и работать.

Участники выездного заседания побывали в рисосовхозе «Красноармейский» и колхозе «Кавказ», в городе-герое Новороссийске и в Сочи. В торжественной обстановке Новороссийскому городскому краеведческому музею был вручен скульптурный портрет Л. И. Брежнева, созданный И. М. Рукавишниковым. Более ста произведений передали художники в дар новой картинной галерее, которая открылась в станице Красноармейской. Пополнились новыми работами и другие галереи этого края.

«Огонек» в Набережных Челнах

30 октября 1978 года. Перекрытие Камы началось!

КАМА

Рассветным утром 25 октября 1978 года на земляную перемычку, защищавшую от Камы котлован с возведенной в его глубине монолитной семидесятиметровой плотиной, прибыла бригада взрывников Н. Дробышева. Рабочие пробу-

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

ВЛКСМ
Фотоальбом.
М., «Планета»,
1978.

Их шесть на знамени Ленинского комсомола — высоких наград Родины:

орден Красного Знамени № 5104 — за подвиги в гражданской войне;

орден Трудового Красного Знамени № 5872 — за труд энтузиастов первой пятилетки;

орден Ленина № 55143 — за беззаветный героизм молодежи в Великой Отечественной войне, проявленный на фронте и в тылу;

орден Ленина № 90931 — за выдающиеся заслуги в коммунистическом воспитании молодежи и активное участие в социалистическом строительстве;

орден Ленина № 323732 — за самоотверженный труд на целинных землях;

орден Октябрьской Революции № 26 — за заслуги комсомола на всем славном пути советского народа.

Эти награды — взятые рубежи в истории молодого поколения Страны Советов. И этими наградами, как яркими маяками, озарены страницы фотоальбома «ВЛКСМ. 60 лет», выпущенного издательством «Планета» к юбилею комсомола.

Текст альбома немногословен (автор текста и составитель Н. Михайлов, работавший первым секретарем ЦК ВЛКСМ в Великую Отечественную войну и послевоенные годы). Говорят фотографии...

Мы видим снимки, ставшие символами своего времени, видим фотодокументы, запечатлевшие эпоху из года в год. Перед нами долгой чередой проходят юные лица — и близкие, знакомые с детства, и совсем неизвестные. Тысячам и тысячам из них, отдавшим свои жизни за великое народное дело, суждено навечно остаться молодыми. Тысячи и тысячи живут среди нас — ветераны комсомола, люди атакующего класса, самоотверженным трудом построившие наше чудесное настоящее. Тысячи и тысячи сегодня продолжают, поднимают на новую высоту их героические традиции.

Рассматриваем страницу за страницей — а они все светлее, все радостнее говорят языком цвета, ставшего надежным союзником фотомастеров. Монтируясь с плакатами давних лет, с картинами выдающихся советских живописцев (художник альбома Ю. Еремин), фотографии создают многокрасочную панораму боевой, кипучей жизни советской молодежи.

Юность и партия, юность и вдохновенный труд, юность, покоряющая вершины науки, культуры, спорта, юность в борьбе за мир — не перечислить богатства дел, которыми живет наша молодежь. Все свои силы и помыслы отдает она Отчизне, Коммунистической партии, народу. И юбилейный альбом, посвященный комсомолу,— достойное свидетельство свершений сыновей и дочерей великой Советской Родины.

Д. ИВАНОВ

ЮНОМУ

Радость человеческого общения, взаимопонимания, незримая, но прочная связь, соединяющая зрительскую аудиторию со сценой, возникает на первом же спектакле Азербайджанского государственного театра юного зрителя имени М. Горького.

...Любовью озаренными, исполненными веры в свои силы, видим мы в начале спектакля «Новелла о любви» (пьеса Ш. Хуршуда и А. Гаджиева) молодого археолога Васифа (Ф. Наибов) и его подругу Френгиз в исполнении Х. Гаджиевой. Неудачный брак героини с седоголовым, состоятельным дельцом рождает еще одну сюжетную линию. Древнее предание о трагической судьбе женщины, променявшей любовь на золото старого мага, орнаментирует основное действие. Старинную легенду и реальную жизнь роднит не столько аналогия конкретной ситуации, сколько мысль о вечных идеалах любви и верности. Отказавшись от дидактического тона, от преподнесения готовых истин, театр предоставляет зрителю право соавторства — возможность додумать, домыслить происходящее...

Тему формирования человеческой личности, цельной, оригинально и светло мыслящей, театр развивает в спектакле «Сочинение на свободную тему» А. Чхаидзе.

На сцене — современный подросток, каких тысячи, похожий на всех сидящих в зале и не похожий ни на кого. Пластичный и угловатый, непостижимо сочетающий в себе душевную тонкость, ранимость и детскую жестокость, зарождающуюся женственность и ребячью неуклюжесть. Юная, почти девочка — ее играет Р. Амирбекова,— но уже осознавшая свою неповторимую индивидуальность, Марика находит силы отказаться не только от сиюминутного благо-

Фото Камиля Ситдикова

А ПОКОРЕНА!

рили скважины, В. Таскин, А. Филатов и П. Чепкасов заложили сто шестьдесят килограммов аммонита, соединили заряды детонирующим шнуром и проложили кабель до пункта управления взрывом...

А в это время в нескольких сотнях метров отсюда, у серой громады плотины и вдоль отводящей дамбы закипал праздник. С транспарантами, с алыми лентами на груди сюда шли победители социалистического соревнования — строители.

Сегодня здесь знаменательное событие: затопление котлована, а потом и перекрытие Камы. Завершается важный предпусковой этап строительства Нижнекамской ГЭС — последней в каскаде электростанций на этой реке.

Окончен торжественный митинг. Все взоры устремились к месту на перемычке, откуда только что отошла машина с взрывниками. В небо взлетает красная ракета. Проходит несколько секунд. Старший взрывник В. Таскин нажимает кнопку пульта, и над перемычкой повисает облако... Взрыв! В котлован ринулся мощный поток. Казалось, что эту водную лавину уже ничто не остановит. Однако на пути потока бетонной скалой встала плотина.

Прошло четыре дня. На Каму снова началось наступление. С левого берега ветеран стройки С. И. Крякушин двинул свой БелАЗ к прорану, оставленному в русле для завершения навигации. Машина разворачивается, ковш кузова нависает над прораном, и первая бетонная глыба с надписью «Покорись, Кама!» исчезает в пучине. А рядом уже стоит другой самосвал, за ним третий...

В считанные дни выросла насыпная плотина, и река стала постепенно заполнять подготовленное ложе водохранилища. Кама покорена!

Впереди у строителей еще много дел. В декабре предстоит пустить первый энергоагрегат, весной ввести в действие шлюзы, затем последует установка остальных турбин. Через несколько лет крупная регулирующая ГЭС мощностью миллион двести сорок тысяч киловатт станет поддерживать надежность энергоснабжения центра европейской части страны. По мосту на плотине откроется путь к Уралу и в Сибирь!

Контрольный пост «Огонька»:
Игорь КУЗНЕЦОВ,
ответственный секретарь
газеты «Камские зори»

У ЗРИТЕЛЮ

гастроли

получия, но и от блестящего будущего, ибо за них надо платить слишком дорогой ценой: компромиссом и ложью.

Но, пожалуй, наибольшим успехом пользовались у москвичей два гастрольных спектакля азербайджанских гостей — музыкальная сказочная феерия «Два клена» Е. Шварца и «Белое солнце пустыни» В. Ежова и Р. Ибрагимбекова. Это тоже мюзикл, но совсем иного плана, рассчитанный на более взрослую аудиторию.

Романтическая полусказка-полубыль отнюдь не претендует на историческую достоверность. Казалось бы, все атрибуты типичного «боевика» налицо: погони, перестрелки, драки. Но, опоэтизированная героикой революции, пьеса выходит за рамки приключенческого жанра. Серьезным актерским успехом стала роль могучего добряка таможенника Верещагина в исполнении А. Кшиновлогера; трогательны в своей наивной незащищенности «цветок гарема» Гюльчатай актрисы Н. Гасановой и молодой солдатик Петруха, сыгранный Р. Алиевым. Пожалуй, только сам «гроза пустыни» Абдулла (К. Артемов) подчас выглядит слишком уж картинным — эдакий персонифицированный рок, гордый и страшный демон...

Давно миновала пора, когда театр для детей выполнял неблагодарную роль довеска к школьной программе. Сегодняшний ТЮЗ — это театр, который всегда с тобой и за тебя, живет твоими радостями и горестями. Именно поэтому так долго не смолкали аплодисменты на гастролях азербайджанского ТЮЗа.

Е. ИВАНОВА

Спектакль «Белое солнце пустыни». Фото М. Строкова

СМЕРТЬ НА ПОМОЙКЕ

Гюнтер ПРОДЛЬ

II

Расчеты кандидата в комиссары гамбургской полиции, казалось, оправдываются. Уже в середине марта Клингбайль прислал обещанный отчет: на сорока страницах были представлены подробные сведения более чем о сотне фирм и отдельных лиц, на протяжении ряда лет систематически отравлявших поля, реки и озера вреднейшими промышленными ядами.

Шестью годами позднее, 13 мая 1974 года, «Франкфуртер рундшау» писала: «Преступный картель сумел завладеть самыми крупными мусорными свалками Федеративной Республики Германии и за минувшие годы бесконтрольно сплавил туда неисчислимые массы смертельно опасных производственных отходов...» Приложенная к статье схема иллюстрировала сложное переплетение связей внутри этой банды западногерманских отравителей.

А «Шпигель» тогда же, 13 мая 1974 года, сообщал историю создания преступной организации: «Доходный промысел с ядовитым грузом достиг полного расцвета в 1968 году, когда в гостинице «У коня» под Гейдельбергом состоялось совещание владельцев крупнейших экспедиционных контор и мусоросвалочных пунктов. Хозяин гостиницы Эрнст Лорум разъяснил собравшимся преимущества картеля перед одиночными частными предприятиями. Присутствовавшие здесь же представители профтехнадзора и водного ведомства даже одобрили готовность Лорума возглавить объединение по приему, транспортировке и размещению промышленных отходов. Уже очень скоро оснащенный телеграфом и телефоном лорумский генеральный штаб в лице одного человека стал посылать по автомобильным и железным дорогам во всех направлениях составы цистерн и контейнеров с опасным фрахтом. Сведения, содержащиеся в регистрационной картотеке Лорума о том, что было зарыто под обычным мусором на свалках, сброшено на леса, луга и в ручьи, читаются, как цитаты из низкопробного романа об уничтожении жизни на земле: «В высшей степени опасный яд... опасные химикалии... вреднее, чем нервно-паралитические отравляющие вещества».

Итак, в марте 1968 года гордый полученной обширной информацией о преступном картеле Бевензен попросил у шефа соответствующего подкрепления для своего небоеспособного ведомства. Однако начальник полиции без особого энтузиазма воспринял известие, что к числу предприятий, загрязняющих территорию ФРГ самыми опасными промышленными ядами, относится одно крупное гамбургское пароходство и что Бевензен намерен в назидание другим арестовать судовладельца, поскольку масштабы и тяжесть преступления делают в данном случае арест вполне обоснованным.

— О ком, собственно, идет речь? — скептически спросил начальник полиции.

Бевензен сверился со своими бумагами.

— Пароходство охватывает примерно пятьдесят специальных наливных судов, плавающих преимущественно по внутренним водам страны. За последние три года, обслуживая нефтеперерабатывающие заводы компании «Калтекс» под Мангеймом и предприятия химического акционерного общества в Гамбурге, они вывезли, перекачав в Рейн и Эльбу, по меньшей мере 100 тысяч тонн высокотоксичных и радиоактивных жидких отходов производства. Ториевая кислота, видимо, и послужила причиной массовой гибели рыбы...

Энергичное начальственное покашливание заставило его остановиться.

— Я спросил вас, кто владелец этого пароходства.

Недовольный, что его прервали, Бевензен снова заглянул в свои протоколы.

— Некий доктор Юрген Бернхольд. Единоличный владелец, он же и управляющий. А значит, он и должен отвечать перед законом. Вот один из тех редких случаев, когда нельзя свалить вину на стрелочника!

Он победоносно взглянул на начальника, но, увидев бледное, напряженное лицо, осекся, чувствуя, что, кажется, с этим доктором Бернхольдом сел в лужу. У него вдруг возникли смутные

Окончание. Начало см. в № 44.

неприятные ассоциации. Он, однако, постарался изобразить простодушие:

— Что-нибудь с этим доктором Бернхольдом не так?

— Да! — тяжело выдохнул начальник полиции.— Доктор Юрген Бернхольд — один из самых авторитетных, самых влиятельных, более того, один из самых любимых представителей нашего города. И самый молодой почетный гражданин! Вместе со своей женой Хельгой он пять раз завоевал для Гамбурга — и не только для Гамбурга! — для нашей страны мировое первенство в исполнении латиноамериканских танцев. Вы понимаете, Бевензен, что это значит?

Образцом мужества, как известно, Бевензен служить не мог. Но сейчас он доказал, что и скромный чиновник административной полиции может порой закусить удила. Вежливо, но твердо он спросил:

— А что здесь, собственно, особенного? Перед законом как будто все равны, или для пятикратного чемпиона мира по танцам должно быть сделано исключение, законы для него не писаны?

Начальник полиции поднял брови.

— Какие? Какие законы он нарушил, Бевензен?! Когда?!

— Он нарушил их, шеф. Я располагаю весьма точными сведениями!

— Вы должны иметь не сведения, а доказательства, Бевензен. И если даже допустить, что Бернхольд по каким бы то ни было причинам действительно замешан в этих делах, у кого, по-вашему, поднимется рука для присяги против него перед судом?

Бевензен мотнул головой.

— Одного такого свидетеля я знаю, герр начальник полиции, и я вам его обеспечу.

Некоторое впечатление это как будто произвело. В категорической форме начальник гамбургской полиции против расследования уже не возражал, заклиная только своего усердного сотрудника со всей возможной деликатностью обходиться с пятикратным чемпионом мира по танцам, дабы вся эта история не кончилась плохо для них самих: для него, начальника полиции, и для Бевензена.

— При малейшем сомнении бросайте это дело! Успех в борьбе с загрязнением окружающей среды особых лавров нам не принесет. Людям все равно не втолкуешь, что сброшенный в Эльбу едкий натр грозит большими бедами всему человечеству, нежели одна шайка карманных воришек или одно преступление против нравственности. Да и толковать об этом по-настоящему нельзя. Ведь тема охраны природы ставит под вопрос самую суть, самые основы нашего общества — свободное предпринимательство. Хотим мы этого? Можем мы это? Можем ли мы этого хотеть, мы, государственные чиновники, а, Бевензен?

Разумеется, зачисленный на пожизненную государственную службу Бевензен вовсе не имел намерения ставить под вопрос свободное предпринимательство и подрывать устои общества, которому служил. Единственное, чего он страстно желал,— это сорвать маску с высокомерного любимца публики, развенчать этого знаменитого танцора, этого почтенного гамбургского гражданина, выставить его на позор перед людьми, которые сделали его своим кумиром и которым он так бессовестно вредит.

У Клингбайля, дуйсбургского агента Бевензена, имелась на Рейне быстроходная моторная яхта «Ксения». Это позволило Бевензену незаметно проследовать за судами чемпиона мира по танцам от заводов нефтяной компании «Калтекс» под Франкфуртом сначала по Майну, а затем вниз по Рейну.

В конце марта Бевензен решил по примеру лорда Нельсона атаковать флот Бернхольда. Во время предварительных разведывательных вылазок он установил, что ядовитые сточные воды танкеры перекачивают в один из уединенных рукавов дельты Рейна, в нескольких километрах от границы с Нидерландами, у небольшого городишки в районе Клеве. То есть в природном заповеднике, в центре летнего отдыха тысяч людей!

27 марта Бевензен занял свой пост в одном из маленьких притоков. Около 22 часов мглистый ночной туман прорезали зелено-бело-красные огни: с Рейна входило в приток судно. В оптический прибор Бевензен смог еще разглядеть, что это «Хазенбюттель» Бернхольда. Затем огни погасли, и только по смутным очертаниям судовых надстроек можно было догадаться, что мимо «Ксении» прошел вражеский танкер. Еще немного спустя послышался скрежет якорных цепей, и почти тут же команда стала готовить к работе насосы.

Положение Бевензена было крайне затруднительным. На «Ксении» он находился один, да и права подняться на борт «Хазенбюттеля» у него не было. Противозаконные действия совершались на территории, неподведомственной Гамбургу. А для того, чтобы обратиться за помощью к полицейским властям Клеве, надо было иметь подписанную начальником гамбургской полиции официальную бумагу.

И чтобы выманить сюда своих местных коллег, Бевензен решил пуститься на хитрость. Он потихоньку вывел «Ксению» из притока в Рейн, а затем повернул обратно и с ходу врезался в танкер, команда которого все еще перекачивала в реку свою химическую отраву, делая это, конечно, при выключенных сигнальных огнях. Таким образом, авария произошла не по вине Бевензена. Правда, он едва не погубил «Ксению», но зато вывел из строя рулевое управление «Хазенбюттеля», полностью лишив флагманское судно маневренности и вынудив капитана Ханса-Петера Невигера самого обратиться по радио за помощью к речной полиции Клеве.

При расследовании причин аварии неизбежно должно было обнаружиться, почему «Хазенбюттель» с погашенными огнями стоял на якоре в притоке Рейна. Рассчитывая на это, Бевензен не ошибся: делу о нарушении водного законодательства был дан ход.

Однако дальше все пошло совсем не так, как можно было ожидать. Угроза наказания не заставила Ханса-Петера Невигера выдать подлинного инспиратора и главного виновника махинаций с ядовитыми отбросами. Капитан «Хазенбюттеля» взял всю вину на себя, покаявшись в корыстном умысле: хотел за спиной хозяина заработать тысчонку-другую марок. Достопочтенный судовладелец, чемпион мира по танцам доктор Бернхольд об этом и не подозревал.

Готовность Невигера к самопожертвованию была легкообъяснима. Поступи он иначе, лишись он доверия всесильного судовладельца, не видать бы ему больше капитанского мостика ни в одном гамбургском пароходстве. Бевензен был бессилен чтолибо здесь изменить; Невигер продолжал стоять на своем: Бернхольд к делу не причастен.

Доказательств антиобщественной, преступной деятельности гамбургского почетного гражданина кандидат в комиссары полиции представить своему начальству так и не смог.

То, что пятикратный чемпион мира по танцам доктор общественно-политических наук Юрген Бернхольд спустя два года предстал все же перед судом, явилось следствием обстоятельств, которых заинтересованные лица своевременно не предусмотрели, а потому и предотвратить не смогли.

Ремонт сильно поврежденной моторной яхты «Ксения» должен был стоить 15 тысяч марок. Клингбайль требовал их у кандидата в комиссары полиции, которому во временное пользование была предоставлена яхта. Бевензен, в свою очередь, переадресовал требование дальше: так как авария произошла из-за отсутствия на «Хазенбюттеле» предписанных правилами сигнальных огней, убытки должны были быть возмещены за счет гарантийного страхования.

Страховое общество, как водится в таких случаях, тщательно все проверило и выяснило, почему танкер стоял на якоре в полной темноте. 15 тысяч марок за ремонт «Ксении» оно, правда, выплатило, но тут же обратилось в суд с требованием взыскать эту сумму с Невигера как единственного виновника происшедшей аварии. Поскольку на допросах в полиции капитан «Хазенбюттеля» признался, что грубо нарушил правила судовождения, стремясь тайком перекачать в Рейн ядовитые химические отходы, и что эта противозаконная операция совершалась без ведома судовладельца, к застрахованному танкеру все случившееся отношения не имеет!

Такого оборота дела Невигер никак не ожидал. Услышав в палате по гражданским делам гамбургского ландгерихта[1], какую сумму ему придется уплатить, он струхнул уже по-настоящему и перестал выгораживать Бернхольда, поведав суду, что именно по заданию этого всеобщего любимца «Хазенбюттель» и еще 13 танкеров спускают в Рейн тысячи тонн всякой отравы.

Сам Бернхольд в подобные мелкие неприятности своих служащих не вникал, а может быть, как раз тогда участвовал в очередном танцевальном турнире где-нибудь за границей. Вся история стала известна ему лишь по окончании этого непредвиденного гражданского процесса, из-за которого вокруг махинаций с ядовитыми отходами разгорелся первый крупный скандал.

Так кандидат в комиссары полиции Бевензен, ни на что уже не надеявшийся, дождался своего звездного часа.

По фактам, установленным при рассмотрении иска, прокуратура возбудила уголовное дело против Бернхольда, и 7 декабря 1970 года ландгерихт Клеве присудил его к восьми месяцам лишения свободы и 85 тысячам марок штрафа. Проходившие по тому же делу капитаны, среди которых был и Невигер, отделались штрафами в размерах от 500 до 5000 марок. В своем резюме председательствующий, директор ландгерихта Шольтен отметил, что капитаны действовали в экономических интересах фирмы, Бернхольд же из корыстных побуждений не постеснялся злоупотребить властью судовладельца над зависящими от него служащими...

Все же одного результата этот громкий скандал достиг: впервые внимание общественности ФРГ было привлечено к такого рода преступлениям и к тем поистине необозримым грозным последствиям, к которым они могли привести. В прессе появились первые критические статьи.

«Здесь мы столкнулись с корыстолюбием самого отвратительного сорта»,— писал «Шпигель». А профсоюзная газета «Металь» задавала вопрос: «Почему вместе с другими обвиняемыми не сидели на скамье подсудимых руководители «Калтекса»? Они-то ведь больше всего и наживались на этом преступном промысле, они сэкономили миллионы, которые пришлось бы потратить на очистные сооружения. Но самое худшее, что они вовлекали в свои криминальные махинации все больше людей: непрестанно повышая плату за вывоз ядовитых стоков, они разжигали алчность судовладельца Бернхольда и его не пойманных пока сообщников...»

Кое-какую пользу принес этот скандал и Бевензену, которого произвели наконец в комиссары. Расширили также и штаты возглавляемого им отделения: он получил двух новоиспеченных кандидатов в секретари уголовной полиции[2]. Его даже уполномочили активизировать борьбу с загрязнением окружающей среды.

Шестнадцать представителей извозного промысла, сбрасывавших ядовитые отходы химических и нефтеперерабатывающих заводов в Эльбу в районе Большого Гамбурга, были переданы прокурору еще в 1968 году. И Бевензен очень скоро понял, почему его осведомитель Клингбайль именно эти фирмы принес на алтарь правосудия. Все шестнадцать экспедиторов были конкурентами картеля, к которому сам Клингбайль принадлежал. Однако Бевензен допустил серьезный промах, упомянув на следствии о картеле и о Клингбайле и пригрозив подозреваемым выставить Клингбайля свидетелем обвинения в суде. Так владельцам экспедиционных контор очень

---

[1] Суд земли (земля в ФРГ — исторически сложившаяся крупная территориальная единица). (Прим. перев.)

[2] Должностное звание младшего полицейского чиновника в ФРГ. (Прим. перев.)

скоро стало известно, что Клингбайль — полицейский шпик.

Покойника нашли на отмели у Белума, там, где неподалеку от Куксхафена Осте впадает в Эльбу. Обнаружил его крестьянин Генрих Бёмеке из Оттерндорфа. Через два часа мейстер[3] Виттенберг из 1-го полицейского участка Куксхафена прибыл на место, поспев как раз вовремя, перед самым началом полуденного прилива, который унес бы мертвеца дальше.

Погибший оказался мужчиной лет пятидесяти пяти, очень высокого роста и около ста килограммов весом. В морге оттерндорфской больницы местный врач нашел, что левая рука в плечевом суставе сломана, но, несмотря на это, пришел к выводу, что смерть наступила вследствие несчастного случая: человек утонул сам.

Отсюда мейстер Виттенберг заключил, что неизвестный сломал руку при падении с какого-нибудь судна и что дальнейшее расследование производить нецелесообразно: согласно полученной по телефону справке из портовой диспетчерской Куксхафена, за последние сто часов, относящиеся ко времени гибели неизвестного, мимо белумской отмели вверх и вниз по Эльбе прошло 900 судов из 28 стран. В своем донесении прокурору Виттенберг указывал, что расходы, которых потребовала бы проверка всех девятисот судов, никак несоизмеримы с этим малосущественным случаем. В результате неизвестный утопленник был похоронен, а материалы о нем сданы в архив.

По заведенному порядку федеральное управление уголовной полиции включило и этот случай в очередной бюллетень, где перечислялись объявленные к розыску лица, а также и неопознанные трупы. Но по недостатку места фотографию белумского утопленника заменили кратким словесным портретом.

Бевензен, в круг обязанностей которого розыск пропавших без вести не входил, вероятнее всего, вообще этого сообщения не заметил. Да и слишком скудное описание неизвестного покойника едва ли могло навести Бевензена на мысль о Клингбайле, который после кораблекрушения моторной яхты всякое сотрудничество с ним прекратил и вестей о себе больше не подавал.

Только через 13 месяцев, в ноябре 1969 года, когда гамбургский иллюстрированный журнал «Штерн» почему-то вспомнил белумского утопленника и поместил его фотографию, Бевензен увидел знакомое, расплывшееся лицо Клингбайля. Впрочем, гибель человека, которому он, в сущности, был обязан жизнью и продвижением по службе, его не опечалила.

Бевензен не стал спорить. Его это, в общем-то, не касалось. Он свой долг выполнил. Право же, нельзя было требовать от него чего-то еще. Расследование убийства Клингбайля в его обязанности не входило. А уж теперь оно и вовсе не имело к нему отношения: с 1 января 1969 года он был переведен в транспортную полицию, и здесь, в автодорожной инспекции, ему предстояло скоро производство в оберкомиссары. Он ведь никогда и не думал скрывать, что на работу в полицию поступил с единственной целью иметь прочное, не зависящее от экономических кризисов место и гарантию на пенсию по старости.

Было бы, однако, несправедливо по отношению к уголовной полиции Куксхафена умолчать о том, что она приложила теперь все силы, чтобы довести дело до конца. Мейстер Виттенберг, год назад поспешивший сдать материалы о неизвестном утопленнике в архив, сейчас извлек их оттуда и по-настоящему принялся за работу. Он распорядился об эксгумации трупа и поручил вскрытие квалифицированному судебному медику. Он запросил также все пароходства, к которым относились упомянутые 900 судов. И, наконец, он привлек к участию в деле эксперта-гидролога доктора Лухта из управления речного и морского транспорта Гамбурга.

Произведя сложные расчеты относительно силы ветра, его направления, относительно скорости течения, приливов и отливов и тщательно проанализировав полученные результаты, доктор Лухт пришел к категорическому заключению, что Зигфрид Клингбайль никоим образом не мог очутиться на белумской отмели, свалившись в районе Куксхафена с океанского лайнера. Утопили его где-то в другом месте, возможно даже, в его собственной ванне в Дуйсбурге и при этом сломали ему руку. В окрестности Куксхафена он попал уже мертвый и был сброшен в воду с какой-нибудь моторной лодки, никак с официальной службой порта не связанной и потому диспетчером не зарегистрированной.

На отмель же у Белума труп вынесло вследствие редчайшего случая. Эксперт-гидролог рассчитал, что произойти такое могло только при уровне воды 6,35 метра. А этот уровень наблюдался за весь год лишь один раз: в ночь с 4 на 5 октября 1969 года! Отсюда следовало, что убили Клингбайля люди, сведущие в судоходстве, знающие особенности приливов и отливов. Только одного не учли, не могли учесть эти люди: уровня воды 6,35 метра. Просто такое обстоятельство заранее предсказать невозможно. А не случись его, труп Клингбайля исчез бы навсегда и бесследно.

Однако установлением данного факта возможности куксхафенской уголовной полиции были исчерпаны. Выяснить, кто же они, эти расчетливые, изощренные убийцы, так и не удалось.

Отравление воды и воздуха опасными промышленными ядами продолжается и поныне. Ни полиция, ни суд ничего в этом вопросе не изменили.

4 октября 1974 года в статье, озаглавленной «Что, мафия отравителей так и останется безнаказанной?», дюссельдорфская «Дойче цайтунг» писала: «Если созданная преступными возчиками банда могла представлять реальную угрозу для 60-миллионного населения ФРГ, то ведь единственно потому, что промышленные концерны рады были любым способом отделаться от ядовитых отходов».

То, что такого рода дела вообще вызвали в последние годы целую серию скандалов, неизбежно приведших к судебным процессам, было заслугой не властей, а совсем иных общественных сил. Застрельщицей в этом вопросе была Германская коммунистическая партия, сумевшая организовать специальные трибуналы в особо загрязненных местностях — в Северном Рейне-Вестфалии, Гессене и Бадене, разоблачить виновных и публично заклеймить их позором. ГКП была первой политической партией, предложившей в ФРГ проект нового закона об охране окружающей среды, который исходил из принципа соразмерности вины и наказания: наибольшую ответственность за преступный промысел должны были нести подлинные виновники этих махинаций — промышленные концерны.

Ландтаги[4], возглавляемые социал-демократами и деятелями ХДС, всячески противились подобным разоблачениям, заявляя, что все это политические происки коммунистов. Однако ГКП неизменно подкрепляла свои сообщения столь убедительными доказательствами, что полиция и правовые органы, хотя и разводили волокиту на многие месяцы, в конце концов оказывались вынуждены предать виновных суду.

Орган ГКП «Унзере цайт» еще в августе 1971 года поднял вопрос о позорной истории, ставшей впоследствии печально известной как «Бохумский скандал с цианидами». Однако процесс в Бохуме состоялся лишь в ноябре 1973 года, и 6-я судебная коллегия ландгерихта, разбиравшая это дело, отнеслась к опасным правонарушителям с той же снисходительностью, что и другие суды. За 20 тысяч бочек цианистых стоков, вылитых в заводь под Бохумом, главные обвиняемые были приговорены: один — к 18, другой — к 9 месяцам лишения свободы. Пятеро возчиков отделались штрафами от 500 до 5000 марок. Поставщик ядовитого фрахта концерна «Дегусса» поначалу вообще не был привлечен к ответственности.

В Гессене, как и в Бохуме, задолго до первого крупного скандала аналогичного рода ГКП привлекла внимание общественности к преступно опасным действиям отравителей окружающей среды. В сентябре 1973 года один из возчиков, 23-летний Зигфрид Плауман, был наконец арестован.

Под покровом ночи Плауман переправил на мусоросвалки во все концы страны 60 тысяч тонн мышьяковистых, цианистых, серно- и азотнокислых отбросов, спустил в канализацию и грунтовые воды многие автоцистерны канцерогенных химикалиев и высокотоксичных отходов нефтепереработки. Пробы, взятые в зараженных Плауманом местностях, показали, что в почве и воде образовались уже нервно-паралитические яды.

Вскрывшиеся в связи с делом Плаумана факты повлекли за собой в мае 1974 года второй гессенский скандал, который вынудил гессенского министра по охране природы Вернера Беста уйти в отставку и обнаружил наконец истинные масштабы злодеяний, совершенных мафией отравителей за минувшие годы.

«Шпигель» по этому поводу писал: «На мусорных свалках Западной Германии тайно хранились сотни тысяч тонн ядовитых отходов производства: пестицидов, мышьяковистых и цианистых соединений. Такого количества хватило бы для убийства всего населения ФРГ. Вина лежит на промышленных концернах, политиках, органах власти и профессиональных уборщиках мусора».

«Вина лежит...» — эти слова то и дело можно было потом прочесть в газетах, услышать в речах политиков, найти в обвинительных заключениях прокуроров.

Вот, однако, во что все это на практике вылилось: в 115 процессов против мелких предпринимателей извозного промысла и владельцев мусоросвалочных пунктов и в «наказание» штрафами от 10 марок до 3000 марок!

Так что проклинаемая в газетных статьях гангстерская организация («Франкфуртер рундшау» от 13 мая 1973 года: «Ядовитые отходы западногерманской промышленности сосредоточены в руках широко разветвленной мафии, которой полноправно распоряжаются всего несколько человек») ничуть не пострадала, а ее главари не только сохранили свою полноправную власть, но даже сумели извлечь из скандала новые миллионные барыши.

Самый могущественный из гангстерских боссов, Эрвин Прайель, висбаденский предприниматель, владелец или совладелец самых крупных, связанных с мафией экспедиционных контор, близкий друг и собутыльник нового министра по охране природы Крольмана, основал совместно с дуйсбургским экспедитором Гуго Штиннесом «Баденское товарищество по устранению промышленных отходов Мангейма» и привлек к участию в нем другие транспортные фирмы, пополнив таким образом ряды мафии. Задачей нового гангстерского «товарищества» было убрать со свалок ФРГ и извлечь из-под земли несметные тысячи тонн ядов, чтобы перевезти их на так называемый опытный полигон под Оффенбахом, где они будут со временем полностью уничтожены. Министр по охране природы Кольман, при вступлении в должность поклявшийся приложить все силы, чтобы очистить Гессен от вылитых на его территорию ядовитых помоев, предоставил своим приятелям-гангстерам возможность на средства налогоплательщиков легальным путем устранить опасные последствия собственных нелегальных махинаций. Теоретически ни в какой другой области невозможный перпетуум-мобиле оказался вполне реальным в деле преступной наживы!

19 февраля 1975 года западноберлинская радиостанция РИАС известила: «Новые скандальные махинации с ядовитыми отходами вскрыты уголовной полицией Висбадена. Министр внутренних дел Гессена Билефельд сегодня сообщил, что около 12 тысяч кубометров ядовитых отходов были не сожжены, а обманным путем вывезены на свалки вместе с бытовым мусором. Подозревают, что преступления совершены теми же фирмами, которые в прошлом году проходили по нашумевшему делу об отравлении всей территории ФРГ опасными промышленными ядами!»

Перевела с немецкого Татьяна ГИНЗБУРГ.

[3] Звание младшего командного состава в полиции. (Прим. перев.)

[4] Парламенты земель.

За Советскую власть

Стихи В. ФИРСОВА

Музыка И. МЕЛЬНИКА

Плачет чайка над Волгою,
Пыль в степи поднялась,
Бьются наши товарищи
За Советскую власть.

Смело бьются и падают
Под копыта коней.
Мчатся кони без всадников
По волнам ковылей.

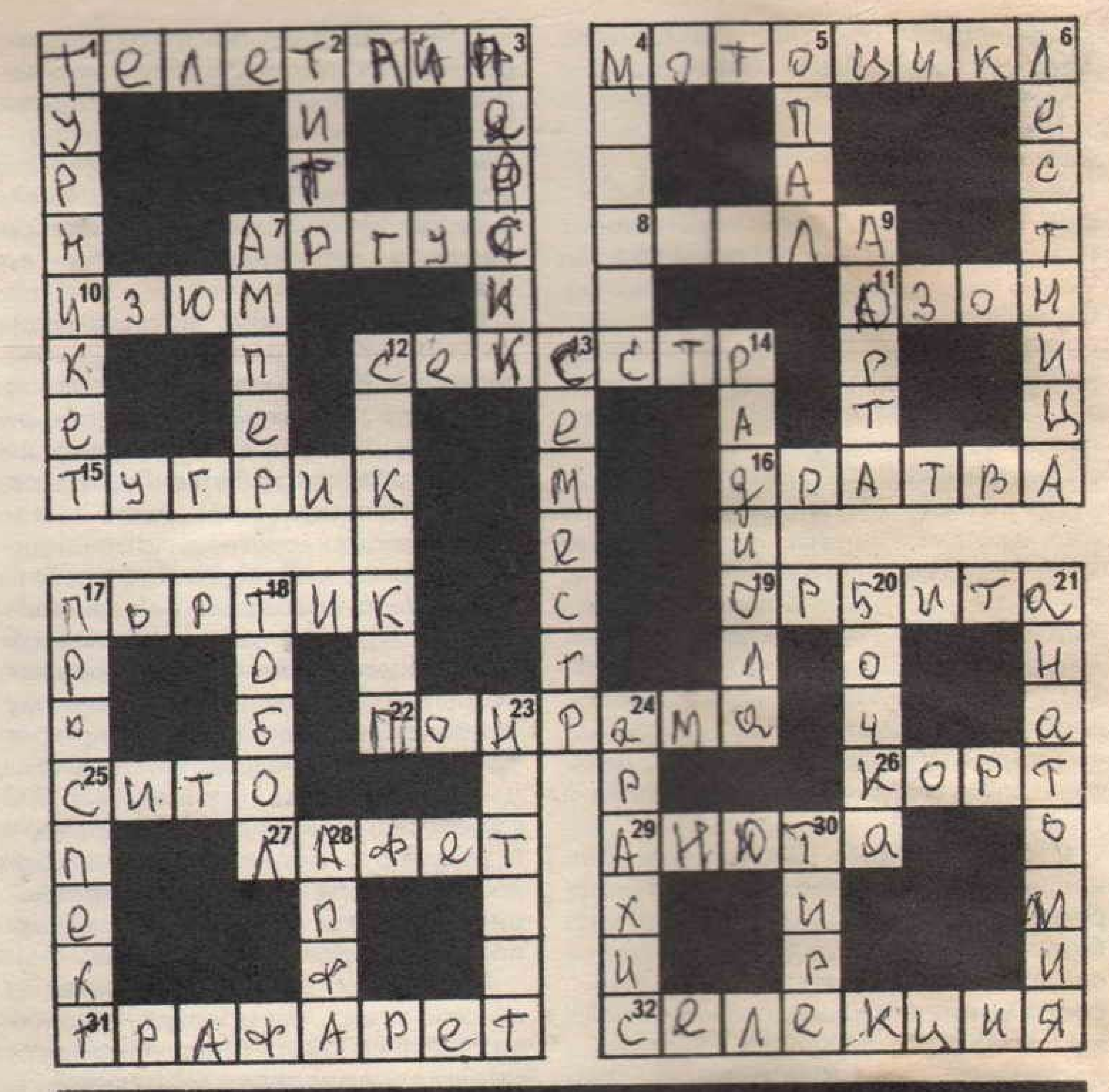
Бродит чайка по отмели.
Пыль в степи улеглась.

Умирают товарищи
За Советскую власть.

Умирают товарищи,
Чтобы вера жила,
Чтобы жили бессмертные
Нашей правды дела.

Снова чайка над Волгою,
Снова пыль поднялась,
Снова бьются товарищи
За Советскую власть.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Средство связи. 4. Самоходная машина. 7. Пограничная река в Закавказье. 8. Сумчатый медведь. 10. Сушеный виноград. 11. Газ, соединение трех атомов кислорода. 12. Автор комедии «Сон в летнюю ночь». 15. Денежная единица Монголии. 16. Просмоленная нитка. 17. Архитектурное оформление дверного проема. 19. Путь планеты, космического корабля. 22. Жанр изобразительного искусства. 25. Приспособление для просеивания. 26. Площадка для игры в теннис. 27. Станок артиллерийского орудия. 29. Героиня повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 31. Образец, шаблон. 32. Выведение лучших сортов растений, пород домашних животных.

По вертикали: 1. Вертящееся устройство для пропуска публики на стадионы, выставки. 2. Хищное животное. 3. Южное плодовое дерево. 4. Центр автономной области в РСФСР. 5. Драгоценный камень. 6. Ряд ступеней. 7. Единица силы электрического тока. 9. Главная артерия. 12. Кондитерское изделие. 13. Половина учебного года в вузах. 14. Радиоприемник с электропроигрывателем. 17. Широкая улица в городе. 18. Приток Иртыша. 20. Фигура высшего пилотажа. 21. Наука о формах и строении тела человека. 23. Созвездие южного полушария неба. 24. Земляной орех. 28. Струнный инструмент. 30. Знак препинания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 5. Эстамп. 7. Ергени. 9. Казачок. 10. Дейнека. 11. Слип. 13. Препарат. 15. Еланская. 17. Мангуста. 18. Прилагательное. 21. Планктон. 23. «Товарищи». 24. Волейбол. 25. Яшма. 26. «Манфред». 28. Цветник. 30. «Отелло». 31. Ибадан.

По вертикали: 1. Хала. 2. Ипподром. 3. Серенада. 4. Аган. 6. Ставрида. 8. Некрасов. 11. Стенография. 12. Перспектива. 14. Программа. 16. Свободный. 19. Киловатт. 20. Буколика. 21. «Птицелов». 22. Наливкин. 27. Филь. 29. Трак.

На первой странице обложки: Н. А. Андреев. В. И. ЛЕНИН. Бронза. (Центральный музей В. И. Ленина. Москва.)

На последней странице обложки: Легендарный крейсер «Аврора».

Фото Н. Аряева.
(Москва. На фотоконкурс).

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

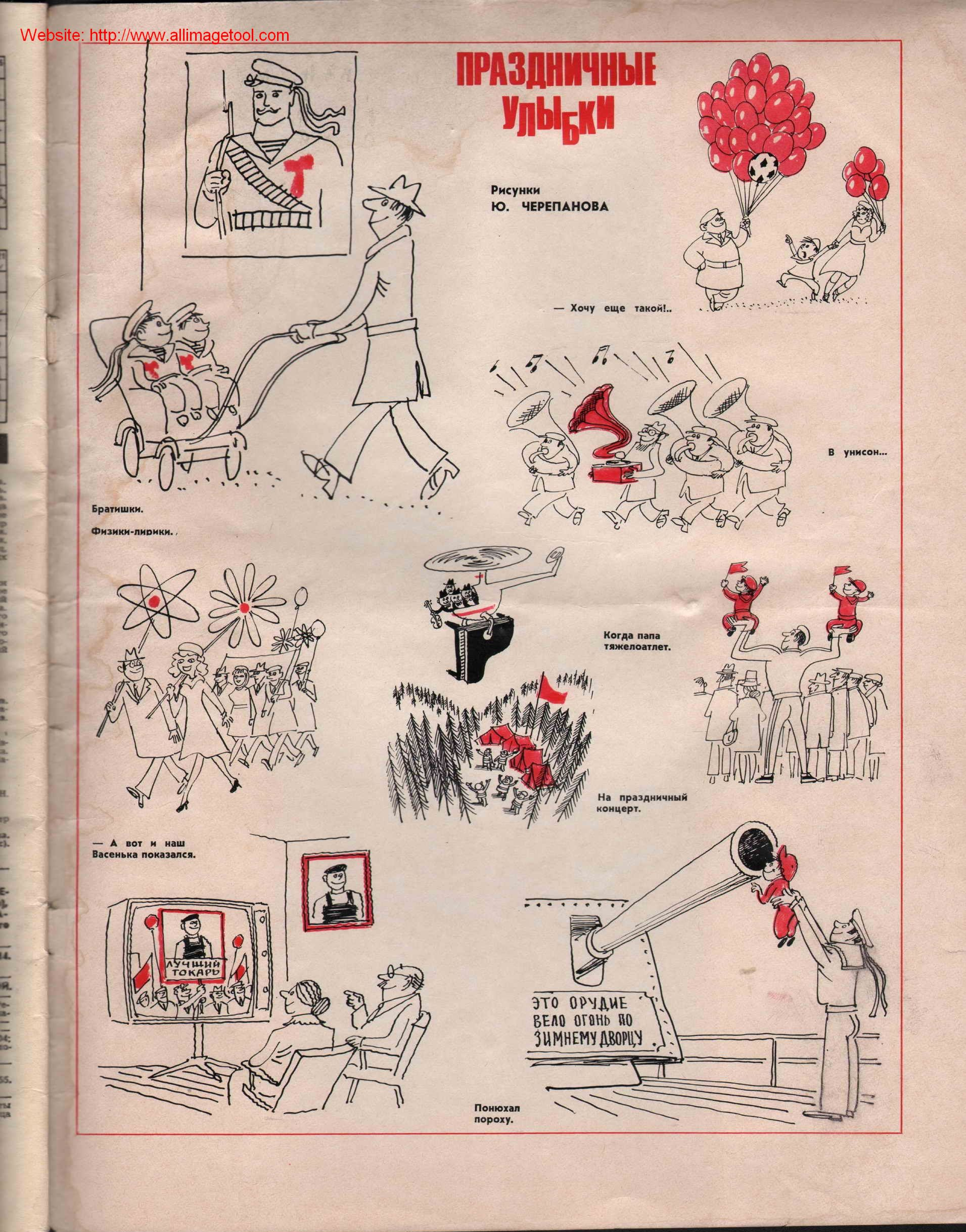
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 16.10.78. Подп. к печати 31.10.78. А 01241.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 030 000 экз. Изд. № 2503. Заказ № 2939.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПРАЗДНИЧНЫЕ УЛЫБКИ

Рисунки
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Братишки.

— Хочу еще такой!..

В унисон...

Физики-лирики.

На праздничный концерт.

Когда папа тяжелоатлет.

— А вот и наш Васенька показался.

Понюхал пороху.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

